

В.А. Семейсов, А.А. Пахаруков

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ
НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)**

Учебное пособие

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Байкальский государственный университет

В.А. Семейсов, А.А. Пахаруков

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

Учебное пособие

Иркутск
Издательство Байкальского государственного университета
2019

УДК 347.736(075.8)
ББК 67.404(2)3я7
С30

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Рецензенты д-р юрид. наук, доц. Н.В. Васильева
канд. юрид. наук, доц. М.Л. Горковенко

Семеусов В.А.

С30 Правовое регулирование отношений несостоятельности (банкротства) : учеб. пособие. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2019. – 156 с. – URL: <http://lib-catalog.bgu.ru>.

В систематизированном виде излагаются наиболее актуальные вопросы правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства), получившие в юридической доктрине наименование конкурсных отношений. Исследованы теоретические и практические проблемы толкования и применения конкурсного законодательства, обоснованы предложения по его совершенствованию.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов, арбитражных управляющих, а также всех тех, кто интересуется вопросами применения законодательства о несостоятельности (банкротстве).

УДК 347.739(075.8)
ББК 67.404(2)3я7

© Семеусов В.А., Пахаруков А.А., 2019
© Издательство БГУ, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов	4
Предисловие.....	5
Глава 1. Сущность несостоятельности (банкротства).....	7
§ 1. Понятие несостоятельности (банкротства).....	7
§ 2. Критерии несостоятельности (банкротства).....	17
§ 3. Соотношение несостоятельности и банкротства	23
Учебно-методические материалы	28
Глава 2. Источники правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства)	30
§ 1. Генезис конкурсного законодательства	30
§ 2. Систематизация российского конкурсного законодательства.....	44
§ 3. Телеологическое толкование норм конкурсного законодательства ...	47
Учебно-методические материалы	57
Глава 3. Субъектный состав отношений несостоятельности (банкротства) ...	60
§ 1. Конкурсоспособность должника как правовая категория.....	60
§ 2. Классификация кредиторов в деле о банкротстве	65
§ 3. Правовое положение собрания и комитета кредиторов	69
§ 4. Понятие и виды арбитражного управления в российском праве	75
Учебно-методические материалы	86
Глава 4. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства)	91
§ 1. Реализация принципа соразмерности в правовом регулировании отношений несостоятельности	91
§ 2. Правовой режим требований отдельных кредиторов в деле о банкротстве.....	96
§ 3. Принципы удовлетворения требований кредиторов в деле о банкротстве гражданина	105
Учебно-методические материалы	111
Глава 5. Правовое регулирование отношений несостоятельности (банкротства) отдельных категорий должников.....	117
§ 1. Правовое регулирование банкротства граждан	117
§ 2. Правовое регулирование банкротства индивидуальных предпринимателей.....	121
§ 3. Правовое регулирование банкротства крестьянских (фермерских) хозяйств.....	126
§ 4. Правовое регулирование отношений, связанных с трансграничной несостоятельностью	134
Учебно-методические материалы	139
Методические рекомендации.....	142
Рекомендуемая литература.....	146

ОТ АВТОРОВ

Основными задачами предлагаемого учебного пособия является овладение обучающимися более глубокими по сравнению с общепрофессиональными дисциплинами знаниями и навыками по вопросу толкования и применения правовых норм законодательства о банкротстве, приобщение студентов к решению наиболее сложных и актуальных проблем науки и практики конкурсного права.

В ходе изучения курса студенты рассматривают уже известный им в основных статических чертах нормативный материал по вопросам несостоятельности (банкротства). Однако анализируют его с точки зрения функционального взаимодействия правовых норм и правовых институтов различных отраслей права (публично-правовых и частноправовых), регулирующих отношения, возникающие в ходе применения законодательства о несостоятельности (банкротстве). Думается, поэтому преподавание курса должно способствовать систематизации полученных ранее знаний, активизации познавательной самостоятельности студентов, развитию у них интереса к научному творчеству.

По своему содержанию курс конкурсного права предполагает рассмотрение вопросов правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства), является квинтэссенцией или средоточием многих проблем экономики и права. Неслучайно при его построении возникает целый ряд трудностей содержательно-методологического и организационного характера. Предлагаемое учебное пособие учитывает разные методологические ориентации, реализуя как комплексный подходы при раскрытии той или иной темы в зависимости от ее содержания и специфических задач.

Учебное пособие предназначено для студентов юридических вузов, изучающих курс «Конкурсное право», а также смежные курсы аналогичного содержания. Пособие может быть использовано в ходе реализации основной образовательной программы подготовки не только бакалавров, но и магистрантов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Целью освоения учебной дисциплины «Конкурсное право» является формирование у обучающихся основных и важнейших представлений о механизме правового регулирования общественных отношений, возникающих при проведении процедур, применяемых в деле о несостоятельности (банкротстве); формирование у обучающихся компетенций при осуществлении ими в будущем организационной, управленческой, экспертной, нормативно-методической, аналитической, консультационной, предпринимательской деятельности в сфере применения законодательства о несостоятельности (банкротстве).

Задачи освоения учебной дисциплины «Конкурсное право»:

– достижение всестороннего, глубокого понимания обучающимися природы и сущности основных понятий, юридических конструкций института несостоятельности (банкротства), а также их конкретного законодательного оформления как в действующем и предшествующем, так и в зарубежном законодательстве (теоретико-познавательная задача);

– формирование навыка научно-исследовательской работы в области применения законодательства о несостоятельности (банкротстве) (учебно-исследовательская задача);

– формирование умения применять нормы законодательства о несостоятельности (банкротстве) к конкретным жизненным ситуациям, анализировать и давать их правовое толкование (учебно-практическая задача);

– формирование творческой личности, профессионального правосознания будущих специалистов (мировоззренческая задача).

В результате освоения дисциплины «Конкурсное право» обучающийся должен достигнуть следующих результатов образования:

знать основания признания должника банкротом; правовой статус участников конкурсных отношений; порядок применения процедур, применяемых в деле о банкротстве, и их содержание;

уметь правильно разработать механизм реализации конкретной процедуры банкротства в случае работы в команде антикризисного управляющего; толковать и применять нормы законодательства о несостоятельности (банкротстве) к конкретным жизненным ситуациям; юридически правильно квалифицировать факты и обстоятельства в ходе осуществления процедур, применяемых в деле о банкротстве; разрабатывать документы правового характера, связанные с применением процедур, применяемых в деле о банкротстве, осуществлять правовую экспертизу нормативных правовых актов, регулирующих процедуры, применяемые в деле банкротстве хозяйствующих субъектов; принимать правовые решения и совершать иные юридические действия в точном соответствии с законодательством о несостоятельности (банкротстве); давать квалифицированные юридиче-

ские заключения и консультации по вопросам применения законодательства о несостоятельности (банкротстве); систематически повышать свою профессиональную квалификацию, изучать законодательство о несостоятельности (банкротстве) и практику его применения, ориентироваться в специальной литературе по антикризисному управлению;

иметь представление о судебно-арбитражной практике применения конкурсного законодательства; о перспективах и основных тенденциях развития конкурсного права; об особенностях правового регулирования несостоятельности (банкротства) субъектов хозяйственной деятельности в зарубежных странах;

владеть юридической терминологией; навыками работы с актами конкурсного законодательства и актами судебных органов; навыками юридического анализа норм конкурсного права; навыками практической реализации гражданско-правовых норм в различных сферах жизнедеятельности; навыками социального взаимодействия на основе принятых в обществе моральных и правовых норм; навыками анализа различных правовых явлений, юридических фактов, правовых норм и правовых отношений, являющихся объектами будущей профессиональной деятельности.

ГЛАВА 1. СУЩНОСТЬ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

§ 1. Понятие несостоятельности (банкротства)

Несостоятельность и банкротство как лексические единицы.

При трактовке сущности какого-либо явления как внутреннего содержания предмета, обнаруживающегося во внешних формах его существования, прежде всего, определенный исследовательский интерес представляет анализ дефиниций, содержащихся в современной научной справочной литературе. Это позволяет «увидеть» различные грани того или иного явления во всем многообразии и сложности его проявления – от этимологической и семантической характеристики до экономической и юридической трактовки.

В современном русском языке «несостоятельность» относится к группе полисемантических слов. К примеру, в толковом словаре, составленном под редакцией Д.Н. Ушакова (1940 г.), отмечено два его значения, в словаре Т.Ф. Ефремовой (2000 г.) – три значения¹. Многозначность слова, как известно, обычно реализуется в речи: чаще всего даже самого узкого контекста бывает достаточно для того, чтобы прояснились оттенки значений таких слов. Как отмечается лингвистами, полисемия, выступая объективно существующим в лексикологии явлением, служит предпосылкой диверсификации смыслового поля со все большей его отдаленностью от первоначального ядра, связанного с профессиональной деятельностью, что характерно для рассматриваемой лексической единицы. Так, если в XIX в. (согласно словарю В.И. Даля) состоятельным человеком считалось лицо «зажиточное», «с *порядочным* достатком», а о состоятельном должнике говорили как об «исправном, могущим уплатить долги свои, *коего имущество покрывает все долги*»², то в XX в. критерии состоятельности несколько «девальвировались». Таковым, согласно словарю Д.Н. Ушакова, уже считается «*более или менее значительное благосостояние, платежеспособность*»³.

Напротив, содержание семантического объема слова «банкротство» более конкретно, поскольку оно имеет только одно *прямое* (основное) значение, непосредственно соотносимое с явлением социально-

¹ См.: Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000. Т. 2. С. 553 ; Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 1028.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1999. Т. 4. С. 280.

³ Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4. С. 403.

экономической действительности, хотя допустимым является также употребление слова и в *переносном* значении как метафоры¹.

В русском языке «банкротство» и «несостоятельность» рассматриваются как синонимы, поэтому чаще всего в толковых словарях значение одного слова определяется через другое. Так, согласно словарю В.И. Даля, несостоятельность есть «неустойка» (т.е. состояние предмета, не устоявшего против какой-либо силы), «банкротство»; по словарю С.И. Ожегова банкротство – это «несостоятельность, сопровождающаяся прекращением платежей по долговым обязательствам»². Иногда семантическая характеристика данных слов осуществляется с помощью другого понятия – «неплатежеспособность», являющееся по отношению к последним родовым явлением. Так, согласно уже упоминавшемуся словарю С.И. Ожегова прилагательное «несостоятельный» трактуется как «*не имеющий денег* для оплаты своих обязательств, материально не обеспеченный», а словарь современного русского литературного языка дает следующее определение банкротству: «...положение банкрота, *неплатежеспособность* частного лица или предприятия»³. На основании изложенного можно прийти к выводу, что особенностью лингвистического подхода к вопросу соотношения понятий «несостоятельность» и «банкротство» является традиционное их отождествление, при этом и то и другое может характеризоваться через понятие «неплатежеспособность».

Между тем представляется, что рассматриваемые лексические единицы, являясь семантическими синонимами, не могут рассматриваться абсолютно равновеликими (дублетами). Как известно, язык не терпит избыточности и равновеликие термины (дублеты) в нем не приживаются: происходит разграничение значений или слово получает особый стилистический оттенок. Думается, что «несостоятельность» и «банкротство» с точки зрения современной лексикологии отражают различные аспекты проявления признака – «неплатежеспособность частного лица, предприятия». Первая лексическая единица не заключает в себе какого-либо позитивного содержания. Ее информация негативна: она свидетельствует лишь об отсутствии определенного позитивного качества, то есть о том, что несостоятельный должник не принадлежит к числу состоятельных, и только. При

¹ См.: Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка... Т. 1. С. 65 ; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1997. С. 36 ; Словарь иностранных слов / науч. ред. А.Г. Спиркин, И.А. Акчурина, Р.С. Карпинский. 8-е изд., стер. М., 1981. С. 73 ; Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999. Т. 1. С. 60.

² Даль В.И. Толковый словарь... Т. 2 С. 536, 541 ; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 36.

³ См. соответственно: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 413 ; Словарь современного русского литературного языка / гл. ред. К.С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1991. Т. 1. С. 330.

этом очевидно, что слову «состоятельный» могут сообщаться различные оттенки – от простой возможности платить по своим долгам до наличия достатка, зажиточности, наличия имущества, покрывающего все долги. Отрицание здесь характеризует *состояние*, придавая таким образом слову констатирующий (статический) оттенок. Иное дело вторая лексическая единица. Банкротом принято считать не просто разорившегося (несостоятельного) должника, но и объявленного или признанного таковым¹. Поэтому банкротство – суть не только состояние, но и *процесс*. Следовательно, значение слова имеет не только «статический», но и «динамический» оттенок, передающий характер действия, что обуславливает специальную сферу его употребления.

Выявленная лексикологическая тенденция является в языке неустоявшейся, а потому не всегда уловимой, однако недооценивать ее значение не следует, поскольку указанные семантические оттенки слова были восприняты действующим российским законодательством. Действительно, когда в законе употребляются такие термины как «признаки банкротства» (ст. 3), «меры по предупреждению банкротства организаций» (ст. 30), «заявление о признании должника банкротом» (п. 2 ст. 33), «повторное банкротство гражданина» (ст. 213), строгое соответствие легальному определению очевидно. Ведь имеют в виду именно «неспособность должника удовлетворять требования кредиторов» (статический оттенок). Иное дело, когда закон в названии глав и параграфов использует такие термины как «банкротство градообразующих организаций» (§ 2 гл. IX), «банкротство сельскохозяйственных организаций» (§ 3 гл. IX), «банкротство финансовых организаций» (§ 4 гл. IX), «банкротство стратегических предприятий и организаций» (§ 5 гл. IX), «банкротство субъектов естественных монополий» (§ 6 гл. IX), «банкротство гражданина» (гл. X), «особенности банкротства ликвидируемого должника» (§ 1 гл. XI), «банкротство отсутствующего должника» (§ 2 гл. XI) и др. Ясно, что речь здесь идет не столько о «неспособности должника», сколько о порядке применения положений ЗоН, касающихся осуществления *процедур* банкротства. Содержание обозначаемого таким образом явления, строго говоря, выходит за рамки легального определения.

Думается все же нельзя абсолютизировать оттеночные значения слова «банкротство», а саму возможность закрепления данных семантических оттенков в законодательстве следует оценить критически, поскольку по сути такое статическое и динамическое значение законодательно дифференцировано посредством понятий «несостоятельность (банкротство)» и «процедуры банкротства».

¹ Ср.: Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. С. 71.

Сущность несостоятельности: постановка вопроса. Отечественная наука имеет значительное число работ, посвященных исследованию сущности рассматриваемого феномена. Хотя достижения в разработке этой важной категории значительны, тем не менее остается еще много дискуссионных вопросов. Прежде всего при характеристике понятий «несостоятельность» и «банкротство» в специальной литературе допускается своего рода «лингвистический плюрализм»: в научных текстах данным терминам вменяются самые различные значения, что дает основание усомниться в сохранении однозначности их содержания на семантическом уровне даже в рамках наук, исследующих объекты одного класса. А потому сущность рассматриваемого явления, несмотря на его многовековую историю, остается не до конца выясненной. Достаточно привести следующие дефиниции, предлагаемые различными источниками.

«Банкротство – ...отказ физического и юридического лица (компании, фирмы) *платить* кредиторам по своим долговым обязательствам по мотивам отсутствия средств»¹ (здесь и в дальнейшем курсив наш – прим. авт.).

«...состояние имущества, судебным порядком установленное, которое дает основание предполагать недостаточность его для равномерного удовлетворения всех кредиторов, называется несостоятельностью»².

«Банкротство – *неспособность финансировать* текущую операционную деятельность и погасить срочные обязательства»³.

«Банкротство – *юридическая процедура*, заключающаяся в том, что имущество несостоятельного должника продается в основном в пользу его кредиторов»⁴.

«Несостоятельность – такое *положение имущества* определенного лица, при котором это лицо не в состоянии удовлетворить законные требования кредиторов»⁵.

«Несостоятельность – установленная судом *неспособность* должника к *полной оплате* денежных требований кредиторов»⁶.

«Неспособность лица погасить свои долговые обязательства, если эта неспособность подтверждается судом, именуется в буржуазном праве несостоятельностью»⁷.

¹ Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1970. Т. 2. С. 612.

² Шершеневич Г.Ф. Торговый процесс. Конкурсный процесс. С. 148.

³ Шеремет А.Д., Сайфулин Р.С. Методика финансового анализа. М., 1996. С. 78.

⁴ Словарь современной экономической теории Макмиллана / общ. ред. Д.У. Пирса ; пер. с англ. М., 1997. С. 46.

⁵ Энциклопедия государства и права : в 4 т. М., 1930. Т. 2. С. 1010 (авт. – С. Раевич).

⁶ Юридический словарь : в 2 т. / гл. ред. П.И. Кудрявцев. 2-е изд. М., 1956. Т. 1. С. 660.

⁷ Кулагин М.И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо... С. 172 ; Советское и иностранное гражданское право / отв. ред. В.П. Мозолин. М., 1989. С. 198.

Очевидно, что понятия «неспособность платить», «неспособность финансировать», «юридическая процедура», «положение имущества» хотя в чем-то близки, но вовсе не тождественны.

Несостоятельность как локализованный в пространстве и времени фрагмент объективной реальности отражается в специфической идеальной системе – законодательстве, поэтому методологически верным является дифференцированный подход к анализу экономической сущности (как социально-экономического *содержания*) и правовой природы (как правовой *формы*) данного явления, что помимо познавательных целей имеет известное практическое значение.

Экономическая сущность несостоятельности. В наиболее обобщенном виде можно сказать, что социально-экономическое содержание несостоятельности представляет собой факт неисполнения долга, сопровождающееся отсутствием экономической возможности *вообще* исполнять свои долги. Это определение не претендует на точность и легко уязвимо для критики: столь общего описания явно не достаточно и оно не может считаться удовлетворительным с точки зрения последующего правового регулирования. Его следовало бы скорее рассматривать не как определение в строгом смысле слова, а как некоторые предварительные соображения, подчеркивающие, что признаками банкротства следует считать те, которые выводимы из реальной невозможности продолжения должником экономической деятельности, ибо в результате осуществления последней имущественные обязательства не могут быть им исполнены ни при каких обстоятельствах.

В научном плане неспособность исполнять свои долги как социально-экономическое содержание несостоятельности может быть охарактеризована с помощью системы показателей. Очевидно, что родовым по отношению к несостоятельности явлением является *неплатежеспособность*, свидетельствующая о том, что к моменту наступления срока платежа у лица отсутствуют в необходимом количестве средства платежа. Однако такое финансовое состояние может быть обусловлено различными причинами и имеет разный по содержанию характер проявления – от эпизодической (временной) и легкоустраняемой до устойчивой (хронической) и безнадежной. Поэтому для целей дальнейшего теоретического анализа возможно указание на конкретные показатели неплатежеспособности, памятуя о том, что исходной методологической посылкой следует признать то обстоятельство, что несостоятельным должен считаться тот, кто не просто неплатежеспособен, но и не имеет возможности восстановить ее. Ведь сам по себе факт отсутствия средств платежа еще не свидетельствует о безвыходности ситуации для предприятия, поскольку существует множество способов ее преодоления.

Проблема поиска точного и объективного основания невозможности продолжения деятельности должником и удовлетворения им своих обязательств, не так проста, как кажется на первый взгляд. Если абстрагироваться от конкретных категорий должников, то на этот счет первоначально был предложен, казалось бы, надежный показатель, в достоверности которого никто среди правоведов не сомневался, – имущественное состояние должника. Банкротом было принято считать такого неплатежеспособного должника, у которого обязательства превышают величину его актива. Логика рассуждений здесь проста. У предприятия всегда имеется возможность погасить имеющуюся задолженность, продав часть своего имущества. Поэтому для кредитора наиболее объективным показателем финансовой состоятельности контрагента будет служить, прежде всего, наличие активов. Эффективность проведения иных мероприятий с целью восстановления платежеспособности должника зависит от множества объективных и субъективных факторов. Можно только с определенной степенью вероятности прогнозировать позитивный результат от их проведения, а потому сама возможность их осуществления – весьма ненадежная оценка при характеристике финансового состояния предприятия даже в ближайшей перспективе.

Нетрудно заметить, что указание на имущественное состояние должника проблемы в целом не решает. Просто не только обосновать тезис о «имущественном» содержании несостоятельности, несложно также его опровергнуть. Во-первых, предложенный количественный показатель не учитывает качественной оценки активов должника. Вполне может быть, что за высокой стоимостью имущества «скрываются» объекты незавершенного строительства, требующие больших капитальных вложений для того, чтобы хотя бы в отдаленной перспективе они смогли приносить прибыль, или так называемые «нематериальные активы», балансовая стоимость которых может быть завышена. Многое зависит от методики оценки этого имущества (балансовая или рыночная стоимость), уровня износа и других факторов. Следуя только количественному показателю, фактический банкрот может считаться имущественно «состоятельным», а неоплатный должник, потенциал которого по восстановлению платежеспособности не исчерпан, объявлен банкротом. Во-вторых, не учитывается временной фактор, ведь стоимостная оценка имущества фиксируется на конкретный момент времени, а потому полученный вывод может быть случайным и нетипичным. Ущербность такого моментного наблюдения по сравнению с непрерывным очевидна. В-третьих, не учитываются факторы производственного, технологического, организационного характера. Восстановление платежеспособности должника во многом зависит от отрасли деятельности должника (например, торговля, судостроение), от характера деятельности (например, сезонные работы, сложные климатические усло-

вия работы), выпускаемой продукции (например, товары сезонного спроса, продукция единичного производства), степени государственного регулирования (например, естественные монополии, банковская деятельность) и т.п. В-четвертых, предложенный показатель не учитывает иногда значительный «внутренний» потенциал от реализации мероприятий организационно-управленческого характера (снижение себестоимости выпускаемой продукции, осуществление мероприятий по научной организации труда, повышение производительности труда и т.п.). В-пятых, не учитывается влияние «внешних» по отношению к должнику факторов (предоставление кредита, отсрочки платежа, размещение крупного заказа и т.п.). Поэтому приниматься во внимание могут не только объективные (независящие от должника) обстоятельства, но и субъективные. Утрата доверия со стороны кредиторов может служить немаловажным ориентиром при описании сущности явления. Следовательно, самый факт наличия активов как *крайний* способ обеспечения исполнения обязательств необходимо рассматривать в качестве весьма *условной* теоретической посылки, которую не следует абсолютизировать, оценивая в качестве истинного утверждения применительно ко всем случаям.

Думается, что здесь не может быть однозначного решения, удовлетворяющего всему многообразию жизненных ситуаций. Идеального показателя банкротства не было, нет и не будет, как никогда не было вечного двигателя, эликсира бессмертия и других подобных чудес. Предложение единого обобщающего признака – это всегда исключение влияния определенной совокупности факторов, которые могут иметь принципиальное значение в судьбе конкретного должника. Окончательное решение должно быть равновесным, принятым, по возможности, с учетом всей совокупности признаков. *Усеченная* трактовка несостоятельности вполне могла удовлетворять требованиям и представлениям начала XX в., но в период формирующегося социального права она не может быть принята. Таким образом, следует остановиться на предельно общей трактовке сущности рассматриваемого феномена. Самый *факт наличия неисполненного долга и неспособность последующего восстановления платежеспособности* сообщают социально-экономическое содержание несостоятельности как явлению объективной реальности¹. Обоснованность отстаиваемой позиции косвенно подтверждает следующее обстоятельство. В экономической

¹ Представляется, что именно такая трактовка экономической сущности несостоятельности позволяет понять необходимость ликвидации должника – юридического лица, признанного банкротом. В литературе было предложено иное объяснение. В частности, было указано, что юридическое лицо – банкрот лишается имущественной базы, что в свою очередь «наносит удар» по признаку имущественной обособленности, без которого юридическое лицо не может быть признано субъектом гражданского права (Дубинчин А.А. Несостоятельность «состоятельного» должника // Хоз-во и право. 2001. № 8. С. 105).

науке разрабатывается проблема прогнозирования условий, ведущих предприятие к банкротству. Для этого экономисты пытаются выявить устойчивую зависимость между фактом наступления несостоятельности и уровнем отдельных экономических показателей, связанных (что очень важно) не только с составом имущества.

Какое значение имеет уяснение социально-экономической сущности несостоятельности, кроме решения *гносеологической* задачи? В практическом плане предложенная трактовка ориентирует на комплексный анализ при принятии решения о признании должника банкротом (*методологическое* значение). Она указывает, что усеченная трактовка несостоятельности необоснованно ограничивает возможные варианты критериев и признаков банкротства, которые могут быть использованы в законодательстве. Примечательно, что ни законодательная, ни правоприменительная практика в РФ не пошла по этому пути, чего не скажешь, например, о казахстанском и украинском конкурсном законодательстве. По сути, конкурсные законы Казахстана и Украины в той или иной форме воспроизвели неудачное легальное определение несостоятельности российского ЗоН 1992 г. В Казахстане несостоятельность как основание банкротства – есть «неспособность должника удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, включая требования об уплате заработной платы, а также обеспечить обязательные платежи в бюджет и внебюджетные фонды *за счет принадлежащего ему имущества*» (ст. 1 Закона Республики Казахстан «О банкротстве» от 21 января 1997 г. № 67-1). На Украине под банкротством понимается «связанная с *недостаточностью активов в ликвидной форме* неспособность юридического лица – субъекта предпринимательской деятельности – удовлетворить в установленный для этого срок предъявленные к нему со стороны кредиторов требования и исполнить обязательства перед бюджетом» (ст. 1 Закона Украины «О банкротстве»). В последующем столь односторонний подход был дезавуирован принятием Закона Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» от 30 июня 1999 г. (Вестн. Верховной рады Украины. 1999. № 42-43. Ст. 378).

В *теоретическом* плане нуждается в значительной корректировке учение об абсолютной и практической неплатежеспособности, предложенное Е.А. Васильевым и поддержанное большинством правоведов.

Учитывая неоднородность функций хозяйствующего субъекта, в экономической науке было предложено разграничивать две формы несостоятельности как социально-экономического феномена – *несостоятельность организации* как субъекта и *несостоятельность предприятия* как

объекта¹. Представляется, что данная точка зрения и доводы, приводимые в ее обоснование, являются ошибочными. Способность принимать на себя обязательства, а также исполнять их или не исполнять – есть имманентная черта исключительно субъекта как лица, наделенного активностью. Правовой формой указанной способности является дееспособность как юридическое свойство субъекта правовых отношений. Несостоятельность – есть свойство, которое может определяться с учетом имущественного положения должника. Однако это ни сколько не умаляет «субъектный» характер обозначаемого понятием «несостоятельность» явления и не дает каких-либо оснований полагать, что данное качество может быть вменено принадлежащему должнику имущественному комплексу (предприятию), подобно тому как факт неисполнения денежного обязательства еще не означает вменение денежным средствам, находящимся в тот момент на расчетном счете должника, качества правонарушителя.

В экономической литературе бытует мнение, будто кризис на предприятии и банкротство юридического лица являются тождественными понятиями; по крайней мере, банкротство чаще всего рассматривается как крайнее проявление кризиса². На основе этого выстраивается соответствующий понятийный ряд: кризис – банкротство, антикризисное управление – арбитражное управление, антикризисный управляющий – арбитражный управляющий. Представляется, что в действительности дело обстоит несколько иначе: названные понятия отнюдь не равнозначны по объему и содержанию, кругу внешних признаков проявления, а также по субъектному составу. Общеизвестным является тезис, согласно которому предприятие может быть подвержено различным видам кризисов (экономическим, финансовым, управленческим), при этом банкротство – суть лишь внешнее проявление только одного из них. Под банкротством следует понимать *финансовый* кризис, т.е. неспособность предприятия выполнять свои текущие денежные обязательства. Помимо этого, юридическое лицо как организация может испытывать экономический кризис (когда материальные ресурсы компании используются неэффективно) и кризис управления (когда неэффективно используются человеческие ресурсы). Хотя совершенно очевидно, что неэффективное использование материальных средств или человеческих ресурсов в конечном итоге детерминирует финансовый кризис. Следовательно, отождествлять понятия кризис и банкротство также неверно, как и рассматривать их изолированно вне связи друг с другом.

¹ См.: Ри Р.У. Управление хозяйствующим субъектом в условиях несостоятельности : дис. ... канд. экон. наук. Иркутск, 1999. С. 14.

² См.: Арбитражное управление предприятием : практ. пособие / отв. ред. Г.К. Таль, Г.Б. Юн. М., 2000. С. 9.

Впрочем, и в юридической литературе при описании социально-экономического содержания несостоятельности также встречаются досадные неточности.

Во-первых, следует отметить тот непреложный факт, что при характеристике социально-экономического содержания несостоятельности указание на возможные его критерии является избыточным и некорректным, как это иногда делается в литературе¹. Воспринять различные модели построения признаков банкротства может только законодатель, тогда как экономическая сущность явления от этого не претерпит сколько-нибудь значимого изменения. В этой связи уместно вспомнить слова К. Маркса о том, что «...гражданское законодательство всегда только выражает, протоколирует требования экономических отношений»².

Во-вторых, ряд авторов видят экономическое содержание несостоятельности лишь в «превышении пассива над активом»³, что само по себе, без факта нарушения срока платежа, не может оцениваться негативно, если истолковывать понятие «актив» и «пассив» в гражданско-правовом смысле. Заметим, что законодательство Германии придает «сверхзадолженности» (состоянию, когда имущество должника перестает покрывать его существующие обязательства) значение основания возбуждения производства по делу о несостоятельности юридического лица (§ 19 *Insolvenzordnung*). Однако данное обстоятельство ни сколько не отменяет предложенной трактовки социально-экономической сущности несостоятельности. Это связано с тем, что согласно германскому законодательству (1) «сверхзадолженность» является специальным по отношению к неплатежеспособности основанием возбуждения дела о несостоятельности; (2) «при оценке имущества должника во внимание должно быть принято *продолжение деятельности предприятия*, если в силу конкретного обстоятельства оно представляется более вероятным». Иными словами, законодатель допускает функционирование юридического лица, имущество которого не покрывает всех обязательств, если в перспективе имеется вероятность увеличения размера имущества должника. «Сверхзадолженность» здесь играет роль меры предупреждения несостоятельности, но не решает другой задачи – описания самого явления.

В-третьих, точка зрения, согласно которой экономической сущностью несостоятельности является превышение «суммы (совокупности) не-

¹ См., напр.: Белых В.С., Дубинчин А.А., Скуратовский М.Л. Указ. соч. С. 10 ; Белых В.С. Концептуальная основа нового Закона о несостоятельности // Бизнес, Менеджмент и право. Ежеквартальный науч.-практ. экон.-прав. журн. 2003. № 2. (январь-март). С. 67.

² Маркс К. Нищета философии. Соч. Т. 4. С. 112.

³ См.: Лордкипанидзе А.Г. Гарантии платежеспособности по законодательству Англии и Франции // Законодательство зарубежных стран: Обзорная информация. М., 1979. Вып. 162. С. 32–33.

исполненных обязательств должника над стоимостью принадлежащего ему имущества»¹ представляется весьма усеченной. По сути авторы описывают один из возможных вариантов ситуации несостоятельности (самый нежелательный с точки зрения кредиторов), когда сумма неисполненного долга превысит величину всего его имущества. При этом игнорируется тот факт, что несостоятельным должен считаться тот, кто нарушил срок исполнения своих обязательств, и есть достаточные основания полагать, что он не сможет удовлетворить требования остальных. Такая трактовка рассматриваемого явления позволяет выявить неплатежеспособное предприятие на более ранних стадиях, что делает возможным спасение бизнеса и предотвращение причинения вреда кредиторам. Примечательно, что именно такой подход был воспринят законодательством (п. 1 ст. 3 ЗоН; п. 1 ст. 3 ЗоН 1998 г.; ч. 1 ст. 1 ЗоН 1992 г.). Таким образом, определение экономической сущности, не учитывающее возможные проявления рассматриваемого феномена, не может считаться правильным.

Правовая форма несостоятельности. Факт неисполнения долга юридическими лицами и гражданами как социально-экономическое содержание несостоятельности сам по себе не обладает имманентным свойством иметь или не иметь правовую форму, которая приобретается только в результате урегулирования нормой права соответствующего явления объективной реальности. Разумеется, что далеко не всякий долг является социальным содержанием несостоятельности: некоторые из них вообще могут не приобретать юридической формы, другие, напротив, – иметь иное правовое значение. Поэтому в содержательном плане правовая форма представляет собой установленную в правовых нормах границу юридически возможного или необходимого образа действия лиц, о чем справедливо писал О.А. Красавчиков². Анализ как бы от сферы сущего переходит к сфере долженствования, от единичного – к общему, от конкретного – к абстрактному.

§ 2. Критерии несостоятельности (банкротства)

Общепризнанным в науке является суждение о том, что в основе признания должника банкротом законодатель может использоваться два критерия: *неоплатность* и *неплатежеспособность*. Исследованию со-

¹ Белых В.С., Дубинчин А.А., Скуратовский М.Л. Указ. соч. С. 10. См. также: Гражданское и торговое право капиталистических государств... С. 441. (авт. главы – Е.А. Васильев).

² См.: Красавчиков О.А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. О.А. Красавчиков. Свердловск, 1978. Вып. 62: Правовые проблемы гражданской правосубъектности. С. 14 ; Он же. Гражданское правоотношение как юридическая форма общественного отношения // Сб. уч. тр. / отв. ред. О.А. Красавчиков. Свердловск, 1975. Вып. 39: Гражданские правоотношения и их структурные особенности. С. 18.

держания данных критериев, соответствующих им показателей, а также выявлению достоинств и недостатков каждого из них уделяется значительное внимание практически в любой научной работе по вопросам конкурсного права. Не подвергая сомнению значимости этих исследований, полагаем необходимым сделать ряд, на наш взгляд, принципиальных замечаний, не всегда учитываемых в доктрине.

Во-первых, методологически правильный подход к пониманию таких понятий как «критерий несостоятельности», «критерий неоплатности», «критерий неплатежеспособности» можно выработать лишь с учетом философского подхода к гносеологической категории «критерий». Принято считать, что это «признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо»¹. Учитывая данное обстоятельство, следует признать нецелесообразным предложение М.В. Телюкиной, согласно которому признаками банкротства следует считать «систему внешних характеристик должника, позволяющих предположить его несостоятельность», а критериями банкротства – «систему внутренних характеристик, касающихся деятельности предприятия». Под это предложение подводится известное практическое значение: признаки банкротства должны служить названием оснований для возбуждения производства по делу о несостоятельности, критерии банкротства – оснований для признания должника банкротом². Такая точка зрения не согласуется с легальным определением понятия «признаки банкротства» (ст. 3 ЗоН), а столь вольное обращение с термином «критерий» следует признать недопустимым.

Во-вторых, традиционно при определении критериев несостоятельности в литературе принято оперировать терминами «актив», «пассив». Однако их многозначность не всегда учитывается, ибо актив и пассив в гражданско-правовом и финансово-правовом (бухгалтерском) смысле – суть разные понятия. Отличие состоит в основании деления и кругу охватываемых явлений. С точки зрения бухгалтерского учета пассив отображает *источники формирования средств*, а самые средства учитываются в активе. Отсюда главным методологическим принципом учета является равенство актива и пассива. Некорректно поэтому суждение Е.А. Васильева, который пишет, что *при составлении баланса может обнаружиться превышение актива над пассивом*³. Равенство актива и пассива баланса имеет место при составлении финансовой отчетности любого хозяйствующего

¹ Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М. ; СПб., 2000. С. 595.

² См.: Телюкина М.В. Признаки и критерии несостоятельности юридического лица // Юрид. мир. 1997. № 11. С. 47 ; Телюкина М.В. Проблемы определения признаков банкротства // Адвокат. 1998. № 10. С. 6.

³ См.: Гражданское и торговое право капиталистических государств... С. 441.

субъекта – состоятельного и банкрота. Иное означает наличие счетной или учетной ошибки. Другое дело, когда речь идет о гражданско-правовых категориях актива и пассива имущества должника. Как известно, принадлежащие лицу вещи и имущественные права составляют актив его имущества, а обязанности (долги) – пассив этого имущества. Очевидно, что равенство таких составных частей имущества вовсе не обязательно, а превышение пассива над активом не всегда следует оценивать только негативно и уж тем более не всегда следует рассматривать как возможный критерий банкротства. Прежде всего необходимым (заметим – не всегда достаточным) основанием несостоятельности является факт неисполнения долга, поэтому широко распространенное в литературе суждение будто «неоплатность как критерий банкротства означает, что пассивы должника превышают активы» следует признать верным «только на половину». Иное не соответствует социально-экономической природе явления (на чем уже акцентировалось внимание), расходится с общефилософским пониманием «критерий», а также не позволяет проследить генетическую связь между критерием неоплатности и критерием неплатежеспособности, о которой писали А.Ф. Трайнин, М.В. Телюкина¹. Не соответствует данное суждение и законодательству (п. 1 ст. 3 ЗоН). Если признать превышение пассивов над активами в качестве критерия банкротства, то все кредитные организации *a priori* попадут в разряд несостоятельных. И не только кредитные организации. Ведь всеохватывающее распространение различных форм займа позволяет эффективно осуществлять экономическую деятельность даже при превышении пассивов над активами (при том лишь допущении, что доход от деятельности способен покрывать текущие выплаты по долгам). И в этом нет ничего противоправного и сомнительного. Примечательно, что еще в средневековой Италии неоплатность должника не рассматривалось достаточным признаком несостоятельности, если должник продолжал пользоваться доверием в торговом мире. В этом случае все его сделки считались действительными, хотя долги его превышали платежные средства².

В-третьих, в России еще до революции, пожалуй, «основным вопросом» конкурсного права считалось нахождение оптимального критерия банкротства. Не менее актуально его рассмотрение и в современной доктрине. Как правило, логика обоснования сводится к подбору аргументов

¹ См.: Трайнин А.Ф. Несостоятельность и банкротство. СПб., 1913. С. 9–15 ; Телюкина М.В. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)». М., 1998. С. 15 ; Она же. Конкурсное право... С. 104. Здесь следует обратить внимание на противоречивость позиции М.В. Телюкиной. С одной стороны, признается «усеченная трактовка» критерия неоплатности, с другой – обнаруживается некая «внешняя» его сторона.

² См.: Малышев К.И. Указ. соч. С. 70.

pro et contra. При этом одни отстаивают превосходство неоплатности, другие, напротив, – неплатежеспособности, третьи – разумное их сочетание.

На наш взгляд, следует учитывать два момента, влияющих на степень достоверности отстаиваемых выводов. Во-первых, при обосновании, как правило, принимается во внимание только логический аспект проблемы, все другие обстоятельства, будь то социально-экономические условия, развитость смежных правовых институтов, уровень правосознания, не учитываются. Аргументация осуществляется как бы в «чистом виде», что существенно искажает истинную картину явления. Во-вторых, следует признать неверным тезис о некой изначальной эффективности неоплатности или неплатежеспособности, поскольку их выбор всецело зависит от складывающихся социально-экономических отношений макроэкономического характера¹. Думается, что немаловажное значение имеют также факторы локального (микроэкономического) уровня. Признавая должника банкротом, в каждом конкретном случае суд сталкивается с индивидуальными причинами банкротства, своеобразными условиями функционирования, различными потенциальными возможностями должника. Таким образом, в теоретическом плане оптимальный критерий банкротства может быть установлен только для каждого конкретного случая, а достоверная оценка получена только в ходе всестороннего анализа.

Косвенно подтверждает обоснованность сделанного вывода два обстоятельства. (1) Общественные отношения многофакторны в своей основе, ибо, по мнению В.Н. Кудрявцева, социальный результат в большинстве случаев есть следствие комплекса взаимодействующих между собой причин и условий². Поэтому В.Б. Исаков прав, когда говорит о том, что законодательство, закрепляя юридические факты, должно улавливать и отражать различные типы взаимозависимостей между общественными отношениями³. (2) Анализ конкурсного законодательства разных стран свидетельствует о многообразии применяемых моделей. Например, по французскому законодательству процедуры несостоятельности могут быть открыты, если субъект не в состоянии выполнить обязательства посредством имеющихся в его распоряжении активов, что по сути означает закрепление критерия неоплатности. При этом коллапса экономической системы, который, по мнению отдельных российских исследователей, должен неизбежно произойти в этом случае, не наступает. Задавшись вопросом, почему так происходит, следует ответить – только совокупность общественных отношений, сложившихся в каждой отдельной стране, может задать опти-

¹ См.: Семеусов В.А., Пахаруков А.А. Банкротство предприятий. Внешнее управление. С. 10 ; Дедов Д. Признаки несостоятельности как критерий эффективности нового закона о банкротстве // Хоз-во и право. 1999. № 8. С. 30.

² См.: Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 34–38.

³ См.: Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. М., 1984. С. 24.

мальные «контуры» конкурсного законодательства. Ссылки и увещевания на некий единый западный образец здесь, думается, неуместны.

Ясно, что в чистом виде для целей правового нормирования сформулированный нами тезис не годится, однако на его основе может быть предложен следующий методологический подход. Признаки банкротства должны быть по возможности *ситуационными (дискреционными)*. С этой целью необходимо их дифференцировать для разных категорий должников, а содержание подчинить существенным особенностям соответствующей категории. Пора от «дуалистической» концепции в понимании несостоятельности прийти к ее «плюралистической» трактовке. Именно такой подход определения легальных признаков банкротства согласуется с экономической сущностью данного явления. Очевидно, что универсальность выдвинутого теоретического суждения не позволяет с достаточной легкостью реализовать его в конкретных нормах законодательства. Как представляется, возможны два направления поиска оптимального содержания признаков банкротства: первый – широко поддерживаемый в юридической литературе подход – предполагает введение общих и специальных признаков банкротства для отдельных категорий должников; второй возможный вариант заключается в предоставлении суду соответствующих правомочий находить в каждом конкретном случае наиболее оптимальное решение правового вопроса о признании должника банкротом, исходя из общих положений закона, целей конкурсного законодательства, конкретных обстоятельств дела, а также принципов права. Иными словами проблема фокусируется на допустимости судебного усмотрения в ходе признания должника банкротом, на возможности явно или имплицитно выбрать суду оптимальное решение. Может показаться, что проблема определения признаков банкротства в этом случае не теряет своей актуальности: законодатель только перекладывает ее решение на плечи отдельных судей. Было бы большим упущением представить дело именно таким образом, ведь принимаемое в таких случаях решение суда о признании должника банкротом должно определяться не волевыми (субъективными), а прежде всего объективными моментами: известная свобода выбора правоприменителя должна ограничиваться пределами, определенными законом.

Правовая модель построения оснований признания должника банкротом может выглядеть следующим образом. Законодатель закрепляет общие условия признания должника банкротом, однако допускает, что при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о возможности восстановления платежеспособности должника, или иных подлежащих учету обстоятельств, влияющих на возможность осуществления безубыточной экономической деятельности, суд вправе не признавать должника банкротом. Безусловно, судебное усмотрение следует допустить также при вынесении иных судебных решений в деле о несостоятельности.

Например, в случае, когда первое собрание кредиторов ходатайствует о введении реабилитационных процедур, однако при этом имеются достаточные основания полагать, что платежеспособность должника не будет восстановлена, суд должен обладать дискреционными полномочиями¹. По действующему законодательству арбитражный суд связан с решением (волей) первого собрания кредиторов (п. 1 ст. 75 ЗоН), что не всегда согласуется с требованием процессуального законодательства о необходимости полного исследования всех доказательств и учета всех обстоятельств, о недопустимости приоритетного отношения к одним из них по сравнению с другими.

В-четвертых, на наш взгляд, предана необоснованному забвению идея разработки нормативной методики оценки финансового состояния². Представляется, что в литературе по этому поводу имело место подмена понятий. Основанием для критики послужила действительно неудачная система критериев, предложенная Правительством РФ, для определения структуры баланса неудовлетворительной. Но, как это часто бывает, неудачный опыт дискредитировал самый подход в целом. А между тем применение формализованных показателей, рассчитанных по данным финансовой отчетности, может дать вполне объективную оценку. Более того, необходимость существования подобной методики обусловлена тем, что в круг обязанностей арбитражного управляющего входит проведение финансового анализа (абз. 2 п. 3 ст. 17, абз. 3 п. 4 ст. 24, абз. 3 п. 1 ст. 67, ст. 70, абз. 6 п. 2 ст. 129, п. 1 ст. 143, п. 1 ст. 178 ЗоН; п. 2 ст. 20, п. 1 ст. 61, п. 3 ст. 101 ЗоН 1998 г.). Не отменяет актуальности вышесказанного издание «Правил проведения арбитражными управляющими финансового анализа», утв. Постановлением Правительства РФ от 25 июля 2003 г. № 367³. Документ перегружен так называемыми «балластными нормами»

¹ Нельзя представить дело так, будто действующее законодательство вообще исключает судебное усмотрение. Напротив, такая возможность прямо допускается абз. 5 п. 2 ст. 75 ЗоН: суд выносит решение о признании должника банкротом не только при наличии признаков банкротства, но (что очень важно) и при отсутствии обстоятельств, дающих суду основания полагать, что платежеспособность должника будет восстановлена. Однако применение данной нормы ограничено случаем, когда первое собрание кредиторов не приняло решение о применении одной из процедур банкротства и отсутствуют возможности отложить рассмотрение дела в пределах семимесячного срока с даты поступления заявления о признании должника банкротом.

² См.: О некоторых мерах по реализации законодательства о несостоятельности (банкротстве) предприятий : постановление Правительства РФ от 20 мая 1994 г. № 498 // СЗ РФ. 1994. № 5. Ст. 490. Позднее были изданы: Методические положения по оценке финансового состояния предприятий и установлению неудовлетворительной структуры баланса : утв. распоряжением ФУДН России от 12 авг. 1994 г. № 31-р // ЭЖ. 1994. окт. (№ 44). С. 4–5. В связи со вступлением в силу ЗоН 1998 г. указанные нормативные акты утратили силу и потому носят рекомендательный характер.

³ СЗ РФ. 2003. № 26. Ст. 2664.

(по терминологии А.Т. Боннера), т.е. правилами, не имеющими самостоятельного значения, а содержащие излишние уточнения, перечисления, повторы. По сути, данный документ представляет собой не нормативный акт, а справочник по финансовому анализу. В постановлении приводится внушительный перечень показателей, сгруппированных в четыре группы. Однако какой-либо взаимосвязи между ними даже в пределах одной группы постановление не устанавливает. Главная проблема проведения финансового анализа в ходе осуществления процедур банкротства, на наш взгляд, заключается не в том, как и какие показатели рассчитывать, а как их потом *интерпретировать*. Иными словами, важен не факт, а тенденция социально-экономического развития должника. Уловить логическую взаимосвязь всех показателей, которые требуется рассчитывать, практически невозможно, ибо они касаются разных аспектов деятельности должника. Нормативная модель результатов анализа выхолощена до универсальности, из-за этого каждый может вложить в них свой смысл и увидеть там именно то, что хочется. Думается, следовало подумать о расчете интегрированного показателя или об установлении нормативных границ отклонения рассчитываемых показателей, что повысило бы объективность проводимого финансового анализа.

§ 3. Соотношение несостоятельности и банкротства

Соотношение понятий «несостоятельность» и «банкротство». Российское гражданское и предпринимательское законодательство, оперируя данными понятиями, считает их синонимами. Между тем в доктрине этот вопрос является дискуссионным. Одна группа правоведов активно поддерживает позицию законодателя, считая вполне удачным их отождествление¹. Вторая группа ученых, напротив, настаивает на необходимости их последовательной дифференциации. Между тем еще не достигнуто единства взглядов по поводу основания такого деления.

Так, одни исследователи предлагают использовать критерий противоправности. По мнению М.И. Кулагина, банкротство следует применять только в случаях неправомерного поведения должника, причинившего ущерб кредиторам и рассматривать «как уголовно наказуемое деяние». Банкротство есть лишь одно из возможных последствий, проявлений несостоятельности. Таким образом, «несостоятельность» и «банкротство» признаются хотя и нетождественными понятиями, но тесно связанными между собой.

¹ См.: Гришаев С.П., Аленичева Т.Д. Указ. соч. С. 63 (авт. главы – С.П. Гришаев) ; Баренбойм П.Д. Правовые основы банкротства : учеб. пособие. М., 1995. С. 22.

Другие ученые предлагают социально-экономические основания деления несостоятельности и банкротства, логика развертывания которых сводится к построению следующей понятийной цепочки: неплатежеспособность – несостоятельность – банкротство. Все начинается с неплатежеспособности. Если она оказывается вовсе не посильной для должника, и последний теряет всякую возможность рассчитаться с кредиторами, то такой неплательщик тем самым приобретает новое качество – становится несостоятельным. Третье и завершающее качество на тернистом пути «незадачливого предпринимателя» – банкрот. Им его наделяет арбитражный суд¹.

Третья группа ученых предлагает при разграничении несостоятельности и банкротства учитывать их семантические особенности как лексических единиц. В частности, указывается, что несостоятельность – есть определенное финансовое состояние должника на определенный момент времени, а банкротство рассматривается как «процедура ликвидации и продажа имущества неплатежеспособного предприятия в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов в связи с невозможностью и нецелесообразностью продолжения его деятельности»². На этом основании делается вывод об ошибочности законодательного отождествления рассматриваемых понятий.

На наш взгляд, более обоснована позиция тех, кто высказывается за необходимость дифференциации понятий «несостоятельность» и «банкротство», поскольку версия законодателя о правовом их тождестве затемняет вопрос, где явление и где сущность, где условия и где факт финансовой неспособности. Как известно, формальная определенность права достигается с помощью различных приемов юридической техники, в том числе с помощью терминов и правовых дефиниций. Считается, что использование синонимов в нормативном акте оправдано только в случае, если уточняется мысль законодателя. «Синоним, – пишет Н.А. Власенко, – это всегда уточнение, высвечивание иной стороны одного и того же объекта, явления»³. Как ранее было установлено, семантический оттенок слов

¹ См.: Жилинский С.Э. Указ. соч. С. 589. Более формализованная и развернутая концепция предложена в экономической литературе. В частности, указывается, что коль скоро только судебное решение позволяет констатировать факт банкротства, то в ситуации финансовой неспособности следует различать некоторые оттенки таких затруднений, а именно – экономическую несостоятельность, неплатежеспособность, предбанкротную неплатежеспособность и собственно банкротство (см.: Теплова Т.В. Планирование в финансовом менеджменте : учеб.-метод. пособие. М., 1998. С. 48).

² Ле Х. Новый Закон РФ о несостоятельности (банкротстве)... С. 20.

³ Законодательная техника / под ред. Ю.А. Тихомирова. С. 151–152 (авт. главы – Н.А. Власенко). Следует обратить внимание, что использование в нормативных документах синонимов принципиально допустимо, но в сугубо прагматических целях: уточнение и детализация смысла правовой нормы (см.: Власенко Н.А. Проблемы точности выражения формы права (лингво-логический анализ) : дис. в форме науч. докл. ... д-ра юрид. наук. Екатерин-

в данном случае присутствует, но трудноуловим и вряд ли может иметь какое-либо уточняющее значение для целей правового регулирования. В какой-то степени подтверждает сказанное то обстоятельство, что в тексте ЗоН дублирование терминов имеет место только в ст. 1 и 2, тогда как в дальнейшем употребляется термин банкротство. Впрочем, стремление оперировать преимущественно термином «банкротство» является характерной тенденцией процесса законотворчества современного периода. К сожалению, данное обстоятельство не всегда принимается во внимание. Так, В.В. Зайцева, учитывая, что в названиях статей УК РФ применяется только термин «банкротство», пытается обосновать его уголовно-правовую природу¹. Но тогда, следуя логике автора, можно с тем же успехом обосновать и частноправовую, и административно-правовую природу термина «банкротства».

Однако в литературе иногда семантические оттенки слов абсолютизируются настолько, что несостоятельность и банкротство по существу рассматриваются как несовместимые понятия, находящиеся в отношениях соподчинения. Наиболее рельефно это позиция выражена в суждениях Х. Ле, который вопреки традиционному для русского языка отождествлению противопоставил полное различие несостоятельности и банкротства. Неприемлемость такого подхода очевидна, так как невозможно строить обобщающие теоретические дефиниции, находясь в противоречии не только с языковыми традициями, но и в известной мере с гражданским и уголовным правом, в соответствии с которыми и несостоятельность и банкротство – суть состояние должника (юридический факт), а не комплекс мероприятий по его ликвидации (п. 1 ст. 25, п. 1 ст. 65 ГК РФ; ст. 195, 196, 197 УК РФ; ст. 2 ЗоН). Между тем как бы ни было неприемлемым предложение Х. Ле по своим конечным выводам, оно не лишено известных положительных моментов, поскольку нацеливает на рассмотрение банкротства как полисемантического термина, когда в одной и той же статье закона это слово может применяться в разных значениях.

Поэтому методологически необходимо признать, что любая дифференциация понятий должна быть подкреплена практическим смыслом, различные правовые понятия, будучи законодательно закрепленными, должны вызывать различные правовые последствия.

бург, 1997. С. 6, 30). Следовательно, употребление синонимов в нормативном тексте должно быть индифферентно с точки зрения иных их функций – семантических (замещения) и стилистических (оценки и стилевой организации текста). Сказанное позволяет не согласиться с П.Д. Баренбойм, который полагает, что «законодатель поступил правильно, подкрепив новый термин несостоятельность распространенным и достаточно энергичным термином банкротство» (Баренбойм П.Д. Правовые основы банкротства... С. 22).

¹ См.: Зайцева В. Несостоятельность и банкротство в современном российском праве // Право и экономика. 1999. № 5. С. 13.

Представляется, что предложение, касающееся закрепления за термином «банкротство» уголовно-правового понятия, а за термином «несостоятельность» – гражданско-правового, следует оценить критически. Давая новые названия устоявшимся терминам уголовно-правовой науки, следует предложить *веские* основания практической целесообразности употребления новых терминов.

Во-первых, современное российское законодательство разграничивает три самостоятельных состава преступления – неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ), преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ) и фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ). Объединить их единым термином «банкротство» в этом случае ошибочно, поскольку понятие «фиктивное банкротство», «неправомерные действия при банкротстве» теряют всякий смысл (нельзя сказать «фиктивное причинение вреда кредиторам», «неправомерные действия во время причинении вреда кредиторам»). Следует тогда вводить новый термин «фиктивная несостоятельность», «неправомерные действия при несостоятельности». Но тогда вопрос о соотношении «фиктивной несостоятельности» как преступления и как гражданско-правового нарушения остается по-прежнему терминологически невыясненным. Учитывая данное обстоятельство, криминологами было высказано суждение о том, что объединяющим началом всей совокупности деяний, охватываемых понятием «банкротство» является их связь с несостоятельностью: в одних случаях эта связь проявляется в том, что уголовно наказуемое деяние выступает *причиной* возникновения несостоятельности, а в других – в том, что оно *имеет место в условиях* несостоятельности¹. Считаем такой подход небесспорным, поскольку имеет место смешение причины и следствия, сущности и явления.

Во-вторых, анализируемое предложение следует признать методологически непоследовательным, ограниченным. Действительно, возникает вопрос, почему банкротство следует рассматривать только как преступление и исключать деяния, которые подпадают под признаки административного правонарушения (ст. 14.12, 14.13 КоАП). С другой стороны, если рассматривать «банкротство» только как преступное деяние, то термину «несостоятельность» следует вменить неспособность удовлетворять требования кредиторов (объективно противоправное деяние), а также причинение вреда кредиторам, предполагающее гражданско-правовую ответственность (виновное деяние). Очевидно, что логика построения подобного понятийного ряда непоследовательна и нецелесообразна. В дореволюционный период тому было известное объяснение: уголовная ответственность возникала независимо от размера нанесенного кредиторам вреда в результате умысла или подлога. Современное законодательство предпола-

¹ См.: Михалев И.Ю. Криминальное банкротство. СПб., 2001. С. 33–34.

гает меры уголовной ответственности в случае совершения деяний только в особо крупных размерах. В-третьих, нельзя согласиться с тем обстоятельством, что банкротство – есть возможное последствие несостоятельности. Ведь фиктивное банкротство, например, предполагает как раз обратное – отсутствие несостоятельности.

На наш взгляд, позиция С.Э. Жилинского, предполагающая разграничение несостоятельных (неплатежеспособных) субъектов и банкротов, представляется более правильной. В отношении неплатежеспособных может начаться процедура судебного разбирательства о признании его банкротом, а в случае признания его таковым должно начаться конкурсное производство. Такая дифференциация потребует четкого разграничения признаков несостоятельности и признаков банкротства, что фактически признается доктриной и правоприменительной практикой, но законодательно не закреплено.

Думается, что в этом случае построение понятийного ряда становится логически последовательным. Ведь, строго говоря, наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, мировое соглашение не являются процедурами банкротства, поскольку судом еще не установлена неспособность должника удовлетворять требования кредиторов на этих этапах производства по делу. А значит, требуется специальный термин, адекватно описывающий данную социальную ситуацию. Такой лексической единицей, как представляется, вполне может быть «несостоятельность». Таким образом, обосновываемый подход учитывает современные тенденции усиления восстановительных (реабилитационных) процедур конкурсного законодательства. Неудивительно, что законодательство некоторых стран СНГ подобным образом разграничивает понятие «несостоятельность» и «банкротство» (например, Казахстан, Узбекистан).

Разграничение «несостоятельности» и «банкротства» как стадий развития одного явления имеет не только экономическую «подоплеку», но и правовое значение. Три вида должников, названных С.Э. Жилинским, можно связать со стадиями юридической ответственности, предложенными М.Д. Шиндяпиной¹. Статус неплатежеспособного должника будет соответствовать стадии *возникновения* юридической ответственности. В момент принятия заявления о признании должника банкротом имеет место предварительная *конкретизация* юридической ответственности, а в мо-

¹ См.: Шиндяпина М.Д. Стадии юридической ответственности : учеб. пособие. М., 1998. С. 114, 136. Отметим, что выделение стадий юридической ответственности с неизбежностью предполагает признания за данным явлением факта более или менее длительного процесса, который может быть описан в рамках категории «деятельность». Последнее обстоятельство имеет важное методологическое приложение в правотворческом процессе: устанавливая юридическую ответственность, законодатель должен четко представлять, как правовые нормы будут материализованы в фактическом поведении субъектов (см.: Пугинский Б.И., Сафиуллин Д.Н. Правовая экономика: проблемы становления. М., 1991. С. 213–214).

мент вынесения определения о введении наблюдения – окончательная. Наконец, после признания несостоятельного должника банкротом и открытия конкурсного производства имеет место переход к стадии *реализации* юридической ответственности¹.

Учебно-методические материалы

Основные термины

Несостоятельность (банкротство) – признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

Недостаточность имущества – превышение размера денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей должника над стоимостью имущества (активов) должника.

Неплатежеспособность – прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств (при этом недостаточность денежных средств предполагается, если не доказано иное).

Денежное обязательство – обязанность должника уплатить кредитору определенную денежную сумму по гражданско-правовой сделке и (или) иному предусмотренному Гражданским кодексом Российской Федерации, бюджетным законодательством Российской Федерации основанию.

Обязательные платежи – налоги, сборы и иные обязательные взносы, уплачиваемые в бюджет соответствующего уровня бюджетной системы Российской Федерации и (или) государственные внебюджетные фонды в порядке и на условиях, которые определяются законодательством Российской Федерации, в том числе штрафы, пени и иные санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности по уплате налогов, сборов и иных обязательных взносов в бюджет соответствующего уровня бюджетной системы Российской Федерации и (или) государственные внебюджетные фонды, а также административные штрафы и установленные уголовным законодательством штрафы.

Контрольные вопросы

1. Дайте определение несостоятельности (банкротства) по законодательству РФ.
2. Каковы критерии и признаки несостоятельности (банкротства)?
3. Что такое денежное долговое обязательство?

¹ См.: Васильев А. Банкротство и несостоятельность: соотношение понятий // Право и жизнь. 2000. № 29.

4. Что такое обязательные платежи?
5. Какие обязательства не включаются в размер денежных обязательств при определении признаков банкротства?
6. На каком этапе определяются состав и размер денежных обязательств и обязательных платежей?
7. Какие денежные обязательства считаются установленными?
8. Может ли быть произведена трансформация неденежного обязательства в денежное?
9. На какой момент определяется состав и размер денежных обязательств при определении признаков банкротства?
10. Что такое фиктивное и преднамеренное банкротство и каковы их правовые последствия?

Литература для углубленного изучения

1. *Кораев К.Б.* Правовое положение неплатежеспособного должника / К.Б. Кораев. – М. : Проспект, 2016. – 192 с.
2. *Ващенко Ю.С.* К вопросу о соотношении понятий «несостоятельность» и «банкротство» в истории законодательства и отраслях права / Ю.С. Ващенко // Гражданское право. – 2012. – № 2. – С. 9–13.
3. *Карелина С.А.* Экономическая сущность несостоятельности и правовая форма ее реализации / С.А. Карелина // Предпринимательское право. – 2019. – № 2. – С. 24–30.
4. *Прозванченков А.В.* Сравнительно-правовой анализ признаков банкротства / А.В. Прозванченков // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 3. – С. 130–135.
5. *Самохвалова Н.В.* Понятия «несостоятельность» и «банкротство» в цивилистической теории и законодательстве / Н.В. Самохвалова // Российский судья. – 2009. – № 10. – С. 14–17.
6. *Толмачев И.А.* Признаки банкротства кредитных организаций / И.А. Толмачев // Российский юридический журнал. – 2019. – № 2. – С. 164–172.
7. *Тюкавкин-Плотников А.А.* О некоторых перспективных направлениях развития российского законодательства о банкротстве / А.А. Тюкавкин-Плотников // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2018. – № 3. – С. 7–11.

ГЛАВА 2. ИСТОЧНИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

§ 1. Генезис конкурсного законодательства

Постановка проблемы. Общеизвестно, что право как целостное явление социальной действительности имеет конкретное содержание и определенные формы своего внешнего выражения, которые различаются в разные исторические периоды. Принято считать, что они не являются результатом произвольного конструирования законодателя, а коренятся в системе объективных потребностей общественного развития, в своеобразии данного способа производства, в базисных отношениях (материальные источники), а также зависят от уровня правосознания (идеальные источники).

Вопрос о содержании применяемых к несостоятельному должнику правовых средств в ретроспективе правовых систем разных стран мира исследовался дореволюционными цивилистами довольно обстоятельно и всесторонне¹. Однако такие вопросы как выбор и обоснование критерия периодизации истории развития конкурсного права, выявление генетической связи между структурными элементами его генезиса, определение влияния материальных и идеальных источников на развитие института несостоятельности, установление социально-экономической необходимости существования и функционирования данного института либо не исследовалось, либо признавалось аксиоматическим.

Учитывая данное обстоятельство, в настоящем параграфе мы не ставим себе сверх целей – выявить доселе неизвестные науке исторические памятники права, содержащие нормы института несостоятельности, либо предложить принципиально новые суждения о проблемах применения правовых норм конкурсного законодательства в разные исторические периоды. Это предмет исследования других наук – юридической этнологии и истории права. Наша задача скромнее – рассмотреть и упорядочить накопленный законодательством и правовой мыслью опыт в этой сфере с точки зрения выявления генетической (исторической) связи явления, а также определения влияния материальных и идеальных факторов на генезис института несостоятельности. Полагаем, что это может содействовать формированию учения о конкурсном производстве юридических лиц на научно-обоснованных позициях, традиции и опыте.

Логика развертывания генезиса какого-либо правового явления, как отмечается теоретиками права, с неизбежностью выводит исследователя

¹ См., напр.: Гольмстен А.Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб., 1888 ; Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса. СПб., 1871 ; Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права : в 4 т. 4-е изд. М., 1912. Т. 4: Торговый процесс. Конкурсный процесс.

на необходимость последовательного рассмотрения таких вопросов как: 1) периодизация истории развития данного явления; 2) выявление генетической связи между структурными элементами генезиса; 3) установление причинно-следственных связей¹. Думается, что эти суждения следует признать в качестве методологических принципов рассмотрения истории становления и развития института несостоятельности вообще и конкурсного производства в частности.

Периодизация истории развития института несостоятельности.

На наш взгляд, представляется допустимым в качестве возможного критерия периодизации использовать *цель правового регулирования* данного института. Думается, что именно цель выступает здесь наиболее общим критерием, объединяющим в целом соответствующую систему правовых средств, и позволяет в пределах целого переносить акцент на любые частные проблемы правового регулирования несостоятельности, вокруг которых преимущественно концентрировалось внимание правоприменительной практики и научных исследований того или другого исторического периода. Сообразно выбранному критерию можно выделить три исторических этапа:

1) *период личной ответственности*, когда взыскание обращалось преимущественно на личность должника (цель – наказание должника);

2) *период ликвидационных процедур* (цель – наиболее справедливое и равномерное распределение имущества должника);

3) *современный период*, характеризующийся сочетанием ликвидационных и реабилитационных процедур (цель – удовлетворение требований кредиторов).

Выделенные исторические типы конкурсного права, обладая единой телеологической сущностью, также имеют собственную логику развития, собственную историю (генезис). В качестве оснований такой периодизации можно признать допустимым использование *количественных* изменений, происходящих в исследуемом явлении. Например, принятие нового основополагающего нормативно-правового акта (кодекса, закона). Так, Г.Ф. Шершеневич, рассматривая историю ликвидационных процедур в германском праве, выделял три этапа: период городского и римского права (когда отсутствовали специальные нормативные акты, регулирующие процедуру конкурсного производства); период появления законодательства отдельных германских стран (конкурсные уставы Баварии 1616, 1753, 1869 гг., Пруссии 1722, 1781, 1793, 1855 гг., Саксонии 1724, 1766 гг., Гамбурга 1753 г., Австрии 1781, 1868 гг., Бремена 1842 г., Ганновера 1850 г., Любека 1862 г.); период общегерманского законодательства (принятие

¹ См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права : в 2 т. М., 2000. Т. 1: Элементный состав. С. 76–87.

Германского конкурсного устава в 1876 г., Германского гражданского уложения в 1896 г.)¹.

Очевидно, что основанием членения истории конкурсного права в пределах его исторического типа могут также выступать признаки, характеризующие *качественное* его своеобразие, например, особенности механизма правового регулирования конкурсных отношений, основные тенденции правоприменительной деятельности и т.п. Так, А.Х. Гольмстен выделял три направления развития российского конкурсного права, которое в терминах отстаиваемой периодизации соответствует периоду ликвидационных процедур, а именно: иностранное, национально-самобытное, канцелярско-кодификационное². Выделяемые таким образом исторические периоды отражают не столько хронологию развития института конкурсного производства, сколько своеобразие правового регулирования конкурсных отношений.

Генетические связи элементов генезиса. Анализ выделенных исторических этапов конкурсного права позволяет обнаружить те его элементы, изменение которых повлекло за собой качественное изменение явления в целом, а также те компоненты, которые оставались на протяжении нескольких или всех этапов без изменения. Таким образом хронологическое описание, сводимое, как правило, к позитивному изложению последовательности смены исторических событий, следует дополнить выявлением генетической связи между отдельными качественно различными состояниями конкурсного права. Принято различать основную и локальную генетическую связь. *Основная* генетическая связь характеризует исследуемое со стороны роста, изменения и развития, показывает последовательность возникновения и смены структурных состояний на протяжении всего его существования. В конечном итоге, определение основной генетической связи между историческими этапами развития конкурсного права позволяет выделить конституирующие признаки тех общественных отношений, которые составляют предмет правового регулирования конкурсного законодательства. *Локальная* генетическая связь характеризует соотношение только между отдельными этапами в развитии исследуемого.

В качестве основной генетической связи структурных элементов генезиса конкурсного права следует признать наличие единой социальной идеи, лежащей в основе весьма разнообразных исторических типов процедур банкротства – подчинение эгоистических стремлений индивидуального кредитора коллективному интересу всех. Предельно абстрактное определение основной генетической связи имеет тем не менее вполне конкретное содержание, которое может быть представлено в виде системы

¹ См.: Шершеневич Г.Ф. Торговый процесс. Конкурсный процесс. С. 108–115.

² См.: Гольмстен А.Х. Указ. соч. С. 6.

признаков. Во-первых, в ходе применения процедур банкротства исключается возможность внеконкурсного удовлетворения требований кредиторов. Кредиторы в известной мере *равномерно* получают удовлетворение или терпят убыток, что обеспечивается различного рода правовыми средствами (конкурсный иммунитет). Во-вторых, удовлетворение требований должно быть *справедливым*, коль скоро институт несостоятельности является правовой формой согласования интересов кредиторов несостоятельного должника. Внешним выражением принципа справедливости является существование очередности удовлетворения требований кредиторов, а также возможность коллективного принятия решений всеми кредиторами. Поэтому принцип «старшинства» (*prior tempore potior jure*) при удовлетворении требований кредиторов принципиально чужд институту несостоятельности. В-третьих, в отличие от обычного порядка взыскания (в рамках исполнительного производства), конкурсное производство характеризуется *всеобщностью*, которая проявляется в (1) установлении одной общей конкурсной подсудности, (2) распространении взыскания на все имущество должника, а не на отдельные его предметы (образование одной массы), (3) удовлетворении всех требований кредиторов (присужденных судом и впервые заявленные в процессе производства по делу). В-четвертых, процедуры банкротства предполагают осуществление системы действий, направленных на удовлетворение требований кредиторов, выражающиеся в существовании имущественно организационных ограничений должника.

Выявление общей генетической связи дает ключ к пониманию некоторых актуальных вопросов правового регулирования несостоятельности. Во-первых, можно утверждать, что банкротство публичных образований (например, органов местного самоуправления), как показывает зарубежный опыт, имеет иную генетическую основу, заключающуюся в создании особого публично-правового механизма восстановления его платежеспособности с учетом специфики его политико-правовой природы. Следовательно, высказываемые в юридической литературе предложения о возможности применения в случае финансовой несостоятельности публичных образований правовых норм о банкротстве, действующих в отношении прочих хозяйствующих субъектов, следует признать ошибочными. Во-вторых, конкурсный процесс и исполнительное производство, имея единые генетические основания в период своего возникновения, тем не менее существенно отличаются друг от друга в последующем своем развитии.

Локальная генетическая связь элементов генезиса более конкретна и разнообразна. По сути, ее содержание сводится к указанию специфических особенностей каждого исторического этапа развития конкурсного права, поэтому мы не ставим своей задачей выявление всех таких особенностей, а ограничимся указанием на их примерный перечень. Прежде все-

го, это касается оснований несостоятельности юридических лиц. Как известно, господство критерия неоплатности характерно для периода ликвидационных процедур, а критерия неплатежеспособности – для современного периода. «Стечение кредиторов» признается в качестве обязательного конституирующего признака несостоятельности в период ликвидационных процедур, а в современном конкурсном законодательстве большинства стран мира он отсутствует.

С течением времени изменялся круг возможных субъектов несостоятельности – только физические лица (в период личной ответственности несостоятельного должника); физические и юридические лица (в период ликвидационных процедур); физические, юридические лица и неправосубъектные образования (в современный период). Если в период личной ответственности инициировать производство по делу о несостоятельности имели право только кредиторы (реже сам должник), то в последующем развитии конкурсного законодательства сложилось несколько способов начала производства по делу: 1) по ходатайству кредиторов; 2) по ходатайству должника (причем в современный период это не только право должника, а при определенных обстоятельствах – обязанность); 3) по ходатайству иных лиц (например, ликвидаторов); 4) по решению суда; 5) по требованию прокурора.

Справедливость удовлетворения требований кредиторов на разных этапах исторического развития понималась также неодинаково: как правило, на более ранних этапах развития признавался приоритет публично-правовых требований, а также требований иностранных кредиторов, и только в более поздний период развития приоритет устанавливался за социально-незащищенными категориями лиц.

Современный период ознаменован также «процессуальным плюрализмом» применяемых процедур банкротства, тогда как в период ликвидационных процедур применялось исключительно конкурсное производство.

Следует отметить, что выделение локальной генетической связи генезиса такого сложного социально-исторического феномена как институт конкурсного права представляется довольно не простой задачей в силу многообразия его исторических типов в контексте разных правовых систем. Более того, конкурсное законодательство разных стран в отдельные исторические периоды было настолько не одинаковым, что можно говорить о существовании локальных генетических связей даже в рамках одного структурного элемента генезиса. Так, в средневековый период осуществление мероприятий конкурсного производства основывалось *на полной инициативе суда*, который должен был распродать все имущество должника и удовлетворить требования кредиторов, действуя в силу своей публичной власти (Германия, Испания). Теоретическим основанием такого принципа являлось признание несостоятельного должника слушателем

государственной власти. Только в XIX в. вернулись к принципу *самодетельности кредиторов*, который лежал в основе римского конкурсного права, развивался в статутах торговых итальянских городов и при посредстве французского торгового кодекса получил признание во всех европейских странах.

Необходимость существования и функционирования института несостоятельности. В научной литературе современного периода доминирует точка зрения, согласно которой несостоятельность (банкротство) является необходимым «атрибутом» рыночной экономики. Данный тезис содержится в теоретических исследованиях как экономистов, так и правоведов, причем рассматривается ими как некое исходное допущение, не требующее доказательства. «Капитализм без банкротства – это то же самое, что христианство без ада» – такова сущность современной экономической парадигмы. Представляется, что подобный взгляд об имманентности института несостоятельности товарно-денежным отношениям следует признать в качестве основополагающего, что имеет известные правовые последствия: центр тяжести правового регулирования отношений, связанных с несостоятельностью, должен переместиться с вопросов наказания несостоятельного должника на проблему локализации неблагоприятных имущественных последствий несостоятельности. Констатация этого положения вряд ли требует приведения пространной аргументации. Достаточно, видимо, указать на те факторы, обуславливающие существование рассматриваемого социально-экономического феномена, чтобы выявить ту существенную роль, которую играет институт несостоятельности в механизме правового регулирования имущественных отношений.

Однако даже при самом общем приближении к решению поставленной проблемы выясняется, что попытки создать абсолютно достоверную, идеальную модель, отражающую все сколько-нибудь существенные факторы социально-экономической реальности, обусловившие появление и последующее развитие института несостоятельности, обречены на неудачу. Это связано с разнообразием причин и многовариантностью протекания соответствующих процессов даже в контексте отдельной страны или региона. Между тем многообразие причин не может объяснить очевидный факт – наличие сходства между конкурсным законодательством разных стран мира. Следовательно, если исходить из того, что разные страны все же пришли к единой модели конкурсного права, то это не могло произойти по причинам, ничего общего между собой не имеющим. Факторы банкротства, действительно, разнообразны, но не принципиально различны и предполагают некоторую общность. Поэтому каковы бы ни были в отдельных случаях отклонения от общего правила, это правило в основных своих чертах везде проявляется и имеет важное конструктивное и прогностическое значение. Конструктивное значение заключается в том,

что факторы, обуславливающие институт банкротства могут быть, в известном смысле, систематизированы. Прогностическое значение состоит в том, что признание общности причин банкротства дает методологические основания для выявления основной тенденции развития правового института несостоятельности – унификации.

Условно все факторы, обуславливающие необходимость существования и функционирования института несостоятельности, можно разделить на две группы: *экономические*, имеющие по своей природе объективный характер, и *организационные*, предполагающие защиту прав и законных интересов отдельных субъектов хозяйственной деятельности. Группа *объективных* факторов включает самые разнообразные явления хозяйственной жизни общества, среди которых конституирующее значение, очевидно, имеют следующие обстоятельства. Во-первых, любой экономике перманентно присущи кризисные явления. Следовательно, появление в экономическом обороте известного числа несостоятельных должников *неизбежно*, ибо предопределено самой природой функционирования товарно-денежных отношений. В зависимости от формы и продолжительности протекания кризиса изменяется только их количество. Во-вторых, качественное изменение технологической базы производства и его организации, динамика структуры общественных потребностей и платежеспособного спроса, а также конкуренция между хозяйствующими субъектами приводят к тому, что в длительной перспективе предприниматели неизбежно должны изменять сферу приложения своего труда и капитала. Думается, что институт несостоятельности является правовой формой, которая обеспечивает подобное перераспределение труда и капитала между отраслями материального производства. В конечном итоге тот, кто не способен предложить рынку конкурентоспособный товар и рассчитаться по своим долгам, должен быть «изъят» из экономического оборота или, учитывая его особую социально-экономическую значимость как работодателя или производителя товара подвергнут реабилитационным процедурам.

Организационное (социальное, по сути) назначение института несостоятельности заключается в необходимости появления системы гарантий осуществления имущественных прав, а также правовых средств защиты этих прав участниками коммерческого оборота в случае финансовой неспособности одного из участников. Ведь господство имущественно стоимостных отношений в форме кредитных связей предполагает признание в качестве доминанты правового регулирования незыблемость права частной собственности, а также закрепление правовых форм, обеспечивающих стабильность гражданского оборота. Необходимость появления института несостоятельности очевидна еще и потому, что требуется обеспечить защиту прав кредиторов должника, путем нивелирования возможности обращения взыскания всего или большей части его имущества первоначаль-

ным кредитором, сохраняя таким образом за всеми остальными кредиторами возможность получить хотя бы частичное удовлетворение в порядке очередности.

Признавая значимость социально-экономических факторов в *онтологическом* аспекте, не следует все же абсолютизировать их роль в *практикологическом*. Так, совокупное действие причинно-следственных связей определяют возможные *причины несостоятельности* как негативно-социально-экономического явления. Очевидно также и то обстоятельство, что неспособность должника выполнять свои обязательства является совокупным действием многих причин, как объективного, так и субъективного характера. Однако следует признать, что строгое разделение объективных (внешних) и субъективных (внутренних) причин несостоятельности конкретного должника практически не осуществимо. При самом первом приближении можно только констатировать, что возможные причины неисполнения предпринимателями имущественных обязательств поддаются несложной формализации в виде следующей закономерности: несостоятельность как форма неплатежеспособности прямо пропорциональна объему имущественных обязанностей (долгов) и обратно пропорциональна величине выручки от реализации товаров, выполнения работ, оказания услуг. Неудивительно, что данный тезис чаще всего применяется в законодательстве при определении признаков банкротства. Следовательно, хотя причины несостоятельности – разнообразны, однако только некоторые из них получили известное правовое значение. Данные вопросы являются в доктрине малоисследованными, поэтому в ходе применения соответствующих норм возникают трудности, и как следствие – складывается противоречивая позиция судов по этой категории дел.

К сожалению, практика применения современного российского конкурсного законодательства выявила *латентные причины* несостоятельности, внешней формой выражения которых явилось использование банкротства в качестве способа криминального передела собственности, смены органов управления должника, устранения конкурента. Банкротству подвергаются не только отсутствующие или ликвидируемые должники, но и жизнеспособные предприятия, которые «интересны» или сами по себе, или обладают уникальным, «привлекательным» для кредитора имуществом.

Полагаем, что законодатель, закрепляя систему признаков банкротства как основания открытия конкурсного производства, должен учитывать коренные социально-экономические интересы участников экономического оборота, конечные результаты деятельности должника. Неточно выбранные показатели становятся причиной появления ложных интересов, вместо стимулов к правомерному и социально полезному поведению правовое регулирование создает различного рода «антистимулы». Поэтому при принятии решения о признании должника банкротом суд должен

учитывать не только формальные признаки банкротства, но и выяснять действительные причины «несостоятельности». Существуют ли в действующем законодательстве правовые основания подобного рода действий? Полагаем, что в подобных ситуациях должны использоваться нормы о злоупотреблении правом (ст. 10 ГК РФ), судебная практика применения которых противоречива.

Ценность исследования генезиса конкурсного права. На первый взгляд, вопрос о генезисе конкурсного права является непринципиальным для последующего научного анализа, по крайней мере, не представляющего сколько-нибудь значимого прикладного значения. Конечные его выводы могут показаться очевидными и традиционными, имеющими сугубо гносеологический характер. Но это только «на первый взгляд», ибо верно выбранные методологические принципы исторического рассмотрения правового феномена являются залогом истинности и всеобщности теоретического обобщения в целом. Думается, что некоторые проблемы современного конкурсного права возникают именно потому, что существующие сейчас нормы воспринимаются в доктрине как данное, в то время как обращение к истории позволяет выявить первоначальный смысл и назначение существующих ныне правовых институтов. Представляется важным поэтому обозначить ряд подходов к решению некоторых проблем теории и правоприменения с учетом результатов исследования генезиса конкурсного права.

1. Ясно, что появление института несостоятельности в самом общем виде обусловлено теми же причинами, что и возникновение и эволюция права – усложнением социальной организации общества, развитием экономических отношений и, как следствие, общественного сознания. Между тем роль *социально-экономических* факторов, детерминирующих регламентацию несостоятельности и смену указанных исторических этапов, здесь, как показывает анализ истории, наиболее значима. Констатация данного факта была бы излишней, при условии, что в научных исследованиях данному обстоятельству последовательно придавалось бы принципиальное значение.

Прежде назовем *теоретическое приложение* указанного нами тезиса. По мнению ряда ученых, квинтэссенцией оптимальной системы регулирования несостоятельности служит следующий тезис: «Лучшей является система, в которой реорганизация не является более предпочтительной, чем ликвидация..., и в то же время, ликвидация не является более предпочтительной, чем реорганизация»¹. Отчасти с таким суждением стоит согласиться. Однако следует учитывать объективную необходимость диф-

¹ Степанов В.В. Правовые системы регулирования банкротства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 13.

ференцированного подхода к осуществлению процедур банкротства. Поиск некой универсальной «золотой середины» не должен быть самоцелью. Поэтому допустимым следует считать и «прокредиторскую» и «продолжниковскую» модель законодательства, если это оправдано состоянием социально-экономических отношений в тот или период, а также социально-экономическими особенностями положения отдельных категорий должников. Следовательно, система правового регулирования несостоятельности не может быть *полностью* индифферентна к выбору ликвидационных или восстановительных процедур.

Существует также и *прикладное значение* указанного ранее тезиса, ибо методологически он дает ключ к пониманию современных проблем правоприменения. В частности, существование негативных явлений в практике реализации российского конкурсного права, на наш взгляд, обусловлено не столько низким правовым качеством действующего закона или дефектностью лежащей в его основе концепции, сколько несоответствием законодательной модели уровню развития социально-экономических отношений в стране. В этих условиях требуется изучение влияния этих факторов с целью разработки комплекса предложений по совершенствованию нормативных правовых актов адекватно имеющимся социально-экономическим условиям.

Действительно, изменение концепции современных российских законов о несостоятельности (1992, 1998, 2002 гг.) в большей мере детерминировано экономическими предпосылками. Так, система правовых средств защиты должника при возбуждении дела о несостоятельности, предусмотренная в ЗоН 1992, была обусловлена тем, что активно проводилась приватизация и необходимо было предоставить гарантии новым собственникам, не обострять негативных социально-экономических последствий системного экономического кризиса. Когда завершился этап массовой приватизации, институт несостоятельности остался единственным способом первоначального накопления и концентрации капитала в условиях стагнации экономики. Но для этого потребовалось изменить концепцию закона, а под неприемлемость старой концепции подвести весьма солидное теоретическое основание. Нетрудно предположить, что только с окончанием объективных в своей основе процессов концентрации капитала, актуальным станет вопрос защиты прав и интересов собственника, что потребует изменение концепции (идеологии) закона о несостоятельности. Думаем, что природу нового закона будет тогда определять потребность гармонизации интересов должника и кредитора, работодателя и наемного работника, государства и предпринимателя.

2. Периодизация исторического развития института несостоятельности не является произвольной, а имеет в своей основе известное теоретическое основание. Здесь мы солидарны с О.Э. Лейст, который выделил три

исторических типа права. Это *сословное* право, основанное на правовом неравенстве членов общества, *формальное* право буржуазного гражданского общества, основанное на всеобщем равенстве, абстрактной свободе, признании формальных прав, и постепенно выделяющееся в качестве третьего исторического типа *социальное* право, сохраняющее общечеловеческие ценности равного права, но преодолевающее формализм буржуазного права при помощи общегосударственной системы гарантий¹. По-видимому, есть все основания полагать, что выделенные исторические этапы развития института несостоятельности в полной мере соответствуют названным историческим типам права. Обобщение специальной литературы свидетельствует, что цель правового регулирования на каждом этапе играет *конституирующую* роль, ибо само право, по сути, можно рассматривать как порядок достижения цели.

Очевидно, что сообразно особенностям каждого исторического типа права в юридической доктрине в качестве методологического основания обосновывалась соответствующая концепция социально-экономической картины мира, ставились актуальные для каждого периода проблемы и предлагались методы их решения. Не является исключением учение о конкурсном праве. К сожалению, данное положение также не всегда учитывается в доктрине. В частности, иногда в литературе признают аксиоматическими такие сентенции как: *абсолютное* равенство участников имущественного оборота, *незыблемость* (почти священность) права частной собственности, необходимость минимизации государственного регулирования экономических отношений. Это, в частности, служит методологической основой для вывода о том, что законодательство о банкротстве должно распространяться практически на всех участников гражданского оборота без исключений (физических, юридических лиц, публично-правовые образования), что передача объектов социального назначения без выплаты должникам-собственникам, находящимся в процедуре конкурсного производства, разумной, справедливой компенсации является нарушением права частной собственности и, наконец, что государство не может эффективно контролировать деятельность арбитражных управляющих, а всякое усиление государственного вмешательства в процесс применения процедур банкротства снижает эффективность конкурсного законодательства.

В самом деле такого рода суждения справедливы и обоснованны, но только с точки зрения постулатов формального права, расцвет которого

¹ См.: Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 106–122. Сходную точку зрения высказывает В.А. Четвернин, описывая пределы государственного вмешательства в сферу гражданского общества в ретроспективе развития либеральных и этатистских теорий (см.: Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. С. 633–640).

пришелся на конец XIX в., когда адекватно социально-экономической ситуации господствующим направлением общественно-политической мысли был *либерализм*, действительно провозглашавший юридическое равенство, незыблемость права частной собственности, невмешательство государства в экономическую жизнь. Однако развитие социально-экономических отношений известным образом изменило систему взглядов и представлений по этим и другим вопросам, произошла, как говорят в эпистемологии, «смена научной парадигмы». Поэтому, например, с методологической точки зрения, недопустимо оценивать суждения правоведов прошлого периода исключительно с позиций современного состояния доктрины, но и переносить без достаточных на то оснований их предложения к анализу современных общественных отношений, как это иногда бывает в юридической литературе, также не стоит.

3. Анализ развития конкурсного законодательства свидетельствует о разнородном характере используемых при несостоятельности должника правовых форм и средств в разные исторические периоды. Между тем определенная тенденция все же имеет место. Нормы, устанавливающие правовые последствия несостоятельности, конституируются по двум направлениям – криминальному и имущественному. По справедливому замечанию А.Н. Трайнина, банкротство – деликт своеобразный: «он складывается из двух элементов, из которых один (несостоятельность) – понятие гражданского права, а другой (банкротское деяние) – понятие уголовно-правовое. Эта сложность состава банкротства чрезмерно затемняет его юридическую природу»¹. Привыкнув цитировать данное известное высказывание, мы не всегда задумываемся над его методологическим смыслом. Данное положение, как представляется, нацеливает на исследование несостоятельности и банкротства как правовой формы *единого* в своем содержании социально-экономического явления. Однако соотношение этих «элементов» между собой в истории законодательства разных правовых систем не было однообразным. Если в архаическом праве имущественно правовые взыскания к неисправному должнику рассматривались лишь как возможные (заметим, не всегда применяемые) последствия несостоятельности, которое считалось исключительно безнравственным (преступным) деянием, то в более поздний период уже уголовно-правовая сторона несостоятельности рассматривается как возможное явление, которое сопутствует имущественно организационным ограничениям несостоятельных должников, является их «случайным осложнением» (Г.Ф. Шершеневич).

Имеется ли логическое объяснение данному обстоятельству? Полагаем, что в обществах, в которых господствующее положение занимает государственная собственность, несостоятельность рассматривается пре-

¹ Трайнин А.Н. Несостоятельность и банкротство. СПб., 1913. С. 27.

имущественно как преступление, поскольку право прежде всего направлено на охрану социально-экономических устоев общества. В таком виде институт банкротства выполняет прежде всего превентивное воздействие на торговый оборот. Развитие торговой деятельности, господство частной собственности, напротив, вызывают необходимость юридического закрепления равенства собственников, имущественной эквивалентности в отношениях с несостоятельным должником. Институт банкротства рассматривается уже как правовая форма экономических процессов перераспределения капитала.

Симптоматично, что расширение социальной деятельности государства в современный период несколько изменило роль уголовно-правовых норм о банкротстве в механизме охраны имущественных прав и интересов. Теперь защита прав кредиторов – хотя и основная задача этих норм, но не единственная, поскольку они в то же время защищают интересы инвесторов хозяйственных организаций, их работников, а также экономические интересы общества. В частности, это обстоятельство находит свое проявление в существовании уголовной ответственности за фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ), за неправомерные действия при *фактической* несостоятельности (ч. 2 ст. 195 УК РФ). Следовательно, отсутствие несостоятельности (решения арбитражного суда о признании должника банкротом) вовсе не исключает уголовно-правовой ответственности за банкротство. Поэтому следует признать неточным распространенное в юридической литературе суждение, будто банкротство – это уголовно-правовая сторона *только* несостоятельности¹.

4. Рассматривая генезис конкурсного производства как совокупности правовых норм, регулирующих определенную область общественных отношений, возникает необходимость определения их правовой природы, ибо решение данного вопроса с неизбежностью предопределяет методы и принципы правового регулирования, а в научном плане – задает предметную область исследования.

В литературе на этот счет были высказаны разные суждения. Так, В.Ф. Попондопуло полагает, что среди отношений, регулируемых конкурсным законодательством, следует четко различать отношения, входящие в структуру предмета гражданско-правового регулирования, и отношения, являющиеся предметом публично-правового регулирования².

¹ См.: Гражданское и торговое право капиталистических государств... С. 441 (авт. главы – Е.А. Васильев).

² См.: Попондопуло В.Ф. Конкурсное право... С. 30–32. Еще дальше идет в своих рассуждениях А.А. Каримов, отстаивая сугубо цивилистическую (частноправовую) природу отношений, возникающих в связи с несостоятельностью индивидуального предпринимателя (см.: Каримов А.А. Правовое регулирование несостоятельности индивидуального предпринимателя : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. С. 7).

Иную позицию занимают те правоведы, которые обосновывают комплексный характер данного института¹. На наш взгляд, предпочтительнее является последняя точка зрения. Действительно, институт банкротства, формируясь на стыке публичного и частного права, приобрел новое качество, не сводимое к свойствам отдельных его исходных элементов. Здесь мы полностью согласны с М.В. Телюкиной, которая рассматривает попытку разделения публичных и частных элементов «сложной и неблагодарной работой»². Думается, однако, что методологически непоследовательно при этом заниматься арифметическим подсчетом правовых норм – материальных и процессуальных, публично-правовых и частноправовых. Точнее сказать, это не добавляет ничего принципиально нового в рассмотрение сущности явления, кроме, быть может, констатации банального факта математического превышения. Такой подход идет в разрез с устоявшимися в науке представлениями о существовании интегративных свойств конкурсных отношений как *системы*. Думается, что в свете системного подхода не следует ограничиваться дифференциацией частноправовых и публично-правовых норм, необходимо выявить содержание взаимосвязей между ними, раскрыть «механизм» их взаимодействия. Следует согласиться с мнением М.М. Агаркова, который полагал, что «распределению между частным и публичным правом подлежат не институты, а субъективные права»³. Симптоматично, что и в теории права высказываются справедливые упреки по поводу искусственного размежевания частноправовых и публично-правовых институтов. «Попытка рассматривать отрасли публичного и частного права в контексте противопоставления и искусственной изоляции, – считает Ю.А. Тихомиров, – не отвечает общему смыслу правового регулирования, логике построения и развития системы законодательства... Сказанное относится и к построению смешанных отраслей... там, где элементы «публичного» и «частного» переплетаются весьма причудливо»⁴. Полагаем, что анализ комплексных институтов допустимо осуществлять на базе информационно-

¹ См.: Белых В.С., Дубинчин А.А., Скуратовский М.Л. Правовые основы несостоятельности (банкротства) : учеб.-практ. пособие / под общ. ред. В.С. Якушева. М., 2001. С. 22 ; Гражданское и торговое право капиталистических государств... С. 441 (авт. главы – Е.А. Васильев) ; Карелина С.А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) : учеб.-практ. пособие. М., 2002. С. 12 ; Папе Г. Институт несостоятельности: общие проблемы и особенности правового регулирования в Германии: Комментар. к действующему законодательству / пер. с нем. М., 2002. С. 14 ; Ткачев В.Н. Актуальные проблемы правового регулирования несостоятельности (банкротства) в современном российском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 7.

² Телюкина М.В. Конкурсное право... С. 10.

³ Агарков М.М. Ценность частного права (памяти проф. А.А. Смолина) // Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 72.

⁴ Общая теория государства и права. Академический курс : в 2 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 1998. Т. 2: Теория права. С. 260 (авт. главы – Ю.А. Тихомиров).

психологического подхода или путем исследования вопросов реализации принципа пропорциональности. В итоге, это позволит получить весьма продуктивные результаты.

Из изложенного не трудно видеть, что теоретическая разработка проблем признания должника несостоятельным и связанных в связи с этим правовых последствий имеет непосредственное значение для правоприменительных органов. Представляется, что не менее существенна также и теоретическая сторона дела.

§ 2. Систематизация российского конкурсного законодательства

1. В юридической доктрине общепризнанным является тезис о том, что одним из главных требований к правовому регулированию является его системность. Достижение качества системности обуславливает необходимость проведения систематизации законодательства, т.е. применения комплекса мер, направленных на приведение нормативных правовых актов в определенную структурную упорядоченность. Актуальность систематизации действующего российского конкурсного законодательства не вызывает каких-либо сомнений: различного рода дефекты в законодательстве о несостоятельности снижают эффективность применения его норм, провоцируют правоприменительные ошибки.

Анализ источников конкурсного права зарубежных стран свидетельствует о том, что несостоятельность является одним из немногих институтов предпринимательского права, в регулировании которого законодательные органы сыграли решающую роль и в настоящее время проявляют чрезвычайную активность. Симптоматично, что исторически сложилось так, что во всех ведущих странах мира (США, Англия, Германия, Франция) главным источником правового регулирования несостоятельности был и до настоящего времени остается закон, даже в странах прецедентного права. Генезис российского дореволюционного законодательства о несостоятельности подтверждает сказанное. В истории конкурсного законодательства принято выделять так называемый «канцелярско-кодификационный период» (по терминологии А.Х. Гольмстена), когда были разработаны четыре проекта конкурсных уставов (1740, 1753, 1763, 1768 гг.), Устав о банкротях (1800 г.), Устав о торговой несостоятельности (1823 г.) и иные законы.

2. Анализ современного российского конкурсного законодательства позволяет выявить определенные закономерности его систематизации.

По своей структуре и содержанию Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ максимально приближен к результату такой формы систематизации как кодификация. Во-первых, Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» со-

держит нормы, регулирующие наиболее обширную сферу общественных отношений, возникающих в ходе применения процедур банкротства. Он признается важнейшим среди актов, действующих в данной сфере общественной жизни (п. 3 ст. 232); содержит общие подходы (принципы), определяющие характер и содержание всех норм соответствующего института права (признаки банкротства, применяемые процедуры банкротства, правовой статус участников конкурсных отношений, процессуально-правовые положения производства по делу о несостоятельности и др.). Во-вторых, Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», будучи итогом совершенствования законодательства, представляет собой сводный акт, содержащий упорядоченную совокупность взаимосвязанных предписаний. Закон имеет значительный объем (233 статьи) и сложную структуру построения, которая должна способствовать более четкому построению системы нормативных норм, а также удобству их применения. В-третьих, в теории права обоснованно считается, что кодифицированными актами являются не только собственно кодексы, основы законодательства, уставы, но и так называемые *сводные федеральные законы*, объединяющие более узкую группу правовых норм, чем отраслевые кодексы, но с четко определенным предметом регулирования (А.В. Мицкевич).

С учетом сказанного можно ли считать кодификацию российского конкурсного законодательства завершённой? Полагаем, что кодификация не завершена ни по объёму, ни по своему содержанию.

3. Обобщение практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» позволяет наметить следующие направления систематизации конкурсного законодательства.

Во-первых, оптимальной формой систематизации конкурсного законодательства, на наш взгляд, является продолжение его кодификации по двум направлениям. С одной стороны, конкурсные отношения должны быть урегулированы нормами *единого федерального кодифицированного закона*. При этом принципиально его название (кодекс, устав, положение, федеральный закон). С другой стороны, кодификации должны быть подвергнуты и федеральные подзаконные нормативные правовые акты в данной сфере. Безусловно, такая *подзаконная кодификация* не равнозначна законодательной и является производной (вторичной), а не первичной формой упорядочения.

Во-вторых, считается, что кодификация законодательства необходима только тогда, когда систематизируемая часть законодательства достигла соответствующего уровня как в количественном, так и в содержательном аспекте. Равно вредны для правового регулирования как проведение преждевременной кодификации, так и задержка ее проведения. Полагаем, что в настоящее время остро назрела необходимость продолжения кодификации конкурсного законодательства в части правового регулирования

мер досудебной санации неплатежеспособного должника, банкротства кредитных организаций и других специальных субъектов предпринимательской деятельности.

В-третьих, конечная цель кодификации действующего российского законодательства – существенный пересмотр его норм. В конечном счете, кодификация должна привести, с одной стороны, к интеграции разрозненных норм в единую систему, а с другой стороны, – к более четкой дифференциации правовых норм, относящихся к различным процедурам банкротства, а также особенностям банкротства отдельных категорий должников. Думается, что можно наметить следующие концептуальные направления его реформирования. В частности, следует изменить характер требований, предъявляемых к арбитражному управляющему; нуждается в пересмотре порядок удовлетворения требований кредиторов, обеспеченных залогом имущества должника; имеющийся пробел действующего законодательства по вопросу восстановления платежеспособности должника на досудебной стадии должен быть восполнен; предусмотренный законодательством набор судебных процедур банкротства должен быть пересмотрен, а механизм их осуществления уточнен и др.

4. Кодификация конкурсного законодательства должна проводиться в рамках систематизации хозяйственного законодательства в целом. Считаем целесообразным и необходимым принятие Хозяйственного (предпринимательского) кодекса, который должен системно урегулировать общественные отношения, возникающие в ходе осуществления предпринимательской деятельности, а также в ходе ее государственного регулирования. Представляется, что Хозяйственный (предпринимательский) кодекс должен включать краеугольные положения института несостоятельности (банкротства) хозяйствующих субъектов, а именно: признаки их банкротства, субъекты несостоятельности, очередность удовлетворения требований кредиторов, исчерпывающий перечень применяемых судебных и внесудебных процедур банкротства.

При этом следует избежать имеющую место в настоящее время неудачную форму взаимодействия норм Гражданского кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». По вопросам конкурсного права Гражданский кодекс Российской Федерации содержит только отсылочные нормы (ст. 25, 65). Между тем имеющиеся в кодексе отдельные нормы смежных с банкротством институтов (например, институт ликвидации юридического лица) не соответствуют аналогичным нормам Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», что вызывает сложности в их толковании и применении.

В частности, в ст. 64 Гражданского кодекса Российской Федерации не предусматривается удовлетворение требований внеочередных текущих кредиторов, тогда как Федеральный закон «О несостоятельности (банк-

ротстве)» предусматривает такую категорию кредиторов (п. 1 ст. 134). Означает ли это, что удовлетворение требований внеочередных текущих кредиторов в ходе ликвидации должно осуществляться только в установленной кодексом очередности. Полагаем, что нет, ибо в противном случае гражданское законодательство создает ситуацию экономической невозможности осуществления ликвидации юридических лиц. Участники имущественного оборота (например, службы коммунального хозяйства, оценщики, аудиторы), зная, что их требования будут удовлетворены только в последнюю очередь, не заинтересованы вступать в гражданско-правовые обязательства с ликвидируемым юридическим лицом, что в конечном итоге предопределено объективным действием закона стоимости. Кроме того, буквальное толкование ст. 64 Гражданского кодекса Российской Федерации в известной мере ставит юридические лица, в отношении которых принято решение о ликвидации, в неравное положение с другими участниками имущественного оборота, что противоречит основным началам гражданско-правового регулирования (п. 1 ст. 1 ГК РФ). Следовательно, отсутствие в кодексе положений о внеочередных расходах следует рассматривать именно как отсутствие, а не как наличие позиции Гражданского кодекса Российской Федерации по данному вопросу. Думается, что данный пробел гражданского законодательства был восполнен конкурсным законодательством, что следует оценить позитивно. Считаем, что в ходе проведения обычной ликвидации при удовлетворении требований внеочередных кредиторов следует применять аналогию закона. Однако данный вывод небесспорен. Подобных ситуаций можно избежать, если кодификацию предпринимательского и конкурсного законодательства проводить совместно.

Представляется, что систематизация действующего российского конкурсного законодательства будет в конечном итоге способствовать стабильности законодательства, его доступности для граждан, юридических лиц, государственных органов, а также обеспечивать соблюдение принципов законности и справедливости.

§ 3. Телеологическое толкование норм конкурсного законодательства

Общепризнанным в правоведении является то обстоятельство, что системный подход как совокупность общенаучных методологических принципов позволяет выявить внутреннее единство правовых явлений, органическую взаимосвязь и гармоничное взаимодействие его составляющих. Констатация данного обстоятельства вряд ли требует приведения пространной аргументации. Достаточно обратиться к любому учебнику по теории государства и права, чтобы убедиться в признании правоведами той существенной роли, которую системный подход играет в познании

правовых явлений. Результатом системного освоения правовой действительности явилось обогащение юридической науки такими категориями и понятиями как: «система права», «систематизация законодательства», «структура правовой нормы», «правовые системы современности» и др. В цивилистической доктрине, к сожалению, системный подход не получил столь широкого применения: довольно часто приверженность исследователя к системному подходу лишь декларируется, а сам подход понимается и интерпретируется на уровне обыденных, житейских представлений. Между тем его последовательное в методологическом плане использование при построении цивилистических категорий открывает в конечном итоге новые возможности применения и совершенствования действующего законодательства, позволяет более точно уяснять смысл регулируемых правом социально-экономических явлений.

В рамках настоящей статьи предпринята попытка применения принципов системного подхода к рассмотрению цели и задач правового регулирования отношений, возникающих в ходе осуществления процедур банкротства.

1. В качестве постановки проблемы укажем на степень научной разработанности данной темы в доктрине. Вопрос о цели и задачах несостоятельности рассматривался многими учеными. Между тем еще не достигнуто единства во взглядах по различным его аспектам. Имеющиеся по данному поводу суждения правоведов носят весьма разноплановый, а порой противоречивый характер. Каждый исследователь пытается акцентировать внимание на том или ином аспекте вопроса, не забывая при этом о методологическом единстве подхода. При этом не отменяет всех противоречий то обстоятельство, что в действующем конкурсном законодательстве определены цели некоторых процедур банкротства (ст. 2 Закона о несостоятельности 2002 г.¹), которые, на наш взгляд, требуют специального толкования.

В современной юридической литературе правоведы при исследовании данного вопроса чаще всего акцент делают на выполняемых отдельными процедурами банкротства функциях. Так, по мнению М.В. Телюкиной, конкурсное право имеет две цели: *восстановительную* и *ликвидационную*². Подобную в методологическом плане точку зрения высказывают

¹ О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // Рос. газ. 2002. 2 нояб. Цели некоторых процедур банкротства определялись также и в ранее действовавшем законодательстве. См.: ст. 15 Закона РФ «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» от 19 нояб. 1992 г. № 3929-1 (Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 1. Ст. 6), ст. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 8 янв. 1998 г. № 6-ФЗ (Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 222). Далее – ЗоН.

² Телюкина М.В. Конкурсное право: Теория и практика несостоятельности (банкротства). М., 2002. С. 71.

другие цивилисты (С.П. Гришаев, И.В. Ершова, Е.А. Колинченко, В.А. Рахмилович). Обоснованность такого рода суждений представляется весьма спорной. Думается, что правоведы определяют таким образом не цель рассматриваемого правового института в целом, а задачи отдельных процедур банкротства, которые нашли свое закрепление в законе. Ведь ликвидация неплатежеспособного хозяйствующего субъекта и восстановление платежеспособности должника являются взаимоисключающими процедурами. Цель, по нашему мнению, должна быть единой, интегрирующей множества отдельных задач, в том числе задач отдельных процедур банкротства.

Непоследовательна в методологическом плане другая научная позиция, согласно которой целью закона о несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций является достижение равновесия в соблюдении интересов кредиторов и кредитной организации в процессе производства по делу о несостоятельности¹. Позиция авторов логически уязвима только лишь потому, что гармоничное сочетание (равновесие) изначально противоречивых интересов должника и его кредиторов – всегда есть некий никогда не достижимый идеал (к которому, между тем, необходимо стремиться). Абсолюта, как известно, не существует ни в природе, ни в социуме. Нет абсолютной справедливости и полных гарантий, не достижима безусловная истина и баланс (равенство) частных и публичных интересов. Поэтому когда говорят о достижении равновесия противоречивых интересов участников конкурсного процесса – провозглашают должное, не соответствующее существу. Понятно, что в такой интерпретации цель правового регулирования никогда не будет реализована. Между тем цель – это то, чего система должна достигнуть на основе своего функционирования. Полагаем, что подобным образом в данном случае определятся не цель закона, а приводится разверстка содержания одного из принципов правового регулирования – принципа справедливости. Однако единая цель правового регулирования каких-либо общественных отношений должна предопределять некое единство предмета правового регулирования или по крайней мере исходить из наличия единого родового признака, присущего всем общественным отношениям, входящим в предмет правового регулирования, что в итоге предопределяет применение к ним единых правовых средств. Указание на необходимость обеспечения баланса интересов должника и его кредиторов не может рассматриваться как свойство самих общественных отношений или их возможное содержание, а является лишь требованием к построению системы правовых норм и порядку их применения и толкования.

¹ Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Постатейный комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций». М., 1999. С. 2.

Более последовательную в методологическом плане позицию занял В.Ф. Попондопуло, который считает, что законодательство о банкротстве существует для того, чтобы в условиях недостаточности имущества должника соразмерно удовлетворялись требования кредиторов за счет вырученных средств от продажи имущества несостоятельного должника¹. Думается, однако, что в содержательном плане этот кажущийся очевидным вывод также неоспорен. Автор, по сути, абсолютизирует лишь один из возможных способов удовлетворения требований кредиторов, занимая таким образом крайнюю позицию. Теоретической основой для подобных суждений явились работы ряда дореволюционных цивилистов (К.И. Малышев, Г.Ф. Шершеневич).

По тем же самым причинам неоспорна позиция тех современных правоведов, которые занимают противоположную позицию. Так, по мнению украинских ученых, правовое регулирование несостоятельности «направлено на достижение не частного интереса, а общей цели – восстановление платежеспособности должника и сохранение хозяйствующего субъекта»². Однако, очевидно, что восстановление платежеспособности, как, впрочем, и ликвидация должника – только возможные альтернативы применения конкурсного законодательства.

Обзор литературы показал, что существующий теоретический уровень исследований данной проблемы недостаточен. Прежде всего при исследовании данного вопроса превалирует описательный подход. Определяя цель и задачи правового регулирования несостоятельности, правоведомы преимущественно указывается значение данного института с точки зрения отдельных процедур банкротства, тогда как связь между ними даже если она и признается в общем виде, не получает соответствующего освещения. Очевидно, такой подход не соответствует действительной природе системного строения правового института несостоятельности как органически целостного образования и не способен раскрыть связи между отдельными процедурами банкротства полно и всесторонне. Кроме того, при таком подходе не получают сколько-нибудь четкого решения следующие прин-

¹ Попондопуло В.Ф. Конкурсное право: Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) : учеб. пособие. М., 2001. С. 16, 28.

² Хозяйственное право : учебник / под ред. В.К. Мамутова. Киев, 2002. С. 524 (авт. гл. Б.М. Поляков). Примечательно, что подобный подход закреплен в современном французском законодательстве о несостоятельности, основными целями которого провозглашено «сохранение предприятия, поддержание его деятельности и рабочих мест и очищение пассива» (Гражданское и торговое право капиталистических государств : учеб. для вузов / отв. ред. Е.А. Васильев. М., 1993. С. 450). Такой же подход отстаивался в советский период развития конкурсного права. «Мы должны быть чужды сентиментального гуманизма по отношению к «личности» обанкротившегося спекулянта, – писал С. Раевич, – но к полезному предприятию его мы должны подходить весьма бережно и осторожно» (Энциклопедия государства и права : в 4 т. М., 1930. Т. 2. С. 1010).

ципиально важные вопросы: 1) юридико-техническое значение цели правового регулирования; 2) системная связь между целью и задачами правового регулирования; 3) объединение разнородных процедур банкротства интегрирующим признаком. Поэтому, не имея верных представлений по названным и другим вопросам системного строения института несостоятельности, российские правоведы либо произвольно трактуют цель указанного института, высказывая по преимуществу гипотетические положения, либо актуализируют теоретические разработки науки торгового права до-революционного периода, требующие известного переосмысления с учетом современного состояния института несостоятельности.

2. Представляется методологически более обоснованным рассмотрение цели несостоятельности как правового феномена с позиций требований системного подхода, которые могут быть сведены к следующим тезисам. Во-первых, общественные отношения, функционирующие в виде целостной системы, всегда имеют интегративные качества, которыми ни один из компонентов системы, взятый порознь, не обладает. Эти качества позволяют обосновать предметное единство на первый взгляд далеко отстоящих друг от друга общественных отношений и подойти к их урегулированию именно как целостной системы при обязательном учете присущих ей интегративных качеств. Во-вторых, цель – это то, чего система должна достигнуть на основе своего функционирования. Целью может быть определенное состояние системы или иной продукт ее функционирования. Учитывая эти обстоятельства, цель правового регулирования может рассматриваться в качестве системообразующего (интегративного) фактора. Таким образом сама система правового регулирования несостоятельности выступает лишь относительно своей цели, которая и задает конечное состояние системы. Только в этом отношении система может рассматриваться как некоторая целостность. Говоря об объекте правоотношения, В.Н. Протасов справедливо отмечает: «Цель как бы вычленяет, очерчивает в объекте систему, ибо в последнюю войдет из объекта только то, что определяет свойства, необходимые для достижения цели»¹.

Трактовка цели как системообразующего признака института несостоятельности позволяет прийти к следующим общетеоретическим выводам. Во-первых, в тех случаях, когда указанные отношения изучаются и нормируются в отрыве от интегративных качеств, неизбежно приходится абстрагироваться, что отрицательно сказывается как на познании сущности отношений, так и на ее отражении в праве. Во-вторых, цель одного и того же явления не может быть противоречивой, ибо в этом случае необходимо говорить о существовании нескольких систем, так как относи-

¹ Протасов В.Н. Что и как регулирует право : учеб. пособие. М., 1995. С. 14.

тельно каждой цели явление выступает как самостоятельная система. В-третьих, цель – это своего рода миссия, в известном смысле она может рассматриваться как концентрированное выражение сущности явления как системы. Задачи – это своего рода «промежуточные» цели на пути к достижению конечной цели. Таким образом, задачи и цель соотносятся между собой как часть и целое.

Целью института банкротства является наиболее справедливое удовлетворение требований кредиторов несостоятельного должника путем применения организационно-имущественных ограничений как крайней меры защиты субъективного права. В случае, когда имущественное положение должника не позволяет полностью удовлетворить денежные требования всех кредиторов, то институт банкротства позволяет наиболее справедливо и равномерно удовлетворить требования кредиторов. Следует подчеркнуть, что акцент должен быть сделан не на равном и справедливом *распределении имущества должника*, а на необходимости *равного и справедливого погашения требований кредиторов*. Именно эта цель вызывает необходимость появления данного института и является объективной предпосылкой его существования. Данная цель соответствует духу гражданского права, одна из основных презумпций которого состоит в добросовестности участников экономического оборота. Наличие неисполненных денежных обязательств со стороны кого-либо должно рассматриваться как негативное явление, поскольку может привести к финансовой несостоятельности других участников оборота, связанных с должником хозяйственными связями. Реализация основной цели рассматриваемого института позволяет привести состояние экономического оборота в нормальное русло. Что касается задач института несостоятельности, то они по сути могут рассматриваться как задачи отдельных процедур банкротства. Следовательно, по данному вопросу следует согласиться с высказанными на этот счет в литературе суждениями, с тем лишь допущением, что задачи процедур банкротства хотя и могут носить разноплановый характер, но не могут противоречить цели правового регулирования в целом.

Симптоматично, что сходную в содержательном плане позицию занимает Конституционный Суд РФ, который полагает, что обеспечение прав реальных и потенциальных кредиторов в делах о банкротстве является одной из основных целей ЗоН, из чего, правда, следует, что суд допускает существование нескольких «основных» целей закона, что как уже отмечалось некорректно¹. В другом своем постановлении суд справедливо распространяет указанную правовую позицию и на отдельные процедуры

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 12 марта 2001 г. № 4-П // Рос. газ. 2001. 22 марта.

банкротства. В частности, он считает, что внешнее управление также осуществляется в целях защиты прав и законных интересов кредиторов и как таковое влечет за собой ряд правовых ограничений для должника¹.

3. В чем заключается теоретическое и практическое значение цели и задач правового регулирования института несостоятельности как юридических категорий и какова их роль в механизме правового регулирования? Думается, что можно наметить следующие основные направления решения данного вопроса.

Во-первых, на уровне сравнительно-правового исследования цель может служить критерием периодизации истории развития конкурсного законодательства. По нашему мнению, именно цель выступает здесь наиболее общим критерием, обнимающим в целом соответствующую систему правовых средств, и позволяет в пределах целого переносить акцент на любые частные проблемы правового регулирования несостоятельности, вокруг которых преимущественно концентрировались научные исследования того или другого исторического периода. Таким образом, можно выделить три основных исторических этапа: период личной ответственности (цель – наказание должника), когда уголовная и имущественная ответственность за несостоятельность не разграничивались, период ликвидационных процедур (цель – наиболее справедливое и равномерное распределение имущества должника) и современный период, характеризующийся сочетанием ликвидационных и реабилитационных процедур (цель – удовлетворение требований кредиторов).

Во-вторых, на уровне теоретического анализа цель может быть использована для характеристики сущности несостоятельности как правового феномена. Так, в частности, не требуется обстоятельного исследования, чтобы сделать вывод о том, что нормы данного института могут применяться только тогда, когда у должника имеется несколько кредиторов (по крайней мере два и более). Кроме того, процедуры банкротства должны использоваться только в случае реальной неспособности должника самостоятельными действиями восстановить свою платежеспособность и удовлетворить требования всех кредиторов, что может или доказываться, или презюмироваться. Здесь следует согласиться с В.В. Лаптевым и В.П. Шахматовым, которые предложили рассматривать цель правового регулирования в качестве одного из оснований построения правовых институтов. Думается, что такой подход позволяет выявлять качественно новое содержание конкретного правового института по сравнению с конкретной правовой нормой².

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 6 июня 2000 г. № 9-П // Рос. газ. 2000. 15 июня.

² Лаптев В.В., Шахматов В.П. Цели правового регулирования и система права // Правоведение. 1976. № 4. С. 31.

В-третьих, определение цели института несостоятельности имеет интегрирующее значение для формирования особого правового режима осуществления хозяйственной деятельности в условиях проведения процедур банкротства, связанного с организационно-имущественными ограничениями. Здесь мы солидарны с Д.А. Керимовым, который полагает, что «цель права определяет и те правовые средства, с помощью которых эта цель достигается»¹. Иными словами, прикладное значение цели как юридического понятия заключается в том, что она, по сути, структурирует (объединяет) основные элементы механизма правового регулирования в единую юридическую конструкцию – правовой режим.

В-четвертых, определение цели несостоятельности позволяет уяснить социальное назначение субъективных прав должника и кредиторов, что может быть использовано в качестве критерия оценки правомерности (неправомерности) поведения субъектов при отсутствии конкретных норм. Иными словами, цель института несостоятельности и задачи отдельных процедур банкротства могут рассматриваться в качестве общих границ (пределов) осуществления субъективных прав участников конкурсных отношений. В частности, анализ цели института несостоятельности позволяет сделать вывод о том, что организационно-имущественные ограничения хозяйственной деятельности должника как правовые средства достижения цели правового регулирования предполагают *исключительный* характер применения института несостоятельности, который следует оценивать как крайнюю возможность для взыскания долга. Неудивительно, что еще в XIX веке немецкие юристы обращали особое внимание на «организацию других судебных производств исполнительного и охранительного порядка, которые бы выполняя задачи конкурсного производства, служили бы лучшей заменой его»².

До 2002 г. в российском законодательстве для возбуждения дела о банкротстве по заявлению кредитора не требовалось подтверждать размер денежных обязательств вступившим в законную силу решением суда. Однако в доктрине и в арбитражной практике учитывался исключительный характер института несостоятельности. К примеру, по мнению К.И. Скловского, когда лицо скупает долги общества и возбуждает процесс о банкротстве с целью приобретения упавших в цене акций общества, то имеют место основания применения ст. 10 ГК РФ, поскольку в целом ситуация является употреблением права во зло. В данной ситуации следует отказать в требовании о банкротстве непосредственно по ст. 10 ГК РФ. Что касается

¹ Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 381.

² См.: Мальшев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса. СПб., 1871. С. 450–451.

сделок по скупке долгов и акций, то они могут быть оспорены потерпевшими по ст. 179 ГК РФ (или, в случае сговора, – ст. 170 ГК РФ)¹.

Примечательно, что позиция современной правоприменительной практики ЗоН еще более «радикальна», чем позиция доктрины. Федеральный арбитражный суд Центрального округа квалифицировал действия кредитора-заявителя, не представившего доказательства, подтверждающие невозможность удовлетворения его требований в порядке, установленном законодательством, вне процедуры банкротства, как злоупотребление правом и в соответствии со ст. 10 ГК РФ, п. 1 ст. 107 АПК РФ отказал в принятии заявления о признании должника банкротом (Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 14 мая 1999 г. Дело № А14-1178-99-20/ЗБ-6). Следуя логике суда, необходимо признать, что при таких обстоятельствах имеет место нарушение принципа осуществления гражданских прав в соответствии с их социальным назначением, содержание которого определяется целью правового регулирования.

В-пятых, юридико-техническое значение легального закрепления цели правового регулирования состоит в том, что она, будучи интегрирующим (системообразующим) признаком особого правового режима, может рассматриваться в качестве исходного принципа при толковании отдельных норм конкурсного законодательства, что должно обеспечить единообразие и последовательность применения правовых норм. Данное обстоятельство касается также задач отдельных процедур банкротства.

Так, учитывая содержание задач конкурсного производства, Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа признал ошибочными доводы о том, что конкурсный управляющий не вправе предъявлять иски о признании сделок недействительными по основаниям, предусмотренным ст. 78 ЗоН (Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23 нояб. 2000 г. № Ф08-3309/2000 по делу № А-32-10114/2000-41/204). При этом суд учел то обстоятельство, что иски по данному основанию направлены на исключение предпочтительного удовлетворения требований одних кредиторов должника перед другими, что в свою очередь соответствует одной из главных *задач конкурсного производства*. Федеральный арбитражный суд Московского округа признал сделку купли-продажи ценных бумаг в период внешнего управления ничтожной в силу ст. 168 ГК РФ, поскольку было установлено, что она не направлена на финансовое оздоровление предприятия-должника, что противоречит *основной задаче проведения данной процедуры*. Напротив, оплачивая акции путем выдачи векселя, должник принимал долговое обя-

¹ Сдловский К. О применении норм о злоупотреблении правом в судебной практике // Вестн. Высш. Арбитр. Суда РФ. 2001. № 2. С. 49 ; Он же. О злоупотреблении правом // Экономика и жизнь-Юрист. 2000. авг. (№ 32). С. 2.

зательство, влекущее увеличение задолженности перед кредиторами (Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 29 янв. 2001 г. по делу № КГ-А40/6525-00).

В-шестых, существование особого правового режима несостоятельности, на наш взгляд, изменяет характер правоспособности юридического лица, при этом цель и задачи несостоятельности выступают в качестве обобщающего критерия для определения объема и содержания специальной правоспособности юридического лица, возникающей при проведении процедур банкротства. Еще в советский период в ходе анализа иностранного конкурсного законодательства была высказана верная мысль о том, что юридическое лицо с вынесением решения об объявлении его несостоятельным продолжает существовать, но с *ограниченной* правоспособностью, то есть оно может иметь лишь те права, которые необходимы для *целей* конкурсного процесса¹. Весьма примечательно, что обоснованность этого суждения подтверждена временем. Так, уже в современной арбитражной практике возник вопрос о том, сохраняют ли действие доверенности, выданные до признания юридического лица банкротом. Федеральный арбитражный суд Московского округа пришел к выводу о том, что выданную таким юридическим лицом доверенность нельзя считать прекратившей свое действие в силу закона, поскольку юридическое лицо не считается ликвидированным до исключения его из государственного реестра. Однако суд учел то обстоятельство, что правоспособность юридического лица с момента решения суда о признании его банкротом ограничена, поэтому доверенность, ранее выданная юридическим лицом, ограничена правоспособностью данного юридического лица. Суд справедливо указал, что «все действия банкрота вне рамок процесса о банкротстве запрещены в силу закона, поэтому и доверенность не действует за рамками ЗоН» (Справка Федерального арбитражного суда Московского округа от 5 нояб. 1999 г.). Поэтому, по мнению суда, с которым стоит, бесспорно, согласиться, каждый раз следует учитывать изменение целей и функций организации, находящейся в процессе банкротства, что предполагает, в частности, необходимость выявления круга и объема полномочий, которые представляются по доверенности. Следовательно, если управляющий не принял мер к отмене ранее выданной доверенности, то она продолжает действовать в пределах правоспособности представляемого им юридического лица.

Вопросы теоретико-методологического значения цели и задач института несостоятельности в механизме правового регулирования являются одними из наименее теоретически исследованных в правовой науке,

¹ Советское и иностранное гражданское право: (Проблемы взаимодействия и развития) / отв. ред. В.П. Мозолин. М., 1989. С. 198.

поэтому не удивительно, что практика применения соответствующих норм носит весьма противоречивый характер. Справедливости ради отметим, что анализ некоторых судебных решений дает основания полагать, что суды все же придают цели и задачам данного института известные правовые последствия.

Из изложенного не трудно видеть, что теоретическая разработка проблем определения цели и задач несостоятельности с точки зрения системного подхода и связанных в связи с этим правовых последствий имеет непосредственное значение для правоприменительных органов. Это обстоятельство особенно актуально для следующих случаев: 1) при применении разноотраслевых правовых норм; 2) при коллизии между отдельными правовыми предписаниями; 3) при пробелах в праве; 4) случаев, когда при решении дела допускается усмотрение в рамках закона; 5) при наличии неясных формулировок закона; 6) при реализации конституционных положений. Представляется, что не менее существенна также и теоретическая сторона дела.

Учебно-методические материалы

Основные термины

Нормативный правовой акт – это письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм.

Законодательство – 1) основной вид деятельности законодательных органов, разработка и принятие государственных законов; 2) совокупность действующих в стране законов, регулирующих общественные, экономические, гражданские отношения (гражданское законодательство, уголовное законодательство).

Обычай – сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе.

Торговый обычай, узанция, узанс – (франц. *usance* от лат. *usus* – привычка) – постоянно применяемое, общепринятое в деловой практике правило, положение, порядок вещей; к торговому обычаю обращаются в случаях, не предусмотренных в договоре, контракте.

Систематизация законодательства – упорядочение нормативных правовых актов, приведение их в согласованную, взаимоувязанную систему по отраслям законодательства, позволяющую провести максимально полный учет нормативных актов в целях информирования заинтересованных лиц о действующих правовых нормах.

Контрольные вопросы

1. В чем выражается комплексный характер Закона о банкротстве?
2. Какова система законодательства о банкротстве
3. Приведете примеры несогласованности норм, содержащиеся в различных актах законодательства о банкротстве: ГК РФ и Закона о банкротстве, АПК РФ и Закона о банкротстве.
4. Как соотносится Закон о банкротстве и другие нормативные правовые акты?
5. Какова роль подзаконных правовых актов в правовом регулировании материальных и процессуальных отношений в сфере банкротства?
6. Какую роль в регулировании отношений банкротства играют акты Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ, а также ранее действовавшего Высшего Арбитражного Суда РФ?
7. Каковы основные этапы развития института несостоятельности (банкротства) в России?
8. Каковы основные черты и тенденции развития современного российского законодательства о несостоятельности (банкротстве)?
9. Каковы основные цели и задачи института несостоятельности (банкротства)?
10. Обоснуйте положение, согласно которому институт несостоятельности (банкротства) является комплексным институтом права.

Литература для углубленного изучения

1. *Гольмстен А.Х.* Исторический очерк русского конкурсного процесса : юрид. ст. / А.Х. Гольмстен. – СПб. : Тип. В.С. Балашева, 1888. – 292 с.
2. *Малышев К.* Исторический очерк конкурсного процесса : юрид. ст. / К. Малышев. – СПб. : Тип. Т-ва «Общественная Польза», 1871. – 455 с.
3. *Шершеневич Г.Ф.* Конкурсный процесс / Г.Ф. Шершеневич. – М. : Статут, 2000. – 476 с. – (Классика российской цивилистики).
4. *Свириденко О.М.* Правонарушающее поведение в произведениях драматурга А.Н. Островского. Отечественное законодательство о банкротстве X–XIX веков / О.М. Свириденко, К.В. Харabet. – М. : Норма, 2008. – 144 с.
5. *Свириденко О.М.* Российское законодательство о банкротстве: к истории становления / О.М. Свириденко. – М. : Норма, 2005. – 64 с.
6. *Карелина С.А.* К вопросу о роли судебной практики в системе источников правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства) / С.А. Карелина // Право и экономика. – 2017. – № 11. – С. 19–25.
7. *Карелина С.А.* Новые законодательные реформы: нужны ли они (на примере законодательства о несостоятельности (банкротстве))? (Тези-

сы выступления) / С.А. Карелина // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2018. – № 1. – С. 3–6.

8. *Карелина С.А.* Особенности реализации конституционных принципов в процессе несостоятельности (банкротства) / С.А. Карелина // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2019. – № 1. – С. 7–14.

9. *Попондопуло В.Ф.* Некоторые проблемы совершенствования законодательства о банкротстве / В.Ф. Попондопуло // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2016. – № 1. – С. 44–52.

10. *Сидорова В.Н.* Особенности правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства): история и современность / В.Н. Сидорова // История государства и права. – 2010. – № 3. – С. 4–8.

11. *Сидорова В.Н.* Проблема рациональности при внесении изменений в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» / В.Н. Сидорова // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2018. – № 3. – С. 8–15.

12. *Фаттахов М.Н.* К вопросу о действии Федерального закона от 29.07.2017 г. № 266-ФЗ во времени / М.Н. Фаттахов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 4. – С. 173–176.

ГЛАВА 3. СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ ОТНОШЕНИЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

§ 1. Конкурсоспособность должника как правовая категория

Основные подходы к определению понятия «конкурсоспособность». В качестве исходного методологического принципа исследования следует признать то обстоятельство, что термины, используемые в правовой сфере (науке, законодательстве, практике), должны обладать четкостью, однозначностью, обозначать понятие строго определенного содержания и объема¹.

Термин «конкурсоспособность» используется в современной отечественной юридической науке, тогда как в действующем российском законодательстве он не употребляется. Симптоматично, что подобное положение вещей характерно и для многих других стран. Так, в немецкой доктрине для обозначения способности быть субъектом процедуры несостоятельности используется в настоящее время специальный термин *Insolvenzfähigkeit* (способность быть несостоятельным); ранее, в период действия Конкурсного устава 1877 г. (*Konkursordnung*) с 1877 по 1999 г., использовалось понятие *Konkursfähigkeit* (конкурсоспособность)².

Как известно, придать определенность терминам призваны научные дефиниции. Обобщение немногочисленной специальной юридической литературы, посвященной рассмотрению соответствующего вопроса, позволяет выделить два основных подхода к определению данного понятия – в широком и узком смысле.

Широкий подход к определению данной категории отстаивает, в частности, С.С. Галкин. По его мнению, конкурсоспособность «можно определить как способность юридического лица, которое может быть признано должником в деле о банкротстве, иметь лишь те права и нести те обязанности, которые необходимы для целей конкурсного процесса»³. По сути, сходное определение рассматриваемого феномена предлагает Т.П. Шишмарева: «конкурсоспособность – специальная правоспособность субъекта, позволяющая ему участвовать в процедурах несостоятельности в качестве должника»⁴.

¹ Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М. : Норма : Инфра-М, 2012. С. 46.

² Шишмарева Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии. М. : Статут, 2015. С. 28.

³ Галкин С.С. Понятие и признаки должника – юридического лица по российскому законодательству о банкротстве // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2015. № 1. С. 151.

⁴ Шишмарева Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии. М. : Статут, 2015. С. 30.

Немецкие ученые, похоже, также отстаивают широкое понимание конкурсной способности, по которой предлагается понимать «возможность привлечения должника – физического лица либо должника-предприятия к имущественной ответственности в пользу всех его кредиторов в рамках сводного исполнительного производства» (Gottwald, Gerhardt); «возможность, но независимая от воли ее носителя, быть должником в деле о несостоятельности», которая «в целом соответствует процессуальной правоспособности ответчика в гражданском процессе» (Kirchhof)¹.

Узкая трактовка исследуемого явления обосновывается уральскими правоведами (В.С. Белых, А.А. Дубинчин, М.Л. Скуратовский, В.С. Якушев), которые, пожалуй, впервые в современной отечественной доктрине предложили ввести в научный оборот понятие «конкурсная способность». Последняя понимается ими как «способность лица быть объявленным несостоятельным (банкротом)»². В процессуальном смысле, по мнению М.Л. Скуратовского, в качестве одного из материально-правовых условий возбуждения дела о банкротстве является наличие лица, обладающего конкурсной способностью, т.е. «лица, которое в соответствии с законодательством может быть объявлено банкротом»³.

Таким образом, различие между рассматриваемыми подходами заключается в том, что, согласно узкой трактовки, под конкурсной способностью понимается способность должника подвергнуться объявлению банкротом и в этом смысле содержание понятия «лицо, обладающее конкурсной способностью», поглощается понятием «субъект банкротства». Согласно широкой трактовки, содержание конкурсной способности включает не столько способность быть банкротом, сколько способность подвергнуться применению законодательства о банкротстве и иметь специальные права и обязанности, которые необходимы для участия в деле о банкротстве. И в этом смысле рассматриваемая категория фактически отождествляется с понятием «конкурсная (специальная) правоспособность должника в деле о банкротстве».

Ранее в работах автора настоящей статьи узкую трактовку конкурсной способности предлагалось уточнить по нескольким направлениям. Во-первых, определение было признано недостаточно полным, поскольку оно отражает только способность лица нести особого рода обременения (имущественно организационные ограничения), однако не отражается способность лица собственными действиями объявить о своей несостоятельно-

¹ Трушников С.С. Возбуждение производства по делам о несостоятельности в России и Германии. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. ун-та, Изд-во юрид. фак. СПбГУ, 2006. С. 77.

² Белых В.С., Дубинчин А.А., Скуратовский М.Л. Правовые основы несостоятельности (банкротства) : учеб.-практ. пособие / под ред. В.С. Якушева. М. : Норма, Инфра-М, 2001. С. 51.

³ Арбитражный процесс : учебник / А.В. Абсалямов, И.Г. Арсенов, Е.А. Виноградова [и др.] ; отв. ред. В.В. Ярков. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2004. С. 427.

сти. И хотя действующий Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не допускает процедуры добровольного объявления о банкротстве, но такая возможность была известна законам о банкротстве 1998 г. (гл. XI) и 1992 г. (ст. 51). Во-вторых, отмечалось, что непосредственное содержание конкурсной способности составляют социально и экономически обеспеченные возможности лица нести возложенные на него имущественно организационные ограничения, объем которых измеряется всей совокупностью мер воздействия, предусмотренных конкурсным законодательством. В-третьих, предлагалось рассматривать конкурсную способность в качестве самостоятельного элемента правосубъектности участников имущественного оборота. В-четвертых, акцентировалось внимание на необходимости расширения круга конкурсных лиц. Так, в частности, указывалась ситуация, когда в торговом обороте участвует образование, которое по каким-либо причинам не имеет правового статуса юридического лица. Например, субъекты, фактически участвующие в имущественном обороте, но не выполнившие формальных действий, необходимых для приобретения гражданско-правового статуса. Предположим, что финансовое состояние такого образования будет отвечать признакам банкротства. В этом случае для урегулирования правоотношений, связанных с неплатежеспособностью, было бы целесообразно использование законодательства о несостоятельности. По поводу этого предлагалось реципировать германскую модель формального наделения статусом юридического лица образований, не являющихся юридическими лицами (в рамках производства по делам о банкротстве), а также английский подход к вопросу применения процедур несостоятельности к незарегистрированным компаниям¹. Таким образом, ранее нами отстаивалась широкая трактовка конкурсной способности. Однако открытым оставался вопрос о соотношении понятий «конкурсная способность» и «конкурсная правоспособность».

Соотношение конкурсной способности и конкурсной правоспособности. В юридической литературе была высказана точка зрения, согласно которой понятие «конкурсная способность» корреспондирует с понятием «процессуальная правоспособность», являясь, по мнению Т.П. Шишмаревой, специальной процессуальной правоспособностью².

На наш взгляд, не вдаваясь в решение многих частных вопросов, требующих отдельного и более развернутого исследования, соотношение

¹ Пахаруков А.А. Правовое регулирование конкурсного производства юридических лиц (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Иркутск, 2003. С. 107–108; Семеусов В.А., Пахаруков А.А. Правовое регулирование конкурсного производства юридических лиц (вопросы теории и практики). Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. С. 120–121.

² Шишмарева Т.П. Особенности несостоятельности крестьянского (фермерского) хозяйства // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2013. № 3. С. 88.

указанных категорий можно провести по аналогии «гражданская правосубъектность» – «правоспособность» в теоретической интерпретации В.А. Белова¹. «Способность быть субъектом гражданского права и признаваться таковым называется *гражданской правосубъектностью*... с признанием того или другого явления реального мира лицом его гражданская правосубъектность облекается в специфические гражданско-правовые формы... – 1) правоспособности либо 2) системного единства право- и дееспособности»². Таким образом, как считает В.А. Белов, способность быть субъектом права (правосубъектность) недопустимо смешивать с последствиями признания таковым (правоспособность и дееспособность); правосубъектность соотноситься с правоспособностью как причина (естественно-социальная предпосылка, фактическое обстоятельство) и следствие (юридический результат, юридическая возможность).

Используя методологический подход В.А. Белова, можно считать конкурсообразность (как элемент правосубъектности) качеством лица быть субъектом конкурсного права; тогда как конкурсная правоспособность должна призваться правовой формой конкурсообразности.

Круг лиц, в отношении которых может быть открыто дело о банкротстве. Согласно действующему российскому законодательству по решению суда могут быть признаны банкротами следующие субъекты: (1) юридическое лицо, за исключением казенного предприятия, учреждения, политической партии и религиозной организации; государственная корпорация или государственная компания может быть признана банкротом, если это допускается федеральным законом, предусматривающим ее создание; фонд не может быть признан банкротом, если это установлено законом, предусматривающим создание и деятельность такого фонда (п. 1 ст. 65 Гражданского кодекса Российской Федерации); (2) физическое лицо (гражданин), в том числе индивидуальный предприниматель (ст. 25 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Не до конца выясненным является вопрос о том, обладает ли качеством конкурсообразности крестьянское (фермерское) хозяйство как организация, не являющаяся юридическим лицом (неправосубъектное образование), а также умерший гражданин, правоспособность которого, как известно, в момент смерти прекращается. Дискуссионный характер данного вопроса обуславливает то обстоятельство, что Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» предусматривает специальные правила об особенностях банкротства крестьянского (фермерского) хозяйства (§ 3 гл. X) и рассмотрения дела о банкротстве гражданина в случае его смерти (§ 4 гл. X).

¹ Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. 2 : Лица, блага, факты : учебник. М. : Изд-во Юрайт, 2011. С. 24–25, 46–55.

² Там же. С. 52.

По мнению Т.П. Шишмаревой, Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» признает именно за крестьянским (фермерским) хозяйством качества должника, т.е. наделяет его конкурсоспособностью¹. Если говорить об умершем гражданине, то следует отметить то обстоятельство, что еще римским правом допускалась возможность объявления несостоятельным умершего лица (точнее конкурс открывался в отношении лежащего наследства – *hereditas jacens*), что долгое время признавалось также конкурсным законодательством большинства стран мира (России, Франции, Германии, Англии)². В настоящее время производство по делам о несостоятельности в связи с наследованием предусмотрено, например, германским законодательством (§ 315–331 *Insolvenzordnung*). Подобно умершим физическим лицам, современное германское право допускает также возбуждение производства по делам о несостоятельности после прекращения деятельности юридического лица или товарищества, не являющегося юридическим лицом, при условии, что не произведен раздел имущества (§ 11 *Insolvenzordnung*). Иными словами, конкурс может быть открыт в отношении имущества *ликвидированного* (заметим – не ликвидируемого) должника. В тех случаях, когда закон допускал несостоятельность умершего лица, считалось, что искусственное сохранение имущественного единства выражается в существовании имущественно правовой личности наследодателя, которая «переживает» физическое существование последнего. Иными словами, момент физической смерти как бы не совпадает с гражданской. Учитывая, что конкурсоспособность – суть характеристика только субъекта права, разумным объяснением данного обстоятельства являлось признание за наследственной массой «замаскированного» (по словам Г.Ф. Шершеневича) юридического лица. Иной подход к определению конкурсоспособного лица в случае смерти гражданина предлагает Е.В. Евтушенко: «ни умерший должник, ни оставшееся после его смерти наследственное имущество конкурсоспособностью не обладают; должником в производстве по делу о несостоятельности над наследственным имуществом является наследник как субъект, обладающий материальной и процессуальной правоспособностью»³.

Вопрос о возможности банкротства неправосубъектных образований актуализируется также в связи с обсуждением законопроекта о банкротстве предпринимательской группы, под которой предлагается понимать

¹ Шишмарева Т.П. Особенности несостоятельности крестьянского (фермерского) хозяйства. С. 88.

² Мальшев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1871. С. 14–17; Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права: [в 4 т.]. 4-е изд. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912. Т. 4: Торговый процесс. Конкурсный процесс. С. 215–220.

³ Евтушенко Е.В. Процессуально-правовые аспекты банкротства физических лиц // Административное и муниципальное право. 2015. № 6. С. 541.

совокупность двух или более взаимозависимых юридических лиц, в рамках одного производства (объединенного производства).

Таким образом, неразработанность концепции конкурсообразности как правовой категории не позволяет разрешить отдельные концептуальные научно-теоретические проблемы и, как следствие, частные политико-правовые вопросы совершенствования действующего законодательства в части расширения круга лиц, в отношении которых может быть открыто производство по делу о банкротстве.

§ 2. Классификация кредиторов в деле о банкротстве

Научная классификация как форма систематизации научного знания: методологические аспекты. Аксиоматичным является суждение о том, что всякое знание, претендующее на статус научного, представляет собой систематизированное знание, приведенное в определенную систему. Одной из форм такой систематизации знания является классифицирование. Как известно, классификация представляет собой логический прием, который основан на делении понятий на его составные элементы. Результатом деления является распределение объектов по группам на основании какого-либо общего признака, произведенное таким образом, что каждая группа занимает по отношению к другой группе строго определенное место¹.

Обобщение специальной литературы философско-методологического характера² позволяет выделить ряд концептуальных положений, которые должны учитываться при обращении юридической науки к классификации государственно-правовых явлений, и в частности при исследовании такого частного вопроса как деление правовых режимов кредиторов в деле о банкротстве.

Во-первых, научные классификации выполняют две основные функции: прежде всего, они играют значительную роль в познании, поскольку служат важнейшим средством теоретического воспроизведения объекта исследования (выполняя, таким образом, *гносеологическую функцию*). Вместе с тем, осуществляя систематизацию определенной предметной области, они задают также общее направление ее дальнейшего целенаправленного исследования (что является проявлением *методологической функции*). Заметим, что на разных этапах развития знания классификация

¹ Сырых В.М. Логические основания общей теории права. М. : ЗАО Юстицинформ, 2004. Т. 2: Логика правового исследования (Как написать диссертацию). С. 315.

² Воронин Ю.А. Теория классифицирования и ее приложения / отв. ред. М.М. Лаврентьев. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1985. 231 с. ; Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке / отв. ред. Л.С. Сычева. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1986. 223 с. ; Субботин А.Л. Классификация. М. : ИФ РАН, 2001. 102 с.

выполняет разные задачи: на первоначальном этапе классификация может носить преимущественно описательный характер, на последующих этапах она совершенствуется, точно и обстоятельно отражая виды и разновидности классифицируемых объектов, а также внутренние закономерные связи между ними.

Во-вторых, необходимо иметь четкое представление о том, что результат систематизации знания о каком-либо объекте познания и система самих объектов, существующих в действительности, суть разные вещи. Классификация – это всегда система упорядоченных знаний об объекте. Очевидно, что «знание об объекте» и сам классифицируемый «объект» не одно и то же.

В-третьих, выделенные в ходе классифицирования группы и установленные между ними связи не могут считаться окончательно познанными и в этом смысле неизменными. Классификации в результате расширения сведений об объектах могут претерпевать изменения. Поэтому в науке не может быть единственно правильной классификации по какому-либо частному (конкретному) вопросу. Всякая классификация должна расцениваться как определенный этап в познании исследуемых объектов, как картина (модель) соотношения этих групп, которая создана на основе эмпирических сведений и имеющихся теоретических представлений.

В-четвертых, в ходе правового исследования и, в частности, осуществляя такую его процедуру как классифицирование, не следует пренебрегать таким принципом научного познания как принцип объективности¹, основной смысл которого удачно сформулировал В.В. Лунеев: «Теоретические исследования права... должны опираться в своей разработке на анализ существующей в обществе реальной ситуации», при этом «логическое мышление, которое доминирует в юридической науке, не может дать знание эмпирического мира, а абстрактное философствование вне фундаментального анализа реалий сводит теорию права к науке слов, а не к науке познания реального права»².

Классификация кредиторов в деле о банкротстве: современное состояние и возможное развитие. Традиционно в российской юридической литературе, опираясь на положения Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) и практику его применения, кредиторы в деле о банкротстве разделяются на определенные группы (категории) в зависимости от разных оснований (критериев классификаций). Иными словами, приводится не одна, а несколько классификаций кредиторов. Заслуга разработки

¹ Пьянов Н.А. О понятии методологии юридической науки // Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2. № 4. С. 21.

² Лунеев В.В. Соотношение криминальных реалий с теорией права в России // Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2. № 4. С. 45.

наиболее обстоятельных классификаций принадлежит М. В. Телюкиной¹, чьи результаты в последующем неоднократно транслировались в учебной и научной литературе². В частности, ею было предложено дифференцировать кредиторов на следующие группы: (1) конкурсные и неконкурсные (в зависимости от статуса субъекта в процессе); (2) крупные и мелкие (в зависимости от суммы требования); (3) заявители и не являющиеся заявителями кредиторы (в зависимости от субъекта, инициирующий конкурсный процесс); (4) очередные и неочередные (в зависимости от порядка удовлетворения требования); (5) денежные и неденежные (в зависимости от характера требований); (6) установленные и не установленные (в зависимости от определенности требования); (7) действительные и недействительные кредиторы (в зависимости от наступления срока исполнения требования кредитора). Между тем с философско-методологических позиций указанный подход имеет некоторые изъяны. Не претендуя на всесторонность выявления всех недочетов, выразившихся в несоблюдении в ходе проведения классифицирования соответствующих методологических требований, обозначим некоторые проблемные вопросы.

Во-первых, считается, что «классификацию отличает от самого точного и совершенного описания наличие трех отчетливо обозначенных структурных элементов: множества установленных групп подобных объектов; оснований, по которым объекты объединяются в группы; принципа или закона, согласно которому все группы соединяются, организуются в единую систему»³. Если по поводу первых двух элементов можно признать, что методологические требования соблюдены, то по поводу третьего остается только констатировать, что, по сути, он даже не обозначен. Полагаем, что в качестве общего принципа, описывающего как общность свойств у объектов одной группы, так и характер отношений между разными группами, во всех приводимых М.В. Телюкиной классификациях лежит *правовой режим*. Таким образом, все приводимые ею классификации выполняют одну и ту же задачу – дать полное и всестороннее описание правовых режимов требований кредиторов в деле о банкротстве.

Во-вторых, в рамках одной группы кредиторов правовой режим отдельных требований может быть отличным, поэтому классификация должна быть дополнена выделением соответствующих групп требований. Следует обратить внимание, что Закон РФ от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» выделял так называемых «привилегированных» кредиторов, к которым относились кредиторы

¹ Телюкина М.В. Конкурсное право. Гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2003. С. 148–197.

² Семеусов В.А., Пахаруков А.А. Правовое регулирование конкурсного производства юридических лиц (вопросы теории и практики). Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. С. 143–144.

³ Субботин А.Л. Классификация. М. : ИФ РАН, 2001. С. 28.

первых трех очередей. Привилегированность положения этих субъектов состояла в том, что сделки с этими кредиторами не могли быть признаны недействительными, даже если нарушены права других кредиторов, и даже если совершались с намерением причинить вред другим кредиторам. Следует отметить, что ни Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», ни ныне действующее законодательство вполне обоснованно, на наш взгляд, не выделили в таком виде отдельную категорию кредиторов.

Системное толкование норм Закона о банкротстве позволяет утверждать, что требования отдельных кредиторов (в рамках установленного для них правового режима) получили иное правовое регулирование, чаще всего привилегированной направленности. В частности, могут быть выделены:

1) *«сверхвнеочередные»* требования кредиторов – расходы на проведение мероприятий по недопущению техногенных и (или) экологических катастроф либо гибель людей в результате прекращения деятельности организации должника или ее структурных подразделений (абз. 2 п. 1 ст. 134); такие расходы должны погашаться вне очереди преимущественно перед любыми другими требованиями кредиторов по текущим платежам;

2) *безусловные текущие платежи* – судебные расходы, в том числе расходы на уплату государственной пошлины, расходы на включение сведений в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве и опубликование таких сведений в соответствии со ст. 28 Закона о банкротстве, расходы на выплату вознаграждения арбитражным управляющим (за исключением расходов на выплату суммы процентов) и оплату услуг лиц, привлекаемых арбитражными управляющими для обеспечения исполнения своей деятельности (ст. 59 Закона о банкротстве); особенность данной группы требований заключается в том, что в случае отсутствия у должника средств, достаточных для удовлетворения требований кредиторов этой группы, заявитель обязан погасить указанные расходы в части, не погашенной за счет имущества должника;

3) *залоговые кредиторы* – требования по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника; формально являясь кредиторами третьей очереди, сохраняют преимущественный характер удовлетворения своих требований из стоимости заложенного имущества, но в пределах установленных Законом о банкротстве (ст. 138);

4) *требования конкурсного кредитора – кредитной организации*; особенности этой группы требований состоят в том, что (а) кредитной организации при подаче заявления о банкротстве в отличие от всех остальных конкурсных кредиторов не требуется подтверждать свое требование судебным актом (абз. 2 п. 2 ст. 7); (б) при определенных условиях сделки, связанные с исполнением денежных обязательств, вытекающих из кредитного договора, не могут быть оспорены на основании ст. 61.3 Закона о банкрот-

стве (п. 4 ст. 61.4); (в) если залогом имущества должника обеспечиваются требования конкурсного кредитора по кредитному договору, то из средств, вырученных от реализации предмета залога, на погашение требований такого кредитора направляется 80 % (тогда как во всех остальных случаях – 70 %) (п. 2 ст. 138); социально-экономическая подоплека установления подобных преимуществ очевидна – обеспечить стабильность банковской системы страны, однако в ущерб реализации принципа юридического равенства конкурсных кредиторов в деле о банкротстве;

5) *требования учредителей (участников) должника – юридического лица* подлежат удовлетворению после полного погашения требований всех кредиторов, включая послеочередных (зарегистрованных), таким образом образуют самостоятельную группу кредиторов – «послепослеочередных».

Кроме того, следует указать, что при переходе от одной процедуры к другой правовой режим отдельных внеочередных кредиторов (текущих платежей) может претерпевать изменение. Так, в период внешнего управления мораторий на удовлетворение требований кредиторов распространяется на требования кредиторов о возмещении убытков, связанных с отказом внешнего управляющего от исполнения договоров должника (п. 3 ст. 95).

§ 3. Правовое положение собрания и комитета кредиторов

Исторический анализ конкурсного законодательства свидетельствует, что основными органами конкурсного управления являются собрание (комитет) кредиторов (*коллегиальные органы*) и арбитражный управляющий (*единоличный орган*).

Собрание кредиторов. По общему правилу организация и проведение собрания кредиторов осуществляются арбитражным управляющим. В том случае, если собрание кредиторов не проведено арбитражным управляющим в сроки, установленные Законом о несостоятельности (п. 3 ст. 14), собрание кредиторов может быть проведено лицами, требующими его созыва.

Собрание кредиторов проводится по месту нахождения должника или органов управления должника, если иное не установлено собранием кредиторов. При невозможности проведения собрания кредиторов по месту нахождения должника или органов управления должника место проведения собрания кредиторов определяется арбитражным управляющим.

Участниками собрания кредиторов с правом голоса являются только конкурсные кредиторы и уполномоченные органы. Конкурсный кредитор и уполномоченный орган обладают на собрании кредиторов числом голосов, пропорциональным размеру их требований к общей сумме требований по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, включенных в реестр требований кредиторов на дату проведения собра-

ния кредиторов. При этом в расчет не принимаются подлежащие применению за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства неустойки (штрафы, пени), проценты за просрочку платежа, убытки, подлежащие возмещению за неисполнение обязательства, а также иные имущественные и (или) финансовые санкции, в том числе за неисполнение обязанности по уплате обязательных платежей.

В собрании кредиторов вправе участвовать, но без права голоса представитель работников должника, учредителей (участников) должника, собственника имущества должника – унитарного предприятия. Участие представителей в собрании кредиторов заключается не только в возможности присутствия на собрании и ознакомления с документами, но и в возможности выступать по вопросам повестки собрания кредиторов.

Закон о несостоятельности устанавливает исключительную компетенцию собрания кредиторов (п. 2 ст. 12). Вопросы, относящиеся к исключительной компетенции собрания, не могут быть переданы для решения иным лицам или органам (например, комитету кредиторов или арбитражному управляющему).

Собрание кредиторов правомочно в случае, если на нем присутствовали конкурсные кредиторы и уполномоченные органы, включенные в реестр требований кредиторов и обладающие более чем половиной голосов от общего числа голосов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, включенных в реестр требований кредиторов. Повторно созванное собрание кредиторов правомочно в случае, если на нем присутствовали конкурсные кредиторы и уполномоченные органы, обладающие более чем тридцатью процентами голосов от общего числа голосов. Безусловно, установление требований к кворуму повторного собрания может сделать невозможным созыв собрания кредиторов. Поэтому следует поддержать высказываемые в литературе предложения о необходимости отмены данной нормы: повторное собрание должно быть правомочным, только при условии надлежащего извещения всех кредиторов¹. Между тем весьма спорными являются законодательные предложения по поводу возможности обжалования результатов собрания. По мнению М.В. Телюкиной, следует закрепить такое право только тем кредиторами, которые обладали количеством голосов, способных повлиять на результаты собрания². Думается, что такое предложение идет в разрез с ранее сделанными предложениями М.В. Телюкиной о необходимости защиты прав мелких кредиторов. Кроме того, такая постановка вопроса не учитывает прав средних кредиторов, которые могли бы вкупе с мелкими кредиторами набрать необходимое число голосов. Думается, что в этом случае нарушается кон-

¹ См.: Телюкина М.В. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)». М., 2003. С. 49.

² Там же. С. 49.

ституционный принцип равенства всех перед законом, необоснованно ограничивается право кредиторов на судебную защиту.

Протокол собрания кредиторов составляется в двух экземплярах, один из которых направляется в арбитражный суд не позднее чем через пять дней с даты проведения собрания кредиторов. В том случае, когда проведения собрания кредиторов проводилось не арбитражным управляющим, протокол собрания кредиторов составляется в трех экземплярах, первый из которых направляется в арбитражный суд, второй – арбитражному управляющему не позднее чем через пять дней с даты проведения собрания кредиторов. Третий экземпляр протокола собрания кредиторов хранится у лица, проводившего собрание.

К протоколу собрания кредиторов должны быть приложены копии необходимых документов, названных в абз. 4–9 п. 7 ст. 12 Закона о несостоятельности. При этом арбитражный управляющий обязан обеспечить доступ к копиям указанных документов лицам, участвующим в деле о банкротстве, а также представителю работников, учредителя (участника) должника, а также представителю собственника имущества должника – унитарного предприятия.

Собрание кредиторов созывается по инициативе арбитражного управляющего, комитета кредиторов, конкурсных кредиторов и (или) уполномоченных органов, права требования которых составляют не менее чем десять процентов общей суммы требований кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, включенных в реестр требований кредиторов. Кроме того, собрание кредиторов созывается по требованию одной трети от общего количества конкурсных кредиторов и уполномоченных органов.

Собрание кредиторов по требованию комитета кредиторов, конкурсных кредиторов и (или) уполномоченных органов проводится арбитражным управляющим не позднее чем в течение трех недель с даты получения арбитражным управляющим требования комитета кредиторов, конкурсных кредиторов и (или) уполномоченных органов о проведении собрания кредиторов, если иной срок не установлен Законом о несостоятельности.

Дата, время и место проведения собрания кредиторов не должны препятствовать участию в таком собрании кредиторами или их представителям, а также иным лицам, имеющим право принимать участие в собрании кредиторов (абз. 3 п. 4 ст. 14 Закона о несостоятельности). Целесообразность закрепления данной нормы весьма сомнительна, поскольку содержащееся в ней правило труднореализуемо при большом количестве кредиторов.

Закон о несостоятельности устанавливает два способа голосования в зависимости от того, какое решение принимается. По *общему* правилу

решения собрания кредиторов по вопросам, поставленным на голосование, принимаются большинством голосов от числа голосов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, присутствующих на собрании кредиторов. В *специальных* случаях, прямо предусмотренных Законом о несостоятельности, решение принимается большинством голосов от общего числа голосов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов (п. 2 ст. 15 Закона о несостоятельности), чьи требования включены в реестр требований кредиторов.

Решение собрания кредиторов может быть признано недействительным арбитражным судом. В законе установлен срок для предъявления соответствующих требований (п. 4 ст. 15 Закона о несостоятельности). По мнению М.В. Телюкиной, по своей правовой природе данный срок является *пресекательным*, а поэтому продлению и восстановлению не подлежит¹. Обоснованность данной научной позиции представляется спорной. По нашему мнению, данный срок является сокращенным сроком исковой давности, ведь главным отличием срока давности от пресекательного срока состоит в том, что пресекательный срок – это срок *существования* субъективного права в *ненарушенном* состоянии, тогда как давностный срок – это период, в течение которого допускается принудительное осуществление нарушенного права. Данный вывод согласуется с арбитражной практикой применения Закона о несостоятельности².

Комитет кредиторов. Комитет кредиторов представляет законные интересы конкурсных кредиторов, уполномоченных органов и осуществляет контроль за действиями арбитражного управляющего, а также реализует иные предоставленные собранием кредиторов полномочия. Примерное содержание компетенции комитета кредиторов приведено в п. 3 ст. 17 Закона о несостоятельности. Образование комитета кредиторов обязательно, если количество конкурсных кредиторов и уполномоченных органов составляет более пятидесяти.

Комитет кредиторов избирается собранием кредиторов из числа *физических лиц* по предложению конкурсных кредиторов и уполномоченных органов на период проведения наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления и конкурсного производства. Государственные и муниципальные служащие могут избираться членами комитета кредиторов по предложению уполномоченных органов. По решению собрания кредиторов полномочия комитета кредиторов могут быть прекращены досрочно. Выборы комитета кредиторов осуществляются кумулятивным голосованием (п. 2 ст. 18 Закона о несостоятельности).

¹ См.: Там же. С. 58.

² См. п. 1 Письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 июля 2005 г. № 93 «О некоторых вопросах, связанных с исчислением отдельных сроков по делам о банкротстве (Вестн. ВАС РФ, 2005, № 10).

Количественный состав комитета кредиторов определяется собранием кредиторов, но не может быть менее чем три человека и более чем одиннадцать человек. Члены комитета кредиторов избирают из своего состава председателя комитета кредиторов. При решении вопросов на заседании комитета кредиторов каждый член комитета кредиторов обладает одним голосом. Передача права голоса членом комитета кредиторов иному лицу не допускается. Решения комитета кредиторов принимаются большинством голосов от общего количества членов комитета кредиторов.

Протокол заседания комитета кредиторов подписывается председателем комитета кредиторов, если иное не установлено регламентом работы комитета кредиторов.

Правовая природа собрания и комитета кредиторов. Даже при самом общем приближении к вопросу правового регулирования деятельности собрания и комитета кредиторов, возможна постановка проблемы о допустимости признания за ними качества правосубъектных образований. С одной стороны, ни собрание кредиторов, ни тем более комитет кредиторов не признаются законом самостоятельными участниками гражданских правоотношений, с другой – к исключительной компетенции собрания кредиторов относится избрание его *представителя*, принятие решения о заключении мирового соглашения¹, утверждение и изменение плана внешнего управления, финансового оздоровления и графика погашения задолженности, принятие решения об обращении в арбитражный суд с ходатайством о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства и др. (абз. 12 п. 2 ст. 12 Закона о несостоятельности). Как следует из п. 1 ст. 17 Закона о несостоятельности комитет кредиторов должен *представлять* законные интересы конкурсных кредиторов.

В современной литературе это дало основание сделать вывод о том, что собрание кредиторов есть орган кредиторов, который, не будучи субъектом гражданского права, может быть назван субъектом конкурсного права, поскольку в конкурсных отношениях имеет полномочия, не сводимые к полномочиям отдельных его участников и их совокупности. Данный вывод распространяется и на комитет кредиторов². При этом представительства в гражданско-правовом смысле в отношениях между комитетом и собранием не возникает, поскольку ни тот, ни другой субъектами гражданского права не признаются. Логическим выводом явилось признание рассматриваемых отношений *конкурсным* представительством.

Методологической основой данного вывода служит традиционный для цивилистики подход, признающий в качестве коллективных субъектов

¹ В литературе вопрос о правовой природе мирового соглашения является спорным. Было, в частности, предложено считать мировое соглашение гражданско-правовой сделкой.

² См.: Телюкина М.В. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)». С. 46, 66.

гражданских правоотношений только юридические лица, тогда как все остальные объединения считаются неправосубъектными. Однако данная точка зрения разделяется не всеми учеными. Прежде всего, в теории права признается в качестве коллективных субъектов права не только юридические лица, но и всякое более или менее значительное, устойчивое, постоянное образование, которое характеризуется единством воли и цели, а также определенной внутренней организацией¹. Представителями науки предпринимательского права уже давно отстаивается тезис о признании качества правосубъектности за предпринимательскими объединениями, что в известной степени соответствует западной традиции права².

Даже среди цивилистов данный вопрос решается неоднозначно. В частности, О.А. Красавчиков выделял три *основных* модели гражданской правосубъектности: *общую, специальную, универсальную*. При этом каждая из них имеет свои модификации. Под *модификацией* правосубъектной юридической формы было предложено понимать частную разновидность модели данной формы, построенной на базе основной с «внесением» специфических (позитивных или негативных) компонентов. Под *производной* правосубъектностью понималась такая юридическая форма, которая также базируется на основной, но включает в себе некоторые качественные отличия от последней, не образуя в то же время какого-то нового самостоятельного типа правосубъектности (например, основная модель – гражданская правосубъектность граждан, производная – правосубъектность различных социально-семейных образований). Под *превращенной* правосубъектностью понималась такая из рассматриваемых юридических форм, которая не имеет в качестве отправной ни одну из основных форм, но «подтягивается» (приравнивается с теми или другими ограничениями либо дополнениями) к известной основной или ее модификации (например, правосубъектность иностранцев и лиц без гражданства является превращенной формой правосубъектности, «подтягиваемой» до уровня правосубъектности граждан данной страны)³.

Собрание и комитет кредиторов не будучи юридическими лицами, тем не менее не могут просто рассматриваться как «юридическая совокупность» лиц, координирующих свои действия в период проведения конкурсного производства. Особенность отношений кредиторов в деле о несостоятельности обуславливается тем, что кредиторы, вступившие в

¹ См.: Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С. 484 (автор главы – Н.И. Матузов).

² См.: Шиткина И.С. Предпринимательские объединения : учеб.-практ. пособие. М., 2001. С. 17–26.

³ Подробнее см.: Красавчиков О.А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Межвузовский сб. науч. тр. / отв. ред. О.А. Красавчиков. Свердловск, 1978. Вып. 62: Правовые проблемы гражданской правосубъектности. С. 20–26.

конкурс, сливаются в одно целое. Поскольку реализация имущества должника должна иметь место в интересах всех кредиторов, предъявивших свои требования, то все они должны действовать сообща, а не отдельно. Как уже отмечалось, конкурсные кредиторы и уполномоченные органы, не утрачивая своей юридической индивидуальности, сообща принимают некоторые правовые возможности и обременения, что юридически отражает их связь между собой и третьими лицами. Однако особенности функционирования таких образований не могли бы иметь места, если бы закон не установил определенных правовых форм такого рода деятельности и не наделил собрание и комитет кредиторов элементами гражданской (а равно процессуальной) правосубъектности. Иными словами, коллегиальные органы конкурсного управления, не являясь юридическим лицом, тем не менее обладают некоторыми чертами правосубъектного единства. Таким образом, на базе основной модели правосубъектности (в данном случае общей и специальной правосубъектности кредиторов и уполномоченных органов) строится *производная* (по терминологии О.А. Красавчикова) правосубъектная юридическая форма.

Указанного достаточно, чтобы сделать вывод о том, что современная цивилистическая доктрина не избалована фундаментальным теоретическим анализом правового положения органов конкурсного управления.

§ 4. Понятие и виды арбитражного управления в российском праве

Понятие арбитражного управления: легальный и доктринальный подходы. Термин «арбитражное управление» используется в российском законодательстве. Однако нельзя признать, что его употребление в нормативных правовых актах является сколько-нибудь стабильным, устойчивым, постоянным. Напротив, анализ российского законодательства свидетельствует о том, что его применение носит случайный и не устоявшийся характер: термин если и используется, то крайне редко и в контексте, лишь косвенно связанном с осуществлением деятельности арбитражного управляющего. Так, в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон о банкротстве) арбитражное управление упоминается всего один раз при определении объема полномочий саморегулируемых организаций арбитражных управляющих. В частности им предоставлено право «участвовать в обсуждении проектов федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, проектов законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации,

¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

нормативных правовых актов органов местного самоуправления, государственных программ по вопросам, связанным с *арбитражным управлением*, а также направлять в органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления заключения о результатах проводимых ею независимых экспертиз проектов указанных нормативных правовых актов» (абз. 4 п. 1 ст. 22). В другом федеральном законе¹ доходы от *арбитражного управления* признаны объектом налога на профессиональный доход как специального налогового режима, введенного в качестве эксперимента на территории нескольких субъектов Российской Федерации (подп. 12 п. 2 ст. 6). Кроме того, термин «арбитражное управление» упоминается в названии третьей части Единой программы подготовки арбитражных управляющих² – «Экономическое обеспечение арбитражного управления и деятельности арбитражных управляющих». Из этого названия, кстати, следует, что «арбитражное управление» и «деятельность арбитражных управляющих» – суть не одно и то же. Кроме того, следует отметить, что правоприменительные органы также время от времени оперируют термином «арбитражное управление»³, однако и в этих редких случаях употребление не носит устойчивого характера.

В научной юридической литературе термин «арбитражное управление» используется более активно. Так, по соответствующему вопросу были защищены несколько диссертационных работ: «Правовые проблемы арбитражного управления» (Тай, 2005)⁴, «Гражданско-правовые аспекты арбитражного управления» (Мищенко, 2006)⁵, «Правовые требования к осуществлению арбитражного управления по российскому законодательству» (Русанов, 2008)⁶, имеется ряд монографий, опубликованы научные статьи.

¹ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан) : федер. закон от 27 нояб. 2018 г. № 422-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (ч. 1). Ст. 7494.

² Об утверждении Единой программы подготовки арбитражных управляющих : приказ Минэкономразвития РФ от 10 дек. 2009 г. № 517 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 12.

³ См., например: Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением главы 23 Налогового кодекса Российской Федерации : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 окт. 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

⁴ Тай Ю.В. Правовые проблемы арбитражного управления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2005. 32 с.

⁵ Мищенко Д.И. Гражданско-правовые аспекты арбитражного управления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Современная гуманитарная академия. М., 2006. 24 с.

⁶ Русанов М.С. Правовые требования к осуществлению арбитражного управления по российскому законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Рос. гос. гуманитар. ун-т. М., 2008. 30 с.

Анализ цивилистической литературы позволяет обозначить два основных подхода к определению понятия «арбитражное управление» – в широком и в узком смысле. При этом чаще всего исследователи определяют данное понятие в последнем значении (узком смысле).

Арбитражное управление в *широком смысле* в самом общем виде может быть определено как специфический вид деятельности, который заключается в управлении несостоятельным должником и (или) его имуществом при осуществлении процедур банкротства, а также в иных случаях, предусмотренных законодательством. Таким образом субъектами арбитражного управления могут быть признаны не только арбитражные управляющие, но и собрание кредиторов, комитет кредиторов, собрание работников (бывших работников) должника, собрание участников строительства (в случае банкротства застройщиков), представитель работников должника, представитель учредителей (участников) должника, представитель собственника имущества должника – унитарного предприятия, Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов» (далее – ГК АСВ) (в случае банкротства отдельных финансовых организаций). Очевидно, что степень влияния каждого из указанных субъектов на принятие тех или иных решений управленческого характера различна. Между тем все они в той или иной степени (непосредственно или номинально) вовлечены в процесс управления деятельностью несостоятельного должника или определения судьбы его имущества. В современный период широкую концепцию управления арбитражного управления отстаивает Ю.С. Харитонова. По ее мнению, при банкротстве «функции управления выполняют арбитражный управляющий... совет кредиторов как организованная группа, принимающая обязательные для других участников решения, а также иные лица»¹. Традиция широкого определения арбитражного управления восходит к работам Е.А. Васильева, который еще в советский период, рассматривая иностранное законодательство о банкротстве, выделял так называемые «*органы конкурсного управления*». К таковым, по его мнению, на основании анализа норм законодательства зарубежных государств следовало бы относить: 1) должностных лиц конкурсного производства (конкурсного управляющего, куратора, администратора и др.); 2) комитет или комиссию кредиторов; 3) общее собрание кредиторов; 4) комитет работников предприятия². Заметим, что дореволюционное российское законодательство о банкротстве предусматривало учреждение постоянно действующего, выборного, коллегиального органа, на который возлагалось осуществление задач конкурсного производства, – *конкурсного управления*

¹ Харитонова Ю.С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. М. : Норма : Инфра-М, 2013. С. 79–80.

² Васильев Е.А. Правовое регулирование конкурсного производства в капиталистических странах : учеб. пособие / Моск. гос. ин-т междунар. отношений. М., 1989. С. 55.

(которое также именовалось в законодательстве того периода *конкурсом*) (с. 452, 461 Устава судопроизводства торгового¹). По сути, конкурсное управление в дореволюционном праве является прототипом такого современного гражданско-правового сообщества как комитет кредиторов только с более широкими полномочиями.

Определение арбитражного управления в *узком смысле* по сути сводится к деятельности арбитражного управляющего. Соответственно, при таком истолковании единственным субъектом арбитражного управления может считаться только арбитражный управляющий или иное лицо, на которое в соответствии с законом возложено выполнение соответствующих функций арбитражного управляющего. Такой вывод можно сделать из анализа следующих дефиниций арбитражного управления, предложенных в цивилистической доктрине:

– «осуществление на возмездной основе специальным субъектом в порядке, установленном действующим законодательством о несостоятельности (банкротстве), ограниченных правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом должника, а также иных юридических и фактических действий в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов за счет имущества должника»²;

– «профессиональная, направленная на достижение баланса интересов кредиторов, должника и общества деятельность арбитражного управляющего по проведению процедур несостоятельности (банкротства), в которых осуществляется управление деятельностью должника путем реализации арбитражным управляющим закрепленных в законодательстве о несостоятельности (банкротстве) прав и исполнения обязанностей»³;

– «арбитражное управление представляет собой профессиональную деятельность в рамках управления системой банкротства, необходимую прежде всего для координации всех элементов системы банкротства в целях максимального удовлетворения требований кредиторов за счет имущества должника»⁴.

В качестве основных признаков арбитражного управления в узком смысле в литературе чаще всего называются следующие: реализация деятельности на профессиональной основе, возмездность осуществления, непредпринимательский характер деятельности, по форме проведения – частная практика, обязательное личное участие в ее осуществлении (пол-

¹ Устав судопроизводства торгового. С разъяснениями / сост. А.А. Добровольский. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1905. 374 с.

² Мищенко Д.И. Гражданско-правовые аспекты арбитражного управления. С. 9.

³ Русанов М.С. Правовые требования к осуществлению арбитражного управления по российскому законодательству. С. 9.

⁴ Дорохина Е.Г. Арбитражное управление в системе банкротства. М. : Новый индекс, 2008. 208 с.

номочия арбитражного управляющего не могут быть переданы другим лицам), необходимость утверждения арбитражным судом, срочный характер осуществления. Представляется, что перечень может быть дополнен указанием на экономический характер деятельности арбитражного управляющего, что обуславливает соответствующий набор признаков – самостоятельность, рисковый характер деятельности, получение дохода. Кроме того, еще одной обобщающей характеристикой арбитражного управления является признание его разновидностью профессионально-практической деятельности¹.

В отличие от юридической науки, в которой преимущественно используется термин «арбитражное управление», в специальной экономической литературе широко применяется иной термин – «*антикризисное управление*». С 1997 г. в высших учебных заведениях России даже велась подготовка экономистов-менеджеров по специальности 351000 «Антикризисное управление»². Ныне такого направления подготовки в системе высшего образования нет. Представляется, что названные понятия отнюдь не равнозначны по объему, кругу действий, составляющих их содержание, а также кругу субъектов, осуществляющих указанные виды деятельности. Сущностью антикризисного управления является разработка и реализация наиболее рационального и в чем-то новаторского варианта выхода несостоятельного должника из кризисного состояния, в том числе из состояния банкротства. Представляется, что именно наличие кризиса – единственный фактор применения специальных мер управленческого воздействия, суть которых и составляет антикризисное управление. Тогда как арбитражное управление представляет собой деятельность арбитражного управляющего или иных лиц по осуществлению полномочий, установленных законодательством, которые, в частности, могут выражаться как в реализации восстановительных, так и ликвидационных мероприятий. Поэтому отождествлять эти понятия, так же неверно, как и рассматривать их изолированно вне связи друг с другом. Между тем иногда в литературе не делается каких-либо различий между указанными понятиями, что, на наш взгляд, является недопустимым.

Виды арбитражного управления. В философской литературе указывается, что делением называется раскрытие объема какого-либо понятия, которое производится путем перечисления всех видов (т.е. меньших по объему понятий), входящих в состав делимого понятия. Главными тре-

¹ Пахаруков А.А. Правовое регулирование конкурсного производства юридических лиц (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2003. С. 24.

² Об утверждении государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования : приказ Министерства образования РФ от 2 марта 2000 г. № 686 // Бюллетень Министерства образования РФ. 2000. № 8.

бованиями деления являются его полнота (все члены деления должны быть перечислены) и чистота (члены деления не являются пересекающимися понятиями). Классификация является особым случаем применения логической операции деления объема понятия, представляющий собой некоторую совокупность делений (деление некоторого класса на виды, деление этих видов и т.д.). Классификация по существенным признакам называется типологией; она основана на понятии типа как единицы расчленения изучаемой реальности¹. Для целей упорядочения накопленных знаний об арбитражном управлении (в узком смысле) произведем деление данного понятия по нескольким основаниям на основе анализа российского законодательства о банкротстве.

1. В зависимости *от субъекта, осуществляющего арбитражное управление*, можно выделить:

- арбитражное управление, осуществляемое физическим лицом (арбитражным управляющим или иными физическими лицами);
- арбитражное управление, осуществляемое юридическим лицом (ГК АСВ).

Приведенная классификация требует пояснений. Во-первых, как известно, по общему правилу арбитражным управляющим может быть гражданин Российской Федерации, являющийся членом саморегулируемой организации арбитражных управляющих (далее – СРО АУ). Это непосредственно указано в легальной дефиниции арбитражного управляющего, содержащейся в ст. 2 Закона о банкротстве. Между тем в случаях, прямо предусмотренных законом, функции арбитражного управления могут выполнять иные лица. Согласно п. 2 ст. 220 Закона о банкротстве внешним управляющим крестьянского (фермерского) хозяйства может быть утверждено *лицо, не соответствующее требованиям, предъявляемым к арбитражным управляющим*. В.Н. Ткачев, анализируя соответствующую норму, приходит к выводу о том, что «поскольку не уточняется, каким именно из этих требований может не соответствовать управляющий имуществом крестьянского (фермерского) хозяйства, можно прийти к выводу, в соответствии с которым для такого управляющего не обязательны абсолютно любые требования»². Однако данная норма прямо противоречит легальному определению арбитражного управляющего, который должен быть членом СРО АУ. Безусловно, это оправдывается тем обстоятельством, что в отдаленных сельскохозяйственных районах достаточно трудно найти лицо, соответствующее высоким профессиональным

¹ Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Республика, 2001. С. 247.

² Ткачев В.Н. Несостоятельность (банкротство) особых категорий субъектов конкурсного права: теоретические и практические проблемы правового регулирования. М. : Волтерс Клувер, 2007. С. 110.

требованиям, предъявляемым к арбитражному управляющему. Представляется, что с мнением В.Н. Ткачева в полной мере согласиться нельзя. Утвердить в качестве внешнего управляющего лицо, которое не соответствует абсолютно всем требованиям, – значит поставить под сомнение эффективность проведения процедуры внешнего управления, полностью девальвируя принцип профессионализма арбитражного управления. Между тем внешнее управление считается наиболее сложной из всех процедур банкротства, если судить из размера денежного вознаграждения, которое полагается по Закону о банкротстве внешнему управляющему по сравнению со всеми другими видами управляющих (п. 3 ст. 20.6). Думается, что суд, например, никогда не назначит в этом случае ранее судимого за совершение умышленного преступления иностранного гражданина, не имеющего каких-либо специальных познаний в сфере экономики, права или сельского хозяйства, но постоянно проживающего в соответствующем отдаленном регионе.

Во-вторых, по ранее действовавшему российскому законодательству круг лиц, которые могли не соответствовать требованиям, предъявляемым к арбитражным управляющим, но при этом могли быть назначены в деле о банкротстве соответствующим управляющим, был значительно шире. Так, Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон о банкротстве 1998 г.) к такой группе физических лиц относил:

– председателя ликвидационной комиссии (ликвидатора) (п. 1 ст. 175);

– сотрудника государственного органа по делам о банкротстве и финансовому оздоровлению (п. 4 ст. 185).

В-третьих, в юридической доктрине ставится вопрос о возможности расширения круга лиц, не отвечающих требованиям, предъявляемым к арбитражным управляющим, но имеющих право быть назначенными в деле о банкротстве. Прежде всего это касается случаев банкротства гражданина. Однако по мнению С.А. Карелиной и И.В. Фролова, все предложения об альтернативном утверждении управляющими лиц, не обладающих статусом арбитражного управляющего, и (или) проведение процедуры банкротства гражданина без утверждения финансового управляющего в настоящий момент носят исключительно теоретический характер и в силу требований действующего российского законодательства не могут рассматриваться как допустимые, законные и обоснованные².

¹ Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 222 (утратил силу).

² Карелина С.А., Фролов И.В. Возможно ли банкротство гражданина без финансового управляющего? // Судья. 2016. № 7. С. 15.

В-четвертых, Закон о банкротстве не предусматривает возможность назначения одновременно нескольких арбитражных управляющих в отношении одного несостоятельного должника (*соуправляющих*) или *заместителя арбитражного управляющего* (в случае временной нетрудоспособности). Напротив, действующее законодательство последовательно проводит принцип единоначалия при осуществлении арбитражного управления. Между тем фигура соуправляющего и заместителя арбитражного управляющего была известна Закону о банкротстве 1998 г. В соответствии с п. 2 ст. 99 по ходатайству конкурсного управляющего, одобренному собранием кредиторов или комитетом кредиторов, арбитражным судом могло быть назначено несколько конкурсных управляющих. При этом арбитражный суд должен был распределить обязанности между конкурсными управляющими в зависимости от сложности выполняемых задач, характера и размера имущества должника, а также должен был определить пределы ответственности каждого из них. На основании п. 3 ст. 59 Закона о банкротстве 1998 г. в случае временной неспособности временного управляющего исполнять возложенные на него обязанности арбитражный суд вправе был назначить заместителя временного управляющего. Кроме того, к полномочиям комитета кредиторов Закон о банкротстве 1998 г., в частности, относил право принимать решение о представлении арбитражному суду кандидатуры заместителя внешнего управляющего (абз. 5 ч. 1 ст. 81). Как следовало из закона заместитель мог быть назначен только арбитражным судом, с соблюдением всех требований к кандидатуре и порядку ее выдвижения.

В-пятых, идея о необходимости передачи в отдельных случаях управления имуществом должника-банкрота юридическому лицу, профессионально занимающимся антикризисным управлением, обсуждается в юридическом сообществе много лет. Большинство российских исследователей института банкротства высказались положительно относительно данного предложения. Между тем Закон о банкротстве предусматривает только единственный случай, когда арбитражное управление может быть осуществляться юридическим лицом. Очевидно, что подобного рода ситуации привлечения юридических лиц должны быть законодательно расширены, прежде всего, когда речь идет о банкротстве стратегических предприятий и организаций, а также градообразующих организаций. В случаях и в порядке, которые предусмотрены Законом о банкротстве, ГК АСВ исполняет полномочия конкурсного управляющего при банкротстве финансовых организаций (п. 5 ст. 180 Закона о банкротстве). Данное обстоятельство, в отличие от случая с крестьянским (фермерским) хозяйством, нашло отражение в легальной дефиниции конкурсного управляющего, под которым, как известно, понимается либо арбитражный управляющий, либо ГК АСВ. Но это создает другую неточность. Строго следуя легальным

дефинициям арбитражного и конкурсного управляющих, следует констатировать, что ГК АСВ, являясь конкурсным управляющим, арбитражным не признается. Что, конечно, создает сложности для ГК АСВ в применении общих норм конкурсного законодательства, в которых речь идет об арбитражном управляющем (например, о правах, обязанностях, ответственности арбитражного управляющего). Судебная практика подтверждает неоднозначность применения соответствующих норм¹.

Кроме того, следует акцентировать внимание на неоднозначный подход законодателя по вопросу наделения ГК АСВ полномочиями конкурсного управляющего. Закон о банкротстве и в легальной дефиниции конкурсного управляющего (ст. 2) и в других своих нормах (п. 5 ст. 180, п. 2, 3 ст. 189.68) последовательно исходит из того, что ГК АСВ является именно конкурсным управляющим, тогда как Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»² исходит из того, что ГК АСВ в соответствии с Федеральным законом от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»³ и Законом о банкротстве только *осуществляет функции конкурсного управляющего (ликвидатора)* при банкротстве кредитных организаций (п. 4 ст. 15).

2. В зависимости от сферы осуществления арбитражного управления можно выделить следующие его виды:

- арбитражное управление, осуществляемое в ходе производства по делу о банкротстве;
- арбитражное управление, осуществляемое арбитражным управляющим, назначенным судом для осуществления реорганизации юридического лица [п. 2 ст. 57 Гражданского кодекса Российской Федерации⁴ (далее – ГК РФ)];
- арбитражное управление, осуществляемое арбитражным управляющим, назначенным судом для ликвидации юридического лица (п. 5 ст. 61, п. 5 ст. 62 ГК РФ);

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 8 июля 2016 г. № Ф05-9152/2016 по делу № А40-173605/2015. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 июня 2016 г. № Ф05-8468/2016 по делу № А40-158613/2015. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 8 сентября 2014 г. № Ф05-9719/2014 по делу № А40-226/2014. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

² Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 52 (ч. 1). Ст. 5029.

³ Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

– арбитражное управление, осуществляемое арбитражным управляющим, назначенным судом для проведения процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица (п. 5.2 ст. 64 ГК РФ).

В первом случае арбитражное управление могут осуществлять, как уже отмечалось, арбитражные управляющие, иные физические лица, а также ГК АСВ. Правовое положение арбитражного управляющего существенно различается в зависимости от проводимой им процедуры банкротства, поэтому Закон о банкротстве выделяет пять видов арбитражного управляющего – временного, административного, внешнего, конкурсного и финансового. Ожидается появление также антикризисного управляющего, который, как предполагается из проекта Федерального закона № 239932-7¹, будет осуществлять процедуру реструктуризации долгов юридического лица.

В трех последующих случаях арбитражное управление может осуществлять исключительно арбитражный управляющий, которого предложено именовать в литературе «арбитражным управляющим юридическим лицом»².

И.В. Фролов обосновал выделение трех *типов* арбитражного управления. В основе выдвинутой им типологии были положены сходные основания рассматриваемой классификации. А именно были разграничены следующие типы арбитражного управления: 1) арбитражное управление в процедурах банкротства, осуществляемое гражданами, обладающими статусом арбитражного управляющего; 2) единое корпоративное арбитражное управление, осуществляемое ГК АСВ; 3) арбитражное управление юридическим лицом, не обладающим признаками банкротства³. Прокомментировать данное суждение можно следующим образом. Во-первых, нетрудно заметить, что в предложенной типологии использованы одновременно два основания деления – субъект арбитражного управления и сфера осуществления арбитражного управления. Во-вторых, отнесение выделенных таким образом групп (разрядов) арбитражного управления к типам – не совсем удачный подход. Один и тот же арбитражный управляющий может, осуществляя процедуры банкротства, одновременно быть назначенным и для проведения принудительной реорганизации и ликви-

¹ Паспорт проекта Федерального закона № 239932-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части процедуры реструктуризации долгов в делах о банкротстве юридических лиц»: внесен Правительством РФ. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

² Богданов Е.В. Правовое положение арбитражного управляющего юридическим лицом // Гражданское право. 2015. № 1. С. 27.

³ Несостоятельность (банкротство) : учеб. курс : в 2 т. / под ред. С.А. Карелиной. М. : Статут, 2019. Т. 1. С. 341–349

дации, а также для проведения процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица. В этом случае придется признать факт наложения одного типа на другой, выражающееся в том, что один и тот же субъект будет воплощать в своей деятельности разные типы арбитражного управления. В-третьих, предложенная типология не учитывает возможность осуществление арбитражного управления физическим лицом, не имеющим статуса арбитражного управляющего. В-четвертых, наименование арбитражного управления, осуществляемого ГК АСВ, корпоративным следует рассматривать не более как фигурой речи, поскольку, как известно, ГК АСВ не относится к числу корпоративных юридических лиц (п. 1 ст. 65.1 ГК РФ). Используемое законодателем название организационно-правовой формы – государственная корпорация – крайне не удачно.

3. В зависимости от *цели арбитражного управления* следует разграничивать:

– арбитражное управление, целью которого является осуществление ликвидационных процедур банкротства или иных мероприятий, связанных с прекращением юридического лица (конкурсный управляющий, ГК АСВ, арбитражный управляющий юридическим лицом, финансовый управляющий, назначенный в процедуре реализации имущества гражданина);

– арбитражное управление, целью которого является осуществление восстановительных процедур банкротства (временный управляющий, административный управляющий, внешний управляющий и финансовый управляющий, назначенный в процедуре реструктуризации долгов гражданина).

В основе данной классификации использованы выводы и предложения К.Б. Кораева, который, правда, по иным основаниям произвел похожее деление арбитражных управляющих на виды¹. С его точки зрения, институт несостоятельности (или по его терминологии – «институт неплатежеспособности») следует подразделять на два субинститута – конкурсного права и финансового оздоровления, в зависимости от того субъектом какого субинститута арбитражный управляющий является он выделил два вида арбитражных управляющих.

Исследование вопроса о понятии и видах арбитражного управления в юридической доктрине должно быть продолжено. Перспективным видится разработка деятельностного подхода к анализу данного феномена, в соответствии с которым могут быть выделены следующие направления: цель арбитражного управления, правовые средства осуществления арбитражного управления, результат арбитражного управления.

¹ Кораев К.Б. Неплатежеспособность: новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства). М. : Проспект, 2017. С. 176.

Учебно-методические материалы

Основные термины

Должник – гражданин, в том числе индивидуальный предприниматель, или юридическое лицо, оказавшиеся неспособными удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей в течение срока, установленного Законом о банкротстве.

Руководитель должника – единоличный исполнительный орган юридического лица или руководитель коллегиального исполнительного органа, а также иное лицо, осуществляющее в соответствии с федеральным законом деятельность от имени юридического лица без доверенности.

Кредиторы – лица, имеющие по отношению к должнику права требования по денежным обязательствам и иным обязательствам, об уплате обязательных платежей, о выплате выходных пособий и об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору.

Конкурсные кредиторы – кредиторы по денежным обязательствам (за исключением уполномоченных органов, граждан, перед которыми должник несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, имеет обязательства по выплате компенсации сверх возмещения вреда, предусмотренной Градостроительным кодексом Российской Федерации (компенсации сверх возмещения вреда, причиненного в результате разрушения, повреждения объекта капитального строительства, нарушения требований безопасности при строительстве объекта капитального строительства, требований к обеспечению безопасной эксплуатации здания, сооружения), вознаграждения авторам результатов интеллектуальной деятельности, а также учредителей (участников) должника по обязательствам, вытекающим из такого участия).

Уполномоченные органы – федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством Российской Федерации на представление в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве, требований об уплате обязательных платежей и требований Российской Федерации по денежным обязательствам (Федеральная налоговая служба), а также органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, уполномоченные представлять в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве, требования по денежным обязательствам соответственно субъектов Российской Федерации, муниципальных образований.

Орган по контролю (надзору) – федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством Российской Федерации на осуществление функций по контролю (надзору) за деятельностью саморе-

гулируемых организаций арбитражных управляющих [Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр)].

Регулирующий орган – федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством Российской Федерации на осуществление функций по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере несостоятельности (банкротства) и финансового оздоровления [Министерство экономического развития Российской Федерации (Минэкономразвития России)].

Представитель учредителей (участников) должника – председатель совета директоров (наблюдательного совета) или иного аналогичного коллегиального органа управления должника, либо лицо, избранное советом директоров (наблюдательным советом) или иным аналогичным коллегиальным органом управления должника, либо лицо, избранное учредителями (участниками) должника для представления их законных интересов при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве.

Представитель собственника имущества должника – унитарного предприятия – лицо, уполномоченное собственником имущества должника – унитарного предприятия на представление его законных интересов при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве.

Представитель комитета кредиторов – лицо, уполномоченное комитетом кредиторов участвовать в арбитражном процессе по делу о банкротстве должника от имени комитета кредиторов.

Представитель собрания кредиторов – лицо, уполномоченное собранием кредиторов участвовать в арбитражном процессе по делу о банкротстве должника от имени собрания кредиторов.

Представитель работников должника – лицо, уполномоченное работниками, бывшими работниками должника представлять их законные интересы при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве.

Арбитражный управляющий – гражданин Российской Федерации, являющийся членом саморегулируемой организации арбитражных управляющих.

Временный управляющий – арбитражный управляющий, утвержденный арбитражным судом для проведения наблюдения в соответствии с Законом о банкротстве.

Административный управляющий – арбитражный управляющий, утвержденный арбитражным судом для проведения финансового оздоровления в соответствии с Законом о банкротстве.

Внешний управляющий – арбитражный управляющий, утвержденный арбитражным судом для проведения внешнего управления и осуществления иных установленных Законом о банкротстве полномочий.

Конкурсный управляющий – арбитражный управляющий, утвержденный арбитражным судом для проведения конкурсного производства

и осуществления иных установленных Законом о банкротстве полномочий, или государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов», осуществляющая указанные полномочия в случаях, установленных Законом о банкротстве.

Финансовый управляющий – арбитражный управляющий, утвержденный арбитражным судом для участия в деле о банкротстве гражданина.

Саморегулируемая организация арбитражных управляющих – некоммерческая организация, которая основана на членстве, создана гражданами Российской Федерации, сведения о которой включены в единый государственный реестр саморегулируемых организаций арбитражных управляющих и целями деятельности которой являются регулирование и обеспечение деятельности арбитражных управляющих.

Национальное объединение саморегулируемых организаций арбитражных управляющих – некоммерческая организация, которая основана на членстве, создана саморегулируемыми организациями, объединяет в своем составе более чем пятьдесят процентов всех саморегулируемых организаций, сведения о которых включены в единый государственный реестр саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, и целью деятельности которой является формирование согласованной позиции арбитражных управляющих по вопросам регулирования осуществляемой ими деятельности.

Федеральные стандарты – федеральные стандарты профессиональной деятельности арбитражных управляющих и федеральные стандарты деятельности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, разработанные национальным объединением саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, утвержденные регулирующим органом в соответствии с Законом о банкротстве и являющиеся обязательными для исполнения арбитражными управляющими и саморегулируемыми организациями арбитражных управляющих.

Контрольные вопросы

1. Каков состав лиц, участвующих в деле о банкротстве?
2. Кто может быть признан банкротом?
3. Кто обладает правом обращения в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом?
4. При каких условиях должник может реализовать свое право на обращение в арбитражный суд?
5. Каким требованиям должно соответствовать заявление должника?
6. При каких обстоятельствах обращение с заявлением становится для должника обязанностью?

7. Какова ответственность руководителя должника или индивидуального предпринимателя, не выполнивших обязанность по обращению в арбитражный суд с заявлением о банкротстве должника?
8. Какие кредиторы называются конкурсными?
9. Каким требованиям должно соответствовать заявление кредитора?
10. Собрание кредиторов: правовой статус, организация и проведение, порядок принятия решений.
11. Каково соотношение компетенции собрания и комитета кредиторов?
12. Каковы требования, предъявляемые к кандидатуре арбитражного управляющего?
13. Каковы права, обязанности и ответственность арбитражного управляющего?
14. Каков правовой статус саморегулируемых организаций арбитражных управляющих?
15. Какова роль арбитражного суда в делах о несостоятельности?
16. Государство как участник процесса несостоятельности (банкротства).
17. Как быть в ситуации, когда признакам банкротства будет отвечать образование, которое по тем или иным причинам не имеет статуса юридического лица?
18. Каково, на ваш взгляд, соотношение ситуации предвидения банкротства и фиктивного банкротства?
19. Кем и в каком порядке осуществляется проверка обоснованности требований заявителя?
20. Какие определения арбитражного суда подлежат обжалованию?
21. Каков статус представителя работников должника в процессе несостоятельности?
22. Каков характер деятельности арбитражного управляющего?
23. Каковы цели и задачи деятельности арбитражного управляющего?
24. Каковы особенности правового регулирования арбитражного управления по отношению к другим видам управленческой деятельности?
25. Общая характеристика и особенности текущих платежей по денежным обязательствам в деле о банкротстве.
26. Административная ответственность арбитражных управляющих за неисполнение обязанностей, установленных законодательством о банкротстве.
27. Особенности залоговых правоотношений в рамках банкротства.
28. Каковы основания и порядок отстранения органов управления должника в рамках конкурсного производства?

Литература для углубленного изучения

1. *Кораев К.Б.* Правовое положение неплатежеспособного должника / К.Б. Кораев. – М. : Проспект, 2016. – 192 с.
2. *Пирогова Е.С.* Ограничение правоспособности и дееспособности юридических лиц – должников в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) / Е.С. Пирогова, А.Я. Курбатов. – Саратов : КУБиК, 2012. – 128 с.
3. *Эрлих М.Е.* Конфликт интересов в процессе несостоятельности (банкротства): правовые средства разрешения / М.Е. Эрлих. – М. : Проспект, 2014. – 192 с.
4. *Алоян А.Э.* Проблемы имплементации доктрины recharacterization в российскую правовую систему / А.Э. Алоян // Вестник гражданского права. – 2017. – № 6. – С. 221–240.
5. *Бевзенко Р.С.* Оправданность приоритета, предоставляемого кредитору вещным обеспечением: Очерк догмы, теории и политики права / Р.С. Бевзенко // Вестник гражданского права. – 2017. – № 4. – С. 10–44.
6. *Высоцких С.С.* Зависимость арбитражного управляющего от решений собрания кредиторов / С.С. Высоцких // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2018. – № 3. – С. 75–80.
7. *Телюкина М.* Проблемы толкования практики Верховного Суда РФ относительно статуса кредиторов в части требований по текущим активам при банкротстве / М. Телюкина // Хозяйство и право. – 2018. – № 12. – С. 8–15.
8. *Чичакян Р.А.* Защита прав инвесторов в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) некредитных финансовых организаций: сравнительно-правовой очерк / Р.А. Чичакян, И.И. Зикун // Вестник гражданского права. – 2018. – № 6. – С. 239–274.
9. *Широкова Е.В.* Изменение нормативно установленной иерархии требований кредиторов в деле о банкротстве: зарубежный опыт и перспективы отечественного регулирования / Е.В. Широкова // Закон. – 2019. – № 3. – С. 174–191.

ГЛАВА 4. МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

§ 1. Реализация принципа соразмерности в правовом регулировании отношений несостоятельности

Постановка проблемы. Оценивая правовое качество законодательства о банкротстве, следует признать наличие различного рода дефектов правового регулирования, о чем свидетельствуют имеющиеся в законодательстве пробелы и противоречия, создающие сложности в толковании и применении отдельных норм Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)¹. Констатация факта дефектности конкурсного законодательства о банкротстве обуславливает постановку следующей научной проблемы: каким инструментарием располагает юридическая наука, который позволяет обеспечить теоретически обоснованное применение норм в условиях пробельности, противоречивости и неопределенности правового предписания законодательства о банкротстве? Представляется, что одним из таких инструментов может являться разработка механизма применения принципов права, раскрытие содержания которых позволяет преодолеть дефектность законодательства о банкротстве².

Не претендуя на всесторонность рассмотрения всех аспектов обозначенной проблемы, остановимся на рассмотрении возможности реализации принципа соразмерности по вопросу о допустимости применения различных способов прекращения юридического лица в условиях, когда возбуждено дело о банкротстве. Скажем, может ли юридическое лицо, в отношении которого открыто производство по делу о банкротстве, реорганизовано; если да, то все ли формы реорганизации являются допустимыми; во всех ли процедурах это возможно. И, наоборот, может ли в период проведения ликвидации юридического лица возбуждено дело о его банкротстве, но не по признакам банкротства отсутствующего должника на основании заявления ликвидационной комиссии (п. 1 ст. 224 Закона о банкротстве), а по общим признакам банкротства юридического лица (п. 2 ст. 3, п. 2 ст. 6 Закона о банкротстве) по заявлению конкурсного кредитора или уполномоченного органа.

Вопрос о пределах реализации права на использование различных способов прекращения юридического лица в случае возбуждения дела о банкротстве в юридической доктрине является малоисследованным, а в

¹ Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

² О принципах конкурсного права см.: Карелина С.А. Принципы правового регулирования отношений, возникающих в связи с несостоятельностью (банкротством) должника // Предпринимательское право. 2008. № 2. С. 2–9.

действующем законодательстве, по сути, неурегулированным. Пожалуй, первым данную проблему «перехода» от одного режима ликвидации к другому в отечественной науке поставил А.В. Габов¹, в последующем в связи с принятием Постановления Конституционного Суда РФ от 18 мая 2015 г. № 10-П², в котором напрямую затрагивалась рассматриваемая сфера общественных отношений, данный вопрос получил рассмотрение в ряде научных публикаций³.

Характеристика принципа соразмерности правового регулирования. Что представляет собой принцип соразмерности правового регулирования? Обобщение специальной научной литературы⁴ позволяет дать ему следующую характеристику: (1) считается, что принцип соразмерности является российской модификацией общеевропейского принципа пропорциональности; (2) принцип соразмерности относится к общим принципам права и в наиболее общем виде под ним понимается необходимость умеренного осуществления государственной власти в отношении индивидов и их объединений; (3) принцип соразмерности состоит из следующих юридических императивов: (а) легитимность цели, т.е. значимость публичных целей, ради которых вводятся определенные государственные меры; (б) пригодность используемых государством средств по достижению публичной цели; (в) минимальность, т.е. должны быть выбраны наименее обременительные средства; (г) сбалансированность, означающая достижение баланса индивидуальных и публичных интересов; (4) принцип соразмерности в полном объеме прямо не выражен в текстах отраслевых законодательных актов, но получил воплощение в форме конституционного принципа, что обуславливает возможность его применения в судебной практике; так, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ⁵ принцип соразмерности (пропорциональности) закреплен в Конституции

¹ Габов А.В. Ликвидация юридических лиц. История развития института в российском праве, современные проблемы и перспективы. М. : Статут, 2011. С. 291–292.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 18 мая 2015 г. № 10-П // Собрание законодательства РФ. 2015. № 22. Ст. 3304.

³ Бычков А. Исключить брошенную компанию // ЭЖ-Юрист. 2015. № 21. С. 12 ; Губин Е.П. Правовое обеспечение свободы экономической деятельности // Предпринимательское право. 2015. № 4. С. 3–9 ; Право и экономическая деятельность: современные вызовы / отв. ред. А.В. Габов. М. : ИГиСП : Статут, 2015. С. 102–109 (авторы – А.А. Аюрова, Е.В. Оболонкова).

⁴ Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М. : Юристъ, 2002. С. 71–82 ; Дедов Д.И. Реализация принципа соразмерности в правовом регулировании предпринимательской деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2005. С. 19–25.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 2002 г. № 1-П // Собрание законодательства РФ. 2002. № 6. Ст. 626.

РФ и обусловлен природой Российской Федерации как правового государства (ч. 1 ст. 1, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Применение принципа соразмерности. Как может быть интерпретирован принцип соразмерности применительно к решению вопроса о возможности применения различных способов прекращения юридического лица в случае открытия производства по делу о банкротстве?

Прежде всего, Конституционный Суд РФ признал норму Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (п. 2 ст. 21.1) не соответствующей Конституции РФ (ч. 1, 2 и 3 ст. 35, ч. 1 ст. 46, ч. 3 ст. 55), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования содержащееся в нем положение допускает исключение в административном порядке (по решению регистрирующего органа) из Единого государственного реестра юридических лиц юридического лица, имеющего признаки недействующего, в отношении которого судом по заявлению кредитора введена процедура банкротства (Постановление Конституционного Суда РФ от 18 мая 2015 г. № 10-П). Конституционный Суд РФ указал, что только в рамках конкурсного производства как одного из способов прекращения юридического лица должна быть обеспечена надлежащая и эффективная защита имущественных прав кредиторов. Поэтому прекращение правоспособности юридического лица в административном порядке как недействующего юридического лица в период осуществления процедур банкротства приводит к необоснованному ограничению прав кредиторов.

Если экстраполировать данную правовую позицию Конституционного Суда РФ, касающуюся применения принципа соразмерности, к ситуации допустимости перехода от одного способа прекращения юридического лица к другому (условно назовем ее – «конкуренция способов прекращения юридического лица»), то можно сформулировать следующие рекомендации.

Во-первых, процедура конкурсного производства среди иных способов прекращения юридического лица в условиях несостоятельности должна занимать более приоритетное место. Это обусловлено, в частности, теми дополнительными возможностями, которые предоставляет законодательство о банкротстве – оспаривание сделок, привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, судебный порядок проведения процедур банкротства, участие кредиторов в осуществлении процедур и др. Этот вывод также корреспондирует правовой позиции Конституционного Суда РФ, сформулированной в упомянутом постановлении от 18 мая 2015 г. № 10-П, и выражающейся в том, что: «Убыточная деятельность, а равно деятельность, в результате которой коммерческая организация не способна выполнять свои обязательства, а также налоговые обязанности и реально нести имущественную ответственность,

в случае их невыполнения, не соответствует ее предназначению как коммерческой организации».

Основываясь на тезисе о приоритетности процедур банкротства по сравнению с иными способами прекращения юридического лица, следует признать, что возможность применения других способов прекращения в период производства по делу о банкротстве допустима только в случае прямого указания об этом в законе и только в том случае если характер проводимой процедуры прекращения соответствует цели банкротства.

В частности, прямое указание о допустимости проведения реорганизации с участием должника, в отношении которого открыто производство по делу о банкротстве, содержится в Законе о банкротстве применительно к процедуре финансового оздоровления [при условии получения согласия от собрания (комитета) кредиторов и лиц, предоставивших обеспечение (ч. 4 п. 3 ст. 82)]. Прямой запрет установлен для процедуры наблюдения (абз. 2 п. 3 ст. 64). В отношении внешнего управления, конкурсного производства, а также периода, когда принято заявление о банкротстве, но не вынесено арбитражным судом определение о введении процедуры наблюдения, прямого разрешения или запрета на этот счет нет. Представляется, что применение принципа соразмерности обуславливает, что цель института прекращения юридического лица в условиях несостоятельности – соразмерное удовлетворение требований кредиторов путем применения организационно-имущественных ограничений – не может быть оптимально достигнута посредством реорганизации в период конкурсного производства, а также в период, когда принято заявление о банкротстве, но не вынесено определение о введении процедуры наблюдения¹. Напротив, во время внешнего управления принятие решения о реорганизации должника может служить достижению указанной цели, при условии включения соответствующего мероприятия в план внешнего управления.

Во-вторых, небезосновательной будет постановка вопроса о возможности использования иных способов прекращения юридического лица в период действия мирового соглашения. Показательным в связи с этим является дело из практики Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ². В рамках дела о банкротстве заключено мировое соглашение, по условиям которого должнику предоставлена отсрочка исполнения денежных обязательств на пять лет. Производство по делу прекращено. В период действия мирового соглашения должник принял решение о реорганизации в форме выделения. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что на кредиторов должника, заключивших в деле о банкротстве мировое соглаше-

¹ Определение ВАС РФ от 6 мая 2013 г. № ВАС-5159/13 по делу № А53-7684/2012.

² Определение Верховного Суда РФ от 28 ноября 2016 г. по делу № 303-ЭС16-10969, А51-16969/2015.

ние, распространяются гарантии, предусмотренные п. 2 ст. 60 Гражданского кодекса РФ. Учитывая, что должник реорганизован в период действия мирового соглашения, применительно к п. 2 ст. 60 Гражданского кодекса РФ в целях соблюдения баланса интересов должника и его кредиторов у последних возникает право, не дожидаясь нарушений условий мирового соглашения в части отсрочки исполнения обязательств, требовать в рамках дела о банкротстве выдачи исполнительного листа по правилам положений п. 1 ст. 167 Закона о банкротстве.

В-третьих, принцип соразмерности может быть использован также в случаях, когда на стадии применения иных (кроме банкротства) процедур прекращения юридического лица ставится вопрос о возбуждении дела о банкротстве. Например, уполномоченным органом юридического лица принято решение о его ликвидации, состоялось назначение ликвидационной комиссии, специальные признаки банкротства ликвидируемого должника отсутствуют (п. 1 ст. 224 Закона о банкротстве). В связи с чем ликвидационная комиссия продолжила проведение ликвидации¹. Может ли в этом случае конкурсный кредитор обратиться не к ликвидационной комиссии, а в арбитражный суд с заявлением о признании юридического лица банкротом при наличии общих признаков банкротства (п. 2 ст. 3, п. 2 ст. 6 Закона о банкротстве). Применение принципа соразмерности позволяет прийти к выводу о том, что запрет на обращение в суд с заявлением о банкротстве будет несоразмерным ограничением права конкурсного кредитора или уполномоченного органа. Напротив, запрет самой ликвидационной комиссии обратиться в суд с заявлением о банкротстве ликвидируемого должника – является соразмерным: ликвидационная комиссия назначается для проведения ликвидации, а возбуждение производства по делу о банкротстве будет означать уклонение ликвидационной комиссии от выполнения своих обязанностей.

В случае возбуждения дела о банкротстве ликвидируемого должника по заявлению конкурсного кредитора или уполномоченного органа по общим признакам банкротства применение обеспечительной процедуры (наблюдения) или реабилитационной процедуры (финансового оздоровления, внешнего управления или мирового соглашения) – будет являться нарушением принципа соразмерности. Должник в лице уполномоченных органов выразил свою волю прекратить деятельность юридического лица. Поэтому процедуры, направленные на сохранение юридического лица, являются чрезмерным вмешательством в частные дела юридического лица.

В-четвертых, признание банкротства приоритетным способом прекращения юридического лица означает, что в условиях проведения реор-

¹ Определение Верховного Суда РФ от 27 июля № 305-ЭС17-4728 по делу № А40-55621/2016.

ганизации в отношении любого юридического лица, участвующего в ходе реорганизации, может быть возбуждено дело о банкротстве при наличии соответствующих признаков банкротства. Этот вывод касается также и той ситуации, когда реорганизуемое юридическое лицо должно прекратить существование (например, в ходе разделения или присоединения)

Таким образом, последовательное применение принципа соразмерности позволяет предложить обоснованные варианты толкования норм законодательства о банкротстве и правильно их применять.

§ 2. Правовой режим требований отдельных кредиторов в деле о банкротстве

Постановка исследовательской проблемы. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» был принят 16 лет назад – 26 октября 2002 г. (далее – Закон о банкротстве). За этот период в него вносились существенные изменения практически по всем наиболее важным вопросам правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства). На сегодня источники правового регулирования банкротства – самая динамично изменяющаяся отрасль законодательства. Несмотря на это обстоятельство, в законе остается ряд норм низкого правового качества, создающих сложности в толковании и применении, в том числе касающихся порядка предъявления и удовлетворения требований кредиторов. Представляется, что исследование вопросов правового режима требований кредиторов является краеугольным вопросом конкурсного законодательства любого государства, поскольку цель института несостоятельности (банкротства) состоит в наиболее справедливом удовлетворении требований кредиторов несостоятельного должника путем применения организационно-имущественных ограничений как крайней меры защиты субъективного права¹. Показательными в этой связи являются статистические данные, опубликованные в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (bankrot.fedresurs.ru): за девять месяцев 2018 г. по итогам процедур конкурсного производства кредиторы получили 6,4 % от суммы требований, включенных в реестры, за тот же период 2017 г. – 6,3 %. По итогам процедур реализации имущества граждан доля удовлетворенных требований кредиторов составила соответственно 0,7 и 0,8 %. Иными словами, с каждого предъявленного в деле о банкротстве юридических лиц рубля долга было удовлетворено только шесть с половиной копеек, а в деле о банкротстве граждан – примерно $\frac{3}{4}$ копейки. Указанные обстоя-

¹ Семейсов В.А., Пахаруков А.А. Правовое регулирование конкурсного производства юридических лиц (вопросы теории и практики). Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. С. 104.

тельства актуализируют рассмотрение заявленной темы как в теоретическом, так и в правоприменительном аспектах.

Не претендуя на всесторонность анализа всех вопросов столь многоаспектной темы, представляется необходимым исследовать вопрос обоснованности установления в российском законодательстве приоритетности удовлетворения требований кредиторов, а, в частности, определить: (1) насколько целесообразно устанавливать дифференцированный порядок удовлетворения требований кредиторов при банкротстве и при ликвидации, создавая таким образом разные модели приоритетности требования кредиторов; (2) каковы пределы применения приоритетности удовлетворения требований кредиторов в рамках законодательства о банкротстве, должна ли приоритетность признаваться единой для любого режима удовлетворения требований кредиторов, почему при установлении очередности требований внеочередных кредиторов не в полной мере учитывается приоритетность, которая присуща очередным (реестровым) требованиям.

Очередность удовлетворения требований при банкротстве и в ходе ликвидации: de lege lata vs. de lege ferenda. История развития российского законодательства по вопросу определения очередности удовлетворения требований кредиторов при банкротстве и в ходе ликвидации знает периоды применения как модели единства, так и модели дифференциации правового регулирования. Так, Закон РФ от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий», который впервые в постсоветской России урегулировал вопросы банкротства, предусматривал семь очередей удовлетворения требований кредиторов (ст. 30), а принятая двумя годами позже часть первая ГК РФ (п. 1 ст. 64) – пять очередей. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», который заменил закон 1992 г., устанавливал аналогичный с ГК РФ подход по поводу очередности (п. 2 ст. 106) – и в том и в другом актах предусматривалось пять совпадающих по составу очередей удовлетворения требований кредиторов. Модель единства правового регулирования сменилась с принятием действующего ныне Закона о банкротстве, который предусматривает три очереди удовлетворения требований кредиторов (п. 4 ст. 134).

В период модернизации гражданского законодательства при разработке комплекса предложений по совершенствованию норм ГК РФ о прекращении юридического лица была признана необходимость создания единого порядка удовлетворения требований кредиторов как при банкротстве, так и в ходе ликвидации. Об этом было прямо заявлено и в Проекте Концепции развития законодательства о юридических лицах (п. 2.9, 2.10), и в Концепции развития гражданского законодательства (п. 3.12) (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.). Такой же

подход был заложен в законопроекте, который был разработан и внесен 3 апреля 2012 г. Президентом РФ в Государственную Думу. Однако в конечном итоге вопреки целям, провозглашенным в Концепции развития гражданского законодательства, модель дифференцированного правового регулирования отношений по удовлетворению требований кредиторов при банкротстве и в ходе ликвидации была сохранена. Чем была вызвана такая радикальная смена исходных методологических позиций остается, на наш взгляд, не выясненным.

В ряде своих решений Конституционный Суд РФ (КС РФ) отмечал, что определение очередности является элементом экономической политики (Определение КС РФ от 3 октября 2002 г. № 231-О, от 17 июля 2007 г. № 546-О-О, от 25 мая 2017 г. № 1133-О), выработка которой – в силу сформулированной в Постановлении КС РФ от 22 июля 2002 г. № 14-П правовой позиции – входит в компетенцию государственных органов (Федерального Собрания и Правительства РФ) и которая не подлежит оценке КС РФ, решающий исключительно вопросы права. Тем не менее, каких-либо очевидных социально-экономических предпосылок для дифференциации правового регулирования удовлетворения требований кредиторов при банкротстве и в ходе ликвидации, на наш взгляд, нет. С точки зрения политики права, предпочтительным является вариант унификации соответствующих норм по причине законодательской экономии, достижения единообразия регулирования сходных общественных отношений и, в конечном итоге, обеспечения эффективности регулирования.

Пределы применения приоритетности удовлетворения требований кредиторов в рамках законодательства о банкротстве. Кредиторов первой и второй очереди, включенных в реестр, обоснованно относят в литературе к *привилегированной группе* кредиторов, имеющих «льготный режим»¹. Сходную позицию занимает КС РФ (Определение КС РФ от 8 июня 2004 г. № 254-О). Используется такая же терминология и в международных актах (ст. 11 Конвенции № 95 МОТ «Относительно защиты заработной платы», принятой в г. Женева 1 июля 1949 г.). Действующее конкурсное законодательство причисляет к привилегированной группе только требования граждан социальной направленности (п. 4 ст. 134, 135, 136 Закона о банкротстве). Думается, что такой подход в целом вполне ясен и обоснован. Определенные сомнения возникают по поводу включения требований по выплате вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности во вторую очередь. Представляется, что нет каких-либо объективно обусловленных причин включения данных требований в льготную вторую очередь. Почему из всех гражданско-правовых договоров к привилегированной группе кредиторов отнесены только те кон-

¹ Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М. : Волтерс Клувер, 2004. С. 138.

струкции, которые предполагают возмездное создание результата интеллектуальной деятельности? При этом вознаграждение гражданам по договорам возмездного оказания услуг, подряда или лицензионного договора должны погашаться в последнюю очередь. Неоднозначно решается в законодательстве вопрос о пределах привилегированности требований, относящихся к первой и второй очереди. Так, если законодатель признает привилегированный характер их требований применительно для правового режима реестровых (очередных) кредиторов, то тот же состав требований должен признаваться приоритетным и при определении очередности требований в рамках другого правового режима – по текущим платежам. Однако п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве для внеочередных кредиторов привилегированность признает только за требованиями об оплате труда лиц, работающих или работавших (после даты принятия заявления о признании должника банкротом) по трудовому договору, а также за требованиями о выплате выходных пособий. Тогда как требования за причинение вреда жизни или здоровью, требования о выплате компенсации сверх возмещения вреда, авторские вознаграждения отнесены к последней пятой очереди текущих платежей. Таким образом, например, требования о возмещении вреда жизни или здоровью уравниваются с требованиями о возмещении имущественного вреда.

Понятие текущих платежей. Впервые легальное определение текущих платежей, используемое для целей законодательства о банкротстве, было закреплено в п. 1 ст. 5 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве). Под текущими платежами понимаются денежные обязательства, требования о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и обязательные платежи, возникшие после даты принятия заявления о признании должника банкротом, если иное не установлено Законом о банкротстве.

Анализ данной легальной дефиниции позволяет дать ей следующую логико-языковую характеристику, полагаясь на соответствующие разработки теоретиков права¹. Во-первых, данная дефиниция относится к *номинальным* определениям, благодаря которому устанавливается значение соответствующего многозначного термина «текущие платежи» в необходимом для целей правового регулирования контексте. Следует акцентировать внимание на то обстоятельство, что анализируемое определение сформулировано исключительно «в целях настоящего Федерального закона» (имеется в виду – Закон о банкротстве). Во-вторых, очевидно, что определение является *явно формулируемым*, что, безусловно, способству-

¹ Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М. : Инфра-М, 2012. С. 49, 55, 57–59, 66–72.

ет строгости, ясности и определенности научных рассуждений. В-третьих, в зависимости от определяемого понятия исследуемое определение считается *структурным*, в котором отображается строение предмета, мыслимого с помощью данного термина. Так, исходя из определения, текущими платежами следует считать три элемента – денежные обязательства, требования трудового характера и обязательные платежи. В-четвертых, рассматриваемое определение содержится в федеральном законе, что обуславливает его двойственную природу – логико-языковую и нормативную. С одной стороны, оно представляет собой особую разновидность легального определения – *законодательную дефиницию*. С другой стороны, оно рассматривается в качестве *дефинитивной нормы права*. Таким образом, оно не просто определяет значение термина (как дефиниция), но и обязывает субъектов к тому или иному пониманию и применению (как норма права). Следовательно, рассматриваемое определение есть форма легального (а точнее – аутентического) толкования.

В ранее действовавшем конкурсном законодательстве соответствующая легальная дефиниция отсутствовала, хотя сам термин «текущие платежи» употреблялся (хотя и не всегда в современном значении). Так, в Законе о банкротстве 1992 г. значение термина «текущие платежи» было иным, чем сегодня. В частности, он использовался при определении «внешних признаков несостоятельности (банкротства) предприятия», которые в том числе выражались в «приостановлении его текущих платежей...» (ч. 2 ст. 1). Иными словами, текущими платежами тогда считалось то, что современное законодательство считает реестровыми платежами (задолженностью). Ранее действовавшему конкурсному законодательству был известен не только сам термин «текущие платежи», но и устанавливалось специальное правовое регулирование для явления, им обозначаемого. Так, соответствующая привилегированная категория кредиторов, которая по терминологии современного законодательства относится к текущим платежам, выделялась прежде, а объем соответствующего понятия раскрывался путем перечисления требований, подлежащих погашению *вне очереди*. Такой подход применялся как в Законе РФ от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» (далее – Закон о банкротстве 1992 г.) (п. 1 ст. 30), так и в Федеральном законе от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве 1998 г.) (п. 1 ст. 106, п. 3 ст. 105).

Иностранным правопорядкам рассматриваемая категория кредиторов также известна, но именуется они *кредиторами конкурсной массы*¹.

¹ Кораев К.Б. Неплатежеспособность: Новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства). М. : Проспект, 2017. С. 161.

Понятие и структурные элементы правового режима требований кредиторов. Трактовка понятия «правовой режим» и соответственно выделение его структурных элементов может быть произведена с точки зрения разных методологических подходов – как *системы правовых средств* и как *правовой формы*.

Так, по мнению С.С. Алексеева, правовой режим представляет собой «порядок регулирования, который выражен в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования»¹. Представляется, что для целей толкования норм законодательства о банкротстве правовой режим требований любых категорий кредиторов (включая требования по текущим платежам) как *система правовых средств* может включать следующие структурные элементы: 1) цель установления специального правового регулирования; 2) состав (круг) требований, отнесенных к соответствующей категории кредиторов; 3) порядок предъявления и удовлетворения данной группы требований. Выделение именно этих компонентов позволяет полно и всесторонне выявить особенности специального правового регулирования.

Правовой режим требований кредиторов может также рассматриваться как *гражданско-правовая форма*, которая в свою очередь представляет собой результат научного анализа случаев правовой оценки общественных отношений и их элементов нормами гражданского права, который может выражаться в утверждении либо отрицании возможности и (или) необходимости определенного поведения участников этих отношений. Данное определение гражданско-правовой формы дает В.А. Белов², с которым в целом стоит согласиться, но за отдельным уточнением. Думается, что, когда автор утверждает, будто «право *ничего не регулирует* – оно лишь *оценивает*»³, он тем самым необоснованно гиперболизирует информационную и оценочную функции права, которые, действительно, обеспечивают ценностно-ориентационное воздействие на поведение людей. Между тем главная цель правового регулирования – упорядочение общественных отношений – низведена ученым до минимума. «Эффект *регулирования* если и присущ правовым нормам, – пишет В.А. Белов, – то он имеет косвенный (если угодно – побочный характер)»⁴. С такими суждениями, конечно, согласиться нельзя. Следовательно, гражданско-правовая

¹ Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юрид. лит., 1989. С. 185.

² Белов В.А. Гражданское право. Общая часть : учебник. М. : Юрайт, 2011. Т. 1 : Введение в гражданское право. С. 319.

³ Там же. С. 19.

⁴ Там же.

форма есть результат научного анализа случаев не правовой оценки, а правового регулирования общественных отношений. Трактовка правового режима как гражданско-правовой формы основывается на следующих постулатах: 1) правовой режим, прежде всего, определяется в отношении объектов фактических отношений; 2) содержанием правового режима являются пределы тех юридических возможностей, которые лица могут приобрести в отношении определенного рода объектов¹.

Однако различие в исходных методологических установках не приводит к различным конечным выводам. Напротив, по вопросу структурных элементов правового режима требований кредиторов рассмотренные концепции имеют больше сходства, чем различий. За основу последующего анализа примем трактовку правового режима как системы правовых средств.

Цель установления специального правового регулирования текущих платежей. Цель выделения данной категории кредиторов и соответствующего специального режима как бы лежит на поверхности и все исследователи, занимающиеся данным вопросом, формулируют ее сходным образом. Д.В. Новак отмечает, в частности, что «экономический смысл выделения законодателем данной категории требований состоит в том, что для обеспечения минимальной хозяйственной деятельности должника в той мере, в какой это требуется исходя из целей применяемых к нему процедур банкротства, необходимо стимулирование контрагентов должника к вступлению с ним в хозяйственные отношения (или продолжению с ним таковых) после принятия заявления о признании должника банкротом»; в противном случае «деятельность должника была бы парализована», исключалась бы всякая «возможность восстановления его платежеспособности», «существенно затруднялась бы формирование конкурсной массы»². И.В. Фролов необходимость выделения указанной категории кредиторов объясняет тем, что «они вступают в правоотношения с лицом, в отношении которого уже возбуждено дело о его несостоятельности (банкротстве), и тем самым подвергаются рискам неплатежей»³.

Между тем то, что лежит «на поверхности» и считается многими исследователями аксиоматичным, может вовсе не отражать истинного положения вещей. Или отражать, но не в полном объеме. В контексте рассматриваемого вопроса, в частности, игнорируется методологическое значение выделения цели установления специального правового регулирования текущих платежей, а также необходимость телеологического толкова-

¹ Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. С. 322.

² Несостоятельность (банкротство): научно-практический комментарий новелл законодательства и практики его применения / под ред. В.В. Витрянского. М. : Статут, 2010. С. 8.

³ Несостоятельность (банкротство) : учеб. курс : в 2 т. / под ред. С.А. Карелиной. М. : Статут, 2019. Т. 1. С. 309.

ния соответствующих норм законодательства о банкротстве. Исследователи, как правило, ограничиваются выявлением экономического смысла данной категории требований, что, безусловно, имеет известное познавательное (гносеологическое) значение. Однако такой подход носит явно усеченный (редуцированный) характер. Так, вполне резонными являются следующие вопросы: 1) если цель состоит в том, чтобы мотивировать участников гражданского оборота продолжать хозяйственные отношения с несостоятельным должником, то почему к текущим платежам отнесена задолженность по налогам и сборам (обязательным платежам), возникшим в период производства по делу о банкротстве? 2) почему очередность удовлетворения требований кредиторов по текущим платежам, установленная в п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве, не в полной мере соответствует цели установления данного правового режима? 3) почему вред, причиненный должником жизни и здоровью гражданина, в период процедур банкротства, удовлетворяется путем капитализации соответствующих *будущих* повременных платежей в первую очередь (т.е. одновременно с капитализацией платежей по реестровым требованиям), а не в режиме текущих платежей (т.е. вне очереди)? Последнее правило было сформулировано в п. 3 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 апреля 2010 г. № 136 «О некоторых вопросах, связанных с капитализацией платежей при банкротстве».

Как представляется, могут быть намечены следующие направления решения поставленной научной проблемы. Цель установления особого благоприятного режима для текущих платежей «обусловлена *прежде всего* необходимостью обеспечения финансирования расходов на процедуру банкротства». Такое разъяснение сделал Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в своем Постановлении от 23 июля 2009 г. № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве». Из этого следует, что, во-первых, определение состава текущих платежей должно увязываться с привилегированным характером установленного для них правового режима, а, во-вторых, сформулированная судом цель хоть и оценивается как основополагающая, но не считается единственной. Симптоматично, что аналогичное правило установлено в Гражданском кодексе РФ (п. 1 ст. 64) по вопросу определения текущих расходов для случая ликвидации юридического лица. Представляется, что необходимость финансирования текущей хозяйственной деятельности должника должна рассматриваться в качестве еще одной цели установления правового режима текущих платежей. Но при условии, что эти платежи осуществляются в соответствии с целями проведения соответствующей процедуры банкротства добросовестно и разумно, а также если отсутствуют основания для их оспаривания по специальным правилам Закона о банкротстве.

Состав (круг) требований, отнесенных к категории текущих платежей. Состав требований, относимых к текущим платежам, определяется с учетом трех обстоятельств. По крайней мере, это прямо следует из легальной дефиниции текущих платежей. Во-первых, в зависимости от правовой природы требований состав текущих платежей включает: 1) денежные обязательства, представляющие собой обязанность должника уплатить кредитору определенную денежную сумму по гражданско-правовой сделке и (или) иному предусмотренному Гражданским кодексом РФ, бюджетным законодательством РФ основанию; 2) требования о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору; 3) обязательные платежи, охватывающие налоги, сборы и иные обязательные взносы, уплачиваемые в бюджет и (или) государственные внебюджетные фонды (в том числе штрафы, пени и иные санкции), а также административные штрафы и установленные уголовным законодательством штрафы. Общим признаком перечисленных требований является их денежный характер.

Во-вторых, в зависимости от темпоральной характеристики требований в состав текущих платежей включаются только те из них, которые возникли после даты принятия заявления о признании должника банкротом. По вопросам применения законодательства о банкротстве, которые возникают при разграничении текущей и реестровой задолженности по данному критерию, даны обстоятельные судебные разъяснения. Соответствующие проблемы являются предметом научного анализа.

В-третьих, только Законом о банкротстве может быть предусмотрено исключение тех или иных требований из режима текущих платежей. Так, например, требования по выплате так называемых «золотых парашютов» не относятся к числу требований кредиторов по текущим платежам и должны удовлетворяться после удовлетворения требований кредиторов третьей очереди (п. 2.1 ст. 134, п. 2 ст. 189.84).

Порядок предъявления и удовлетворения требований по текущим платежам. Текущие требования характеризуются особым порядком их предъявления и удовлетворения.

В частности, текущие платежи должны погашаться вне очереди, то есть до удовлетворения требований кредиторов первой очереди. При этом для текущих платежей Законом о банкротстве установлена специальная очередность их погашения (п. 2 ст. 134), принцип пропорциональности в отношении текущих платежей не подлежит применению, поскольку требования кредиторов по текущим платежам, относящиеся к одной очереди, удовлетворяются в порядке календарной очередности.

Требования кредиторов по текущим платежам не подлежат включению в реестр требований кредиторов. Кредиторы по текущим платежам не имеют права на подачу заявления о признании должника банкротом, на

участие в собрании кредиторов с правом голоса, соответственно, не могут участвовать в избрании членов комитета кредиторов.

В отличие от конкурсных требований, их осуществление не регулируется Законом о банкротстве. Это значит, что на указанные требования не распространяются режим моратория (п. 1 ст. 95 Закона о банкротстве), не происходит приостановление или прекращение принудительного исполнения данных требований, не прекращается начисление неустойки (штрафов, пеней), подлежащих уплате процентов и иных санкций за их неисполнение или ненадлежащее исполнение, не допускается ограничение зачета.

При поступлении в кредитную организацию любого распоряжения любого лица о переводе (перечислении) или выдаче денежных средств со счета должника, в отношении которого введена процедура банкротства (за исключением распоряжений внешнего или конкурсного управляющего), кредитная организация вправе принимать такое распоряжение к исполнению и исполнять его только при условии, что в этом распоряжении либо в документах, прилагаемых к нему, содержатся сведения, подтверждающие отнесение оплачиваемого требования получателя денежных средств к текущим платежам или к иным требованиям, по которым допускается платеж со счета должника в ходе соответствующей процедуры (п. 1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 июня 2014 г. № 36 «О некоторых вопросах, связанных с ведением кредитными организациями банковских счетов лиц, находящихся в процедурах банкротства»).

Кредиторы по текущим платежам при проведении соответствующих процедур, применяемых в деле о банкротстве, не признаются лицами, участвующими в деле о банкротстве. Однако кредиторы по текущим платежам вправе обжаловать действия или бездействие арбитражного управляющего в арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве, если такие действия или бездействие нарушают их права и законные интересы.

§ 3. Принципы удовлетворения требований кредиторов в деле о банкротстве гражданина

Вопросы правового регулирования банкротства граждан в настоящее время являются предметом оживленных дискуссий, что обусловлено не только социально-экономической значимостью рассматриваемого правового института, но и наличием различного рода законодательных дефектов. С.А. Карелина совершенно справедливо указывает, что дискуссии ведутся по разным вопросам: «от очевидных проблем, связанных с реализацией арбитражного управления в процессе банкротства гражданина, до порой скрытых проблем, не лежащих на поверхности механизма правового регулирования отношений несостоятельности с участием граждан, а

именно касающихся цели института банкротства граждан и эффективности реализации данного института»¹. Остановимся на рассмотрении порядка удовлетворения требований кредиторов гражданина, признанного банкротом.

Удовлетворение требований кредиторов гражданина, который признан банкротом и в отношении которого введена процедура реализации имущества, построено на следующих принципах: *очередности; соразмерности; всеобщности; освобождения гражданина от обязательств.*

Очередность удовлетворения требований кредиторов, гражданина предусмотрена ст. 213.27 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), при чем не только для требований, включенных в реестр кредиторов должника, но и для текущих обязательств, которые подлежат удовлетворению вне очереди за счет конкурсной массы преимущественно перед кредиторами, требования которых возникли до принятия заявления о банкротстве.

Установлен следующий порядок производства расчетов по текущим обязательствам:

– в первую очередь удовлетворяются требования по текущим платежам, связанным с уплатой алиментов, судебными расходами по делу о банкротстве гражданина, выплатой вознаграждения финансовому управляющему, взысканием задолженности по выплате вознаграждения лицам, привлеченным финансовым управляющим для обеспечения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве гражданина;

– во вторую очередь удовлетворяются требования о выплате выходных пособий и об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовым договорам;

– в третью очередь удовлетворяются требования о внесении платы за жилое помещение и коммунальные услуги, в том числе об уплате взноса на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме;

– в четвертую очередь удовлетворяются требования по иным текущим платежам.

В порядке календарной очередности удовлетворяются требования кредиторов по текущим платежам, относящиеся к одной очереди.

Ряд исследователей (В.С. Белых, В.М. Богданов, В.А. Запорощенко), рассматривая третью очередь текущих платежей, в которой речь идет о плате за жилое помещение и коммунальные услуги, обращают внимание на отсутствии упоминания об эксплуатационных платежах, которые могут иметь место при осуществлении гражданами предпринимательской дея-

¹ Карелина С.А. Новые законодательные реформы: нужны ли они (на примере законодательства о несостоятельности (банкротстве))? (Тезисы выступления) // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 1. С. 4.

тельности. По их мнению, со ссылкой на Закон о банкротстве, текущие платежи, оставшиеся за рамками первых трех очередей, удовлетворяются последними, несмотря на то, что по своему характеру эксплуатационные платежи близки к затратам на коммунальные услуги, плате за жилое помещение и должны относиться к третьей очереди¹. Даная позиция, как представляется, не соотносится со ст. 216 Закона о банкротстве, в соответствии с которой государственная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя утрачивает свою силу с момента признания его банкротом и введения в отношении него процедуры реализации имущества. Что существенным образом отличается от ситуации признания банкротом юридического лица, в отношении которого запись о ликвидации в Единый государственный реестр юридических лиц вносится только по завершению конкурсного производства.

В целом установленная очередность сходна с соответствующей структурой расчета с кредиторами в деле о банкротстве юридических лиц. Но имеются некоторые особенности. В отличие от юридических лиц в деле о банкротстве граждан установлено не пять, а четыре очереди удовлетворения требований по текущим платежам. Кроме того, есть особенности, касающиеся расходов на лиц, привлекаемых для исполнения возложенных на финансового управляющего обязанностей. Говоря о текущих платежах должника-гражданина, законодатель использует категорию «лица, привлеченные финансовым управляющим для обеспечения возложенных на него обязанностей». Требования таких кредиторов отнесены к первой очереди. Такой подход, который может показаться упрощенным, на наш взгляд, представляется вполне уместным и оправданным. Вне зависимости от того, насколько обязательным является привлечение того или иного лица, их деятельность связана с обеспечением исполнения финансовым управляющим своих функций. По этой причине объединение требований перед указанными субъектами в одну очередь видится разумным шагом. И хотя число тех, кто может быть привлечен финансовым управляющим в обязательном порядке при банкротстве гражданина меньше, чем при банкротстве юридического лица, такие случаи будут иметь место, например, при проведении торгов и заключении соответствующего договора с оператором электронной площадки.

Требования кредиторов, включенные в реестр, в соответствии с Законом о банкротстве удовлетворяются в следующей очередности:

– в первоочередном порядке подлежат удовлетворению требования граждан, перед которыми гражданин, признанный банкротом, несет от-

¹ Бельх В.С., Богданов В.М., Запорощенко В.А. Банкротство граждан. Критерии. Статус. Процедуры : учеб.-практ. пособие / под общ. ред. В.С. Бельх. М. : Проспект, 2016. С. 73.

ветственность за причинение вреда жизни или здоровью, а также требования о взыскании алиментов;

– расчеты по выплате выходных пособий и оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору производятся во вторую очередь;

– в третью очередь производятся расчеты с другими кредиторами.

Нетрудно заметить, что представленный перечень содержит ряд отличительных черт по сравнению с правилами, применяемыми к банкротству юридических лиц.

В частности, в первую очередь удовлетворяются требования о взыскании алиментов. Представляет научный интерес исследование вопросов использования соглашений об уплате алиментов с целью причинения имущественного вреда кредиторам¹. Так, в рамках дела о банкротстве индивидуального предпринимателя оспаривалось соглашение об уплате алиментов на несовершеннолетнего ребенка в размере 80 % дохода должника².

Во второй очереди отсутствуют требования о выплате вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности. Возможно, это объясняется тем, что данные требования связаны с личностью должника, которые согласно Закону о банкротстве сохраняют силу после окончания производства по делу о банкротстве и могут быть предъявлены в соответствующем порядке.

В целом расчеты с кредиторами подчинены общему порядку, установленному Законом о банкротстве, и соответствуют принципу соразмерности расчетов, сформулированному в п. 3 ст. 142 Закона о банкротстве, согласно которому при недостаточности денежных средств должника они распределяются между кредиторами соответствующей очереди пропорционально суммам требований, подлежащих удовлетворению. Вместе с тем есть и свои особенности. Так, при удовлетворении требований граждан, перед которыми гражданин несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, капитализация повременных платежей не производится (п. 4 ст. 213.27 Закона о банкротстве).

В силу положений п. 5 ст. 213.27 Закона о банкротстве залоговые кредиторы вправе претендовать на 80 % от суммы, вырученной от реализации предмета залога. При этом законодатель не делает различий, в зависимости от того, вытекает ли основное требование из кредитного договора или нет. Оставшиеся 20 % от суммы, вырученной от реализации предмета

¹ Шелютто М.Л. Правовые последствия заключения соглашения об уплате алиментов с целью причинения имущественного вреда кредиторам // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / отв. ред. В.Ф. Яковлев. М. : ИЗиСП, ИНФРА-М, 2017. Вып. 23. 184 с.

² Пьянкова А.Ф. Баланс интересов в алиментных правоотношениях // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1. С. 80.

залога при банкротстве гражданина, подлежат распределению в следующем порядке:

– 10 % суммы используются для погашения первой и второй очереди требований кредиторов в случае недостаточности иного имущества гражданина для погашения указанных требований (первая группа расходов);

– оставшиеся 10 % суммы – для погашения судебных расходов, а также на выплату вознаграждения финансовому управляющему и оплату услуг лиц, привлеченных финансовым управляющим в соответствии с Законом о банкротстве, и расходов, связанных с реализацией предмета залога (вторая группа расходов).

Неизрасходованные денежные средства первой группы расходов включаются в конкурсную массу, а второй группы расходов – направляются на погашение обеспеченных залогом имущества требований конкурсных кредиторов, не погашенных из стоимости предмета залога. Таким образом, когда речь идет о банкротстве граждан, требования залогового кредитора, помимо причитающихся 80 % от стоимости реализованного предмета залога, удовлетворяются за счет оставшихся средств после удовлетворения второй группы расходов (абз. 6 п. 5 ст. 213.27 Закона о банкротстве), что, безусловно, отличается от подхода, используемого законодателем при банкротстве юридических лиц.

Такая логика законодателя вряд ли выглядит последовательной. Регулирование сходных правоотношений все-таки должно строиться на одинаковых принципах, а имеющиеся разночтения нуждаются в устранении посредством внесения соответствующих изменений в Закон о банкротстве.

В ситуации, когда стоимость предмета залога оказалась недостаточной для расчета с залоговым кредитором, его требование подлежит удовлетворению в составе требований кредиторов третьей очереди.

Не удовлетворенные по причине недостаточности имущества гражданина требования кредиторов, считаются погашенными, а гражданин, признанный банкротом, освобождается от дальнейшего их исполнения, в том числе от требований, не заявленных при введении реализации имущества (ст. 213.27, ст. 213.28 Закона о банкротстве).

Данное положение не относится к требованиям кредиторов по текущим платежам, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, о выплате заработной платы и выходного пособия, о возмещении морального вреда, о взыскании алиментов, а также иным требованиям, неразрывно связанным с личностью кредитора, в том числе требованиям, не заявленным в процедурах банкротства гражданина.

Так определением Арбитражного суда Иркутской области от 31 мая 2017 г. по делу № А19-5204/2016 г. должник был освобожден от дальнейшего исполнения требований кредиторов, за исключением требований, неразрывно связанных с личностью кредитора, требований по уплате за

содержание жилья, капитальный ремонт и коммунальные услуги. Суд в определении указал, на, что «должник в силу закона обязан нести расходы на содержание принадлежащих ему жилых помещений, расходы по содержанию общего имущества дома, а также вносить плату за коммунальные услуги за себя и за своих иждивенцев. Суд пришел к выводу, что, указанные обязательства непосредственно связаны с личностью должника, с наличием у него права собственности на имущество (единоличное и общее), фактом проживания в жилом помещении. Следовательно, в силу прямого указания Закона о банкротстве освобождение от данных обязательств не предусмотрено при завершении процедуры реализации имущества».

Во-вторых, освобождение от обязательств не допускается, если:

– вступившим в законную силу судебным актом гражданин привлечен к уголовной или административной ответственности за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное или фиктивное банкротство, когда такие правонарушения совершены в данном деле о банкротстве;

– гражданин предоставил заведомо недостоверные сведения или не предоставил необходимые сведения финансовому управляющему или суду, и это обстоятельство установлено соответствующим судебным актом, принятым при рассмотрении дела о банкротстве гражданина;

– доказано, что при возникновении или исполнении обязательства, на котором конкурсный кредитор или уполномоченный орган основывал свое требование в деле о банкротстве, последний действовал незаконно, в том числе злостно уклонился от погашения кредиторской задолженности, от уплаты налогов и (или) сборов, предоставил кредитору заведомо ложные сведения при получении кредита, скрыл или умышленно уничтожил имущество.

Так, в определение Арбитражного суда Красноярского края от 21 января 2017 г. по делу № А33-26072/2015 суд указал на то, что должник при заключении с банком кредитных договоров скрыл от банка информацию о своем реальном финансовом состоянии, предоставив тем самым банку заведомо ложные сведения, при том, что банк, исходя из условий данных договоров анализ финансового состояния должника осуществлял исключительно на основании данных, отраженных в анкете самим должником, что исключило возможность банка достоверно проанализировать финансовое состояние должника. На основании изложенного, суд, руководствуясь положениями абз. 4 п. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве, пришел к выводу о неприменении в отношении должника правила об освобождении от исполнения обязательств.

Учебно-методические материалы

Основные термины

Санация – меры, принимаемые собственником имущества должника – унитарного предприятия, учредителями (участниками) должника, кредиторами должника и иными лицами в целях предупреждения банкротства и восстановления платежеспособности должника, в том числе на любой стадии рассмотрения дела о банкротстве.

Наблюдение – процедура, применяемая в деле о банкротстве к должнику в целях обеспечения сохранности его имущества, проведения анализа финансового состояния должника, составления реестра требований кредиторов и проведения первого собрания кредиторов.

Финансовое оздоровление – процедура, применяемая в деле о банкротстве к должнику в целях восстановления его платежеспособности и погашения задолженности в соответствии с графиком погашения задолженности.

Внешнее управление – процедура, применяемая в деле о банкротстве к должнику в целях восстановления его платежеспособности.

Конкурсное производство – процедура, применяемая в деле о банкротстве к должнику, признанному банкротом, в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов.

Реструктуризация долгов гражданина – реабилитационная процедура, применяемая в деле о банкротстве к гражданину в целях восстановления его платежеспособности и погашения задолженности перед кредиторами в соответствии с планом реструктуризации долгов.

Реализация имущества гражданина – реабилитационная процедура, применяемая в деле о банкротстве к признанному банкротом гражданину в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов.

Мировое соглашение – процедура, применяемая в деле о банкротстве на любой стадии его рассмотрения в целях прекращения производства по делу о банкротстве путем достижения соглашения между должником и кредиторами.

Мораторий – приостановление исполнения должником денежных обязательств и уплаты обязательных платежей.

Вред, причиненный имущественным правам кредиторов, – уменьшение стоимости или размера имущества должника и (или) увеличение размера имущественных требований к должнику, а также иные последствия совершенных должником сделок или юридически значимых действий либо бездействия, приводящие к полной или частичной утрате возможности кредиторов получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества.

Контрольные вопросы

1. Каково место процедуры наблюдения в системе процедур банкротства?

2. Каковы правовые последствия введения процедуры наблюдения?

3. Правомерно ли в рамках процедуры наблюдения утверждать об ограничении правосубъектности должника? Обоснуйте свой ответ.

4. Закон о банкротстве закрепляет положение, согласно которому кредиторы с целью участия в первом собрании кредиторов вправе предъявить свои требования к должнику в течение 30 дней с даты опубликования сообщения о введении наблюдения (п. 1 ст. 71). Однако на практике может возникнуть вопрос: как быть в той ситуации, когда кредитор узнает о банкротстве должника уже после окончания наблюдения? Каковы возможные варианты ответа на данный вопрос?

5. Должен ли временный управляющий проверять в рамках процедуры наблюдения прибыльность договоров и влияние продолжения деятельности должника на его чистые активы? Может ли арбитражный суд в этом случае запретить осуществлять убыточную деятельность?

6. Как вы думаете, можно ли предъявить какие-либо требования о возмещении убытков к временному управляющему, не выявившему признаков фиктивного и преднамеренного банкротства, если такие признаки обнаружены позже?

7. В современной правовой литературе существуют различные подходы к определению сути финансового оздоровления. Так, по мнению М.В. Телюкиной, «финансовое оздоровление может быть определено как пассивная оздоровительная процедура, которая применяется к должнику, имеющему возможность в течение определенного времени удовлетворить требования кредиторов самостоятельно». Помимо этого, высказывается точка зрения, согласно которой «финансовое оздоровление – не что иное, как реструктуризация задолженности организации-должника». Какое из данных определений, на ваш взгляд, в большей степени отвечает сути финансового оздоровления?

8. Может ли быть введено финансовое оздоровление против воли кредиторов?

9. Одним из правовых последствий введения финансового оздоровления является особая регламентация такого способа прекращения обязательств, как зачет встречного однородного требования. Данная норма вызывает много практических вопросов, а именно: можно ли в сумму зачитываемых требований включать суммы убытков и финансовых санкций? Можно ли назвать нарушением очередности применение зачета при отсутствии требований первой и второй очередей?

10. План финансового оздоровления предусматривает различные источники получения средств должника, в частности, речь идет о таких ис-

точниках финансирования, как вклады учредителей (участников), причем как направленные, так и не направленные на увеличение уставного капитала должника в рамках финансового оздоровления. Однако возможно ли произвести увеличение уставного капитала на данном этапе?

11. Каким образом может быть изменен график погашения задолженности? Могут ли кредиторы оспорить действительность произведенных в результате изменения графика платежей?

12. Может ли арбитражный суд ввести внешнее управление, если кредиторы приняли другое решение?

13. Компетентны ли органы управления должника принимать решения о реорганизации, либо все вопросы находятся в компетенции внешнего управляющего?

14. Каковы полномочия арбитражного суда в отношении плана внешнего управления?

15. На какие требования кредиторов действие моратория не распространяется? Предусматривает ли Закон о банкротстве введение частичного моратория?

16. Каковы особенности осуществления внешним управляющим функций руководителя должника?

17. По одному из дел арбитражный суд отказал в принятии искового заявления ООО, которое обратилось с иском к АО о возврате имущества из чужого незаконного владения. Суд, отказывая в принятии искового заявления, указал, что спор не подведомствен арбитражному суду, так как в отношении ответчика возбуждено производство о несостоятельности и введено внешнее управление. Согласны ли вы с позицией арбитражного суда?

18. На практике нередко складывается следующая ситуация: внешний управляющий, реализовав имущество и полностью удовлетворив все имеющиеся требования кредиторов, заявляет о достижении целей внешнего управления. В результате этого конкурс прекращается, юридическое лицо остается существовать, но не может функционировать. Как вы думаете, при каких условиях данная ситуация возможна?

19. В отдельных случаях в состав имущества, реализуемого в рамках внешнего управления, включаются права, основанные на лицензии на осуществление отдельных видов деятельности. Какова в дальнейшем судьба этих прав?

20. На практике не исключена ситуация, когда в отношении должника уже вынесено решение о признании его банкротом, однако выясняется, что должник обладает еще неким потенциалом. Как быть в этом случае?

21. Каков порядок действий в ситуации, когда срок конкурсного производства заканчивается, но реализовано не все имущество либо распределены между кредиторами не все денежные средства?

22. Какова правовая природа отстранения органов управления должника в рамках конкурсного производства?

23. Может ли конкурсный управляющий выдавать доверенности другим лицам на осуществление своих функций?

24. В силу ст. 133 Закона о банкротстве по требованию арбитражного суда, а также собрания (комитета) кредиторов конкурсный управляющий обязан в любое время представлять отчет о ходе конкурсного производства. Как вы думаете, какие именно сведения управляющий обязан предоставлять?

25. Вправе ли должник в рамках конкурсного производства использовать либо открывать счет в иностранной валюте?

26. В соответствии с положениями Закона о банкротстве социальные объекты, за исключением жилищного фонда социального использования, подлежат реализации в особом порядке – по конкурсу, сразу после проведения которого покупатель заключает с органом местного самоуправления соглашение об исполнении условий конкурса. В связи с этим на практике зачастую возникает вопрос: является ли заключение этого договора обязанностью сторон? Можно ли принудить к его заключению, если одна из сторон уклоняется от этого?

27. Закон о банкротстве устанавливает, что конкурсный управляющий, обнаружив имущество, не принадлежащее должнику, обязан принять меры к поиску и обнаружению собственника. Вместе с тем что делать с имуществом, собственника которого обнаружить не удастся?

28. Обязан ли должник продолжать предпринимательскую деятельность в течение конкурсного производства?

29. Какова правовая природа мирового соглашения?

30. Должен ли арбитражный управляющий представить собранию кредиторов анализ финансового состояния должника при заключении мирового соглашения?

31. Каковы порядок и условия заключения мирового соглашения?

32. В какой момент при заключении мирового соглашения следует осуществлять выплаты кредиторам первой и второй очередей?

33. Могут ли быть, на ваш взгляд, названы участниками мирового соглашения кредиторы, не являющиеся конкурсными?

34. Закон о банкротстве делает возможным участие в мировом соглашении уполномоченных органов. В результате этого возникают проблемы соотношения конкурсного и налогового законодательств, поскольку налоговое законодательство каких бы то ни было норм о заключении мирового соглашения в конкурсном процессе не содержит. Как составлять в этом случае мировое соглашение?

Литература для углубленного изучения

1. *Гурьев А.В.* Правовые аспекты предупреждения банкротства туроператора = Legal aspects of tour operator bankruptcy prevention / А.В. Гурьев. – М. : Юстицинформ, 2017. – 252 с.
2. *Кован С.Е.* Предупреждение банкротства организаций / С.Е. Кован. – М. : ИНФРА-М, 2015. – 219 с. – (Научная мысль).
3. *Рыков И.Ю.* Субсидиарная ответственность: тенденции современного менеджмента / И.Ю. Рыков. – 2-е изд. – М. : Статут, 2019. – 195 с.
4. *Шишмарева Т.П.* Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии / Т.П. Шишмарева. – М. : Статут, 2018. – 239 с.
5. *Горбашев И.В.* О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ / И.В. Горбашев // Вестник гражданского права. – 2018. – № 4. – С. 154–202.
6. *Гутников О.В.* Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве: общие новеллы и недостатки правового регулирования / О.В. Гутников // Предпринимательское право. – 2018. – № 1. – С. 48–60.
7. *Долинская В.В.* Проблемы понятийного аппарата в законодательстве о несостоятельности (банкротстве): размышления о главе III.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» / В.В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 7. – С. 9–15.
8. *Егоров А.В.* Конкурсное производство: комментарий ключевых моментов / А.В. Егоров // Вестник гражданского права. – 2019. – № 1. – С. 114–139.
9. *Ершов Д.В.* Реформирование института торгов по продаже имущества должников в процедурах банкротства: законодательные инициативы и их практическое применение / Д.В. Ершов // Предпринимательское право. – 2018. – № 4. – С. 42–49.
10. *Карелина С.А.* Защита текущего кредитора при заключении мирового соглашения во внешнем управлении (к вопросу о погашении текущих платежей при заключении мирового соглашения в делах о банкротстве) / С.А. Карелина, И.В. Фролов // Право и экономика. – 2017. – № 12. – С. 34–40.
11. *Карелина С.А.* Правовые проблемы несостоятельности (банкротства) корпораций: новеллы и тенденции / С.А. Карелина // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2018. – № 2. – С. 41–45.
12. *Усачева К.А.* Внеконкурсное оспаривание поведения должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право и европейская правовая традиция / К.А. Усачева // Вестник гражданского права. – 2017. – № 5. – С. 8–54.

13. *Шиткина И.С.* Ответственность контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») / И.С. Шиткина // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2017. – № 4. – С. 21–40.

14. *Шумаков С.Р.* Критерий добросовестности при применении последствий признания сделок недействительными в процессе несостоятельности (банкротства) / С.Р. Шумаков // Предпринимательское право. – 2018. – № 1. – С. 61–65.

ГЛАВА 5. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ДОЛЖНИКОВ

§ 1. Правовое регулирование банкротства граждан

Институт банкротства действует в Российской Федерации с 1 марта 1993 г. В соответствии с Законом РФ от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий»¹ возможными субъектами банкротства призвались «занимающееся предпринимательской деятельностью юридическое лицо, или не образующие юридического лица предприниматели, или гражданин-предприниматель», но не иные физические лица. Хотя исторически банкротство рассматривается именно как банкротство физических лиц, тем не менее практическая возможность признания банкротом данной категории лиц пока исключается в России до сих пор.

Вопрос об источниках правового регулирования банкротства граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями, имеет в Российской Федерации свою многолетнюю историю, несмотря на то обстоятельство, что признание физических лиц банкротами (так называемое «потребительское банкротство») впервые станет возможным в современной России только с 1 октября 2015 г.

Впервые развернутая система норм о банкротстве граждан была закреплена в Федеральном законе от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»² в главе IX «Банкротство гражданина». Предполагалось, что нормы главы IX будут действовать в отношении граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями, только после внесения изменений в ГК РФ (п. 2 ст. 185 Закона о банкротстве 1998 г.). Соответствующих изменений внесено не было, поэтому нормы главы IX в отношении граждан утратили силу вместе с Законом о банкротстве 1998 г., так и не вступив в действие.

Действующий в настоящее время Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» содержит отдельную главу, посвященную банкротству гражданина (глава X), которая подобно закону 1998 г. не вступила в силу вместе со вступлением в действие самого закона. Начало применения главы X в отношении граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями, было отложено до вступления в силу федерального закона о внесении соответствующих изменений и дополнений в федеральные законы (п. 2 ст. 231). В последую-

¹ О несостоятельности (банкротстве) предприятий : Закон РФ от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 1. Ст. 6.

² О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 222 (утратил силу).

шем предпринимались отдельные попытки принятия соответствующего специального закона. Так, в частности были подготовлены в разное время несколько законопроектов в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника. И только через 12 лет после принятия Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в закон были внесены соответствующие изменения¹, выразившиеся в появлении новой редакции параграфа 1 и 2 главы X. Установленный порядок банкротства граждан существенно отличается от ранее предусмотренного варианта правового регулирования. Примечательно, что соответствующие нормы главы X в первоначальной редакции должны утратить силу так и не вступив в действие в отношении граждан.

Новая модель правового регулирования банкротства граждан предполагает введение иных признаков и критериев банкротства гражданина (замена критерия неоплатности критерием неплатежеспособности), применение специальных процедур, рассчитанных исключительно для граждан, а не юридических лиц (реструктуризация долгов гражданина, реализация имущества гражданина), создание специального порядка банкротства индивидуального предпринимателя и гражданина в случае его смерти. Первоначально планировалось, что новые правила о банкротстве граждан должны были вступить в силу с 1 июля 2015 г., но в последующем срок был изменен. Предполагается, что институт банкротства граждан в России начнет действовать с 1 октября 2015 г.

В юридической доктрине необходимость возрождения института несостоятельности физических лиц в России рассматривается как одно из основных направлений совершенствования законодательства о несостоятельности². Думается, что по данному вопросу обоснована менее категоричная позиция. Следует принять во внимание такие обстоятельства, как низкий уровень доходов большого числа населения России, высокий уровень расслоения российского общества, развитие экономического кризиса, низкий уровень правосознания, высокая безработица и др. Поэтому многолетняя «нерешительность» российского законодателя в данном вопросе вполне закономерна. Анализ норм российского законодательства позволяет выделить отдельные проблемные вопросы механизма правового регулирования банкротства граждан.

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника : федер. закон от 29 дек. 2014 г. № 476-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. 1). Ст. 29.

² Михневич Т.Н. Развитие правового регулирования процедур несостоятельности (банкротства) физических лиц (граждан) в России и за рубежом (сравнительно-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 7.

Прежде всего, вызывает сомнения обоснованность перехода от критерия неоплатности к критерию неплатежеспособности в вопросе определения признаков банкротства гражданина. Представляется, что банкротство должно рассматриваться как крайняя мера защиты субъективного права. И критерий неоплатности, как раз, обуславливает исключительный характер применения процедур банкротства. Напротив, критерий неплатежеспособности может спровоцировать массовый характер «потребительского банкротства».

Неудачным является решение вопроса о порядке применения отдельных норм. Так, положения о банкротстве граждан (глава X) будут применяться ко всем физическим лицам – как являющимися индивидуальными предпринимателями, так и не имеющими такого статуса. Но предусмотрена также возможность применения специальных правил в отношении отдельных категорий граждан. Так, имущество индивидуальных предпринимателей – должников, предназначенное для осуществления ими предпринимательской деятельности, подлежит продаже в порядке, установленном Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» в отношении продажи имущества юридических лиц, а не граждан. При банкротстве индивидуального предпринимателя, являющегося застройщиком, субсидиарно должны применяться соответствующие нормы параграфа 7 главы IX. Исключительный порядок предусмотрен в отношении глав крестьянских (фермерских) хозяйств, имеющих статус индивидуального предпринимателя. В отношении последних действуют специальные правила, предусмотренные в параграфе 3 главы X.

Непоследовательность механизма правового регулирования отдельных категорий граждан очевидна. Во-первых, модель правового регулирования главы крестьянского (фермерского) хозяйства строится по модели банкротства юридических лиц, а не граждан. Нормы о банкротстве крестьянского (фермерского) хозяйства таким образом являются «инородными» по отношению к нормам о банкротстве граждан. Во-вторых, законодатель предусмотрел возможность субсидиарного применения норм при банкротстве застройщиков – индивидуальных предпринимателей, но оставляет вопрос о возможности субсидиарного применения норм о банкротстве граждан к отсутствующему должнику-гражданину (параграф 2 гл. XI) нерешенным. В-третьих, не до конца выясненным является вопрос о том, какими правилами необходимо будет руководствоваться, если имущество индивидуального предпринимателя используется им не только в предпринимательской деятельности. В-четвертых, актуальными остаются во-

просы субсидиарного применения норм при банкротстве индивидуальных предпринимателей, о которых указывалось в юридической литературе¹.

Анализ норм закона дает основания говорить о «слабой» правовой защищенности отдельных категорий граждан. Допуская возможность банкротства недееспособных, ограниченно дееспособных, инвалидов, беременных женщин, лиц, имеющих несовершеннолетних детей, а также лиц, находящихся под стражей или отбывающих наказание, законодатель практически не предусматривает каких-либо дополнительных гарантий соблюдения прав и законных интересов указанных лиц. Как будут, например, взаимодействовать опекун (попечитель) гражданина с финансовым управляющим? Допустимо ли лишить беременную женщину, имеющую несколько несовершеннолетних детей, жилого помещения в рамках дела о банкротстве в условиях декларируемых семейных ценностей в российском государстве?

Неудачным, с нашей точки зрения, является подход законодателя по вопросу о фактическом переименовании процедуры конкурсного производства в «реализацию имущества гражданина». Телеологически указанные процедуры полностью соотносимы друг с другом, поскольку целью той и другой процедуры является «соразмерное удовлетворение требований кредиторов» (ст. 2). Но почему согласно Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» реализация имущества гражданина провозглашена в качестве реабилитационной процедуры в отличие от конкурсного производства? Неужели реабилитационная направленность процедуры выражается в освобождении гражданина от обязательств после завершения расчетов с кредиторами (ст. 213²⁸)? Но ведь освобождение гражданина от обязательств в отдельных случаях не допускается (п. 4 ст. 213²⁸). Сохраняется ли при этом реабилитационная направленность? Кроме того, в случае банкротства главы крестьянского (фермерского) хозяйства применение реабилитационной процедуры (реализации имущества гражданина) вообще заменено конкурсным производством.

В законе имеются и другие «слабые» места. В частности, отсутствуют положения, определяющих порядок выделения в натуре доли из общего имущества, принадлежащего гражданину-должнику, что неизбежно вызовет затруднения при формировании конкурсной массы и при продаже имущества. Кроме того, в законе не предусматриваются особенности правового режима таких специфических имущественных прав, как целевые субсидии, «материнский капитал», средства в рамках добровольного софинансирования пенсии. Низким является размер денежного вознаграждения

¹ Пахаруков А.А., Тюкавкин-Плотников А.А. Проблемы правового регулирования несостоятельности (банкротства) индивидуальных предпринимателей // Сибирский юридический вестник. 2012. № 4. С. 40–41.

дения финансового управляющего, назначаемого в деле о банкротстве гражданина.

Таким образом, источники правового регулирования банкротства граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями, имеют в Российской Федерации свою многолетнюю историю. Введение института банкротства физических лиц в России является преждевременным. Правовое качество конкурсного законодательства о банкротстве гражданина является невысоким, имеют место отдельные правотворческие ошибки, что обуславливает необходимость его совершенствования.

§ 2. Правовое регулирование банкротства индивидуальных предпринимателей

Обобщение современной юридической литературы по теме «Банкротство юридических лиц» позволяет констатировать, что существует устоявшийся круг теоретических и практических проблем, по поводу решения которых концентрируется внимание ученых. Таковыми, в частности, следует признать: определение оптимальных критериев и признаков банкротства индивидуального предпринимателя, правовая природа имущественно-организационных ограничений, возникающих в период банкротства гражданина, правовые последствия их банкротства и некоторые другие вопросы.

Однако нельзя представить дело так, будто в современной доктрине данный правовой феномен является обстоятельно и всесторонне исследованным, а решение указанных проблем является единообразным. Напротив, анализ современной литературы позволяет констатировать: практически по каждому сколько-нибудь важному вопросу правового регулирования банкротства индивидуального предпринимателя существует несколько точек зрения, часто прямо противоположных. Кроме сугубо теоретического обоснования значимости рассматриваемых проблем, показательной является также статистика применения соответствующих норм законодательства о банкротстве граждан¹.

Во-первых, анализ динамики потребительских банкротств свидетельствует о существовании устойчивой тенденции роста числа граждан (в том числе индивидуальных предпринимателей), которые признаются банкротами. Так, за три квартала 2017 г. было признано банкротами 21 тыс. граждан и индивидуальных предпринимателей, что в 1,6 раза больше, чем в аналогичном периоде прошлого года.

¹ Статистические данные по банкротству физических лиц взяты из бюллетеня Единого федерального реестра сведений о банкротства (Федресурс) по состоянию на 30 сентября 2017 г. Данные были получены на основе сообщений и отчетов арбитражных управляющих, раскрытые в Федресурсе (bankrot.fedresurs.ru). URL: <http://bankrot.fedresurs.ru/NewsCard.aspx?ID=1218>.

Во-вторых, следует отметить тенденцию превышения числа банкротств-граждан над количеством банкротств – юридических лиц. Так, с 1 октября 2015 г. (когда вступили в действия нормы о потребительском банкротстве) по 30 сентября 2017 г. банкротами признаны 43 тыс. граждан, из которых около 2 тыс. индивидуальных предпринимателей. За этот же период банкротами были признаны 35 тыс. юридических лиц, что в 1,2 раза меньше, чем банкротств-граждан.

В-третьих, обращает на себя внимание тенденция превалирования процедуры реализации имущества гражданина по сравнению с другими процедурами, применяемыми в деле о банкротстве граждан. Количество восстановительных процедур составляет примерно четверть; в 75 % случаев гражданин признается банкротом и применяется процедура реализации его имущества.

В-четвертых, количество граждан, признанных банкротами в целом по России с 1 октября 2015 г. по 30 сентября 2017 г., составило 28 банкротств на 100 тыс. населения. Если оценивать «плотность» банкротств по субъектам Российской Федерации, то в Москве и Санкт-Петербурге «плотность» потребительских банкротств ниже общероссийского показателя – соответственно 25 банкротств на 100 тыс. населения в Москве и 27 банкротств на 100 тыс. населения в Санкт-Петербурге. Лидерами по «плотности» банкротств по итогам двух лет стали Вологодская область (102), Рязанская область (64), Новосибирская область (50) и Мордовия (50). Самое низкое значение данного показателя фиксируется в северокавказских республиках России: Республика Ингушетия (4), Республика Дагестан (2), Чеченская Республика (0,3).

В-пятых, примерно 70–80 % граждан, признанных банкротами, ничего не выплачивают кредиторам в рамках производства по делу о банкротстве. Так, в третьем квартале 2017 г. у 78 % должников, в отношении которых было открыто производство по делу о банкротстве, стоимость имущества равна нулю. Основной категорией заявителей по делам о потребительском банкротстве являются сами должники, которые инициировали собственное банкротство в 87 % дел, еще в 12 % дел инициаторами выступали конкурсные кредиторы, и в 1 % дел – уполномоченные органы. При этом 73 % должников, в отношении которых дело о банкротстве было завершено, ничего не заплатили кредиторам, 17 % должников выплатили суммы до 100 тыс. р. каждый, 7 % – от 100 тыс. до 1 млн р., 2 % – от 1 до 5 млн р., 1 % – от 5 до 10 млн р., 0,4 % – от 10 до 50 млн р., 0,1 % – более 50 млн р.

В целом доля удовлетворенных требований кредиторов по завершенным делам о банкротстве юридических лиц и граждан составила 5,2 % (за 10 месяцев 2017 г.), в 2016 г. – 6 %, в 2015 г. – 6,3 %. Иными словами,

из каждого рубля заявленных кредиторами требований удовлетворено в 2017 г. всего 5 копеек.

В-шестых, процедуры банкротства граждан длятся дольше, чем процедуры банкротства индивидуальных предпринимателей. Так, за 10 месяцев 2017 г. средняя продолжительность процедур банкротства гражданина составляет 223 дня, индивидуального предпринимателя – 278 дней. Средняя продолжительность процедуры реализации имущества гражданина – индивидуального предпринимателя длится примерно в два раза дольше средней продолжительности реструктуризации его долгов (360 и 181 день соответственно).

Таким образом, статистический обзор применения законодательства о банкротстве граждан свидетельствует о том, что банкротство используется в основном теми должниками, у которых нет никакого имущества, в целях освобождения от долгов.

Остановимся на рассмотрении отдельных, наиболее актуальных, на наш взгляд, положениях конкурсного законодательства, посвященных банкротству индивидуальных предпринимателей: (1) система правового регулирования банкротства индивидуальных предпринимателей; (2) перспективы развития специального правового регулирования банкротства индивидуальных предпринимателей; (3) оценка тяжести правовых последствий признания индивидуальных предпринимателей банкротами.

1. Система правового регулирования банкротства индивидуальных предпринимателей, которая установлена Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), является чрезмерно сложной и трудно обозреваемой. К похожему выводу приходят все, кто занимается исследованием банкротства индивидуальных предпринимателей¹.

На наш взгляд, можно выделить три уровня норм, подлежащих применению в случае банкротства индивидуального предпринимателя. Первый уровень представлен специальными нормами § 2 главы X Закона о банкротстве, непосредственно посвященных исследуемому вопросу. Примечательно, что в параграф включено всего три статьи, которые регламентируют такие вопросы как основания для признания индивидуального предпринимателя банкротом (ст. 214), регулирование банкротства индивидуальных предпринимателей (ст. 214.1), последствия признания инди-

¹ Попондопуло В.Ф., Слепченко Е.В. Банкротство граждан: материально-правовые и процессуальные аспекты // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 9. С. 3–10 ; Пахаруков А.А., Тюкавкин-Плотников А.А. Проблемы правового регулирования несостоятельности (банкротства) индивидуальных предпринимателей // Сибирский юридический вестник. 2012. № 4. С. 39–50; Подмаркова А. С. Особенности банкротства индивидуального предпринимателя по сравнению с банкротством граждан и организаций // Правовое регулирование несостоятельности в России и Франции: сб. ст. М., 2016. С. 101–124.

видуального предпринимателя банкротом (ст. 216). Фактически специальных норм, непосредственно связанных с процессом самого банкротства индивидуальных предпринимателей, нет. Второй уровень норм содержится в § 1.1 и § 4 главы X Закона о банкротстве, которые посвящены потребительскому банкротству и особенностям рассмотрения дел о банкротстве гражданина в случае его смерти, за исключением норм о продаже имущества индивидуального предпринимателя, которые регламентируются по правилам о продаже имущества юридического лица (п. 4 ст. 213.1). Третий уровень норм включает положения, содержащиеся в главах I-III.1, VII, VIII, § 7 главы IX, § 2 главы XI Закона о банкротстве.

Столь сложная система норм обуславливает существование различных подходов к их толкованию и выработке рекомендаций по их применению. Поэтому в целях правильного и единообразного применения норм Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал соответствующие официальные разъяснения (п. 2–4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45). Тем не менее, правовая природа рассматриваемого порядка применения норм может быть оценена по-разному – либо субсидиарное применение норм, либо применение права по аналогии. Представляется, что более верным является первый подход, который разделяется большинством ученых.

Однако даже те, кто одинаково оценивают правовую природу данного порядка применения, приходят к противоположным выводам в ходе толкования одних и тех же норм. Так, А.И. Володкина и А.С. Подмаркова, одинаково определяя применение норм главы I и III Закона о банкротстве к случаям банкротства индивидуального предпринимателя, приходят к разным суждениям относительно круга лиц, имеющих право обращаться в суд с заявлением о банкротстве индивидуального предпринимателя. Дело в том, что в ст. 213.1 Закона о банкротстве указан круг лиц, на основании заявления которых может быть возбуждено дело о банкротстве гражданина – должник (гражданин), конкурсный кредитор, уполномоченный орган. Перечень является закрытым, поэтому А.С. Подмарковой сделан вывод о том, что работник или бывший работник должника-гражданина, не может быть заявителем о банкротстве своего работодателя – индивидуального предпринимателя¹. Между тем А.И. Володкина допускает в данном случае применение норм о банкротстве юридических лиц (п. 1 ст. 7) и делает вывод о допустимости работнику (бывшему работнику) по требованиям о выплате выходного пособия и (или) об оплате труда обращаться в арбитражный суд с соответствующим заявлением².

¹ Подмаркова А.С. Особенности банкротства индивидуального предпринимателя по сравнению с банкротством граждан и организаций. С. 101–124.

² Володкина А.И. Особенности возбуждения дел о банкротстве граждан // Арбитражные споры. 2016. № 3. С. 81–94.

Представляется, что подобного рода толкование можно экстраполировать и на другие ситуации, прежде всего, связанные с порядком удовлетворения требований кредиторов. В отношении юридических лиц соответствующий порядок предусмотрен в ст. 134–137, а для граждан в ст. 213.27 Закона о банкротстве. Между ними имеются различия: (а) в отношении внеочередных требований должника – юридического лица предусмотрено пять очередей (п. 2 ст. 134), в отношении гражданина – четыре очереди (п. 2 ст. 213.27); (б) вторая очередь требований кредиторов должника – юридического лица разделена на три очереди (п. 5 ст. 136), вторая очередь требований кредиторов должника – гражданина не знает такой градации (п. 3 ст. 213.27); (в) требования по так называемым «золотым парашютам» в деле о банкротстве юридического лица должны удовлетворяться в послеочередном порядке, если они превышают минимальный размер соответствующих выплат, предусмотренных трудовым законодательством (п. 2.1 ст. 134), тогда как при банкротстве граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей специальных правил на этот счет нет, поэтому соответствующие выплаты подлежат удовлетворению во внеочередном порядке.

2. Перспективы развития специального правового регулирования банкротства индивидуальных предпринимателей по-разному оцениваются в литературе. Можно условно выделить два основных подхода: принцип единства правового регулирования потребительского банкротства и банкротства индивидуальных предпринимателей (унификация правового регулирования); принцип усиления специального правового регулирования банкротства индивидуальных предпринимателей (дифференциация правового регулирования). Основными аргументами первого подхода являются следующие: существующая редакция § 2 главы X Закона о банкротстве устанавливает минимальное количество особенностей, да и те, которые непосредственно не связаны с осуществлением банкротства. Поэтому с юридико-технической точки зрения соответствующие нормы, касающиеся непосредственно индивидуальных предпринимателей, предлагается изложить в положениях о банкротстве граждан (в § 1 главы X). Основные доводы второй точки зрения сводятся к необходимости учитывать специально-правовое положение индивидуального предпринимателя как субъекта предпринимательской деятельности. Как правило, основными кредиторами в деле о банкротстве индивидуального предпринимателя являются те, чьи требования возникли в связи с осуществлением предпринимательской деятельности. Кроме того, указанная точка зрения может быть аргументирована ссылками на исторические особенности развития дореволюционного конкурсного законодательства, которое подразделяло несостоятельность на торговую и неторговую.

На наш взгляд, законодатель должен пойти по пути дифференциации правового регулирования, усилив специальное правовое нормирование банкротства индивидуальных предпринимателей. Например, следует распространить на банкротство индивидуальных предпринимателей не только правила о продаже имущества, но и порядок удовлетворения требований кредиторов.

3. Оценка правовых последствий признания индивидуального предпринимателя банкротом в юридической доктрине является неоднозначной. В качестве постановки проблемы полагаю возможным обратить внимание научное сообщество на следующее обстоятельство. В соответствии с п. 1 ст. 216 Закона о банкротстве с момента признания индивидуального предпринимателя банкротом утрачивает силу государственная регистрация гражданина в качестве индивидуального предпринимателя, а также аннулируются выданные ему лицензии на осуществление предпринимательской деятельности. Таким образом, в рамках процедуры реализации имущества гражданина предпринимательская деятельность подлежит прекращению, что в свою очередь делает невозможным проведение каких-либо мероприятий восстановительной (реабилитационной) направленности в отношении бизнеса гражданина. А именно, бесперспективным в данный период является заключение мирового соглашения; продажа предприятия как имущественного комплекса возможна, но не в динамичном состоянии («на ходу»), а в статичном (как остановленный бизнес), что снижает его стоимость. Прекращение статуса индивидуального предпринимателя означает, что гражданин перестает быть плательщиком НДС, а также страховых взносов. Неопределенным также является запрет, установленный п. 4 ст. 216 Закона о банкротстве, «участвовать в управлении юридическим лицом» в течение пяти лет после завершения процедуры реализации имущества гражданина.

§ 3. Правовое регулирование банкротства крестьянских (фермерских) хозяйств

Многообразие правовых форм ведения крестьянского (фермерского) хозяйства в российском законодательстве: к постановке проблемы. В действующем российском законодательстве понятие «крестьянское (фермерское) хозяйство» является многозначным и используется для обозначения различных правовых форм ведения экономической деятельности в сфере сельского хозяйства.

Первоначально правовое положение крестьянского (фермерского) хозяйства было установлено Законом РСФСР от 22 ноября 1990 г. № 348-1

«О крестьянском (фермерском) хозяйстве»¹ (далее по тексту – Закон РСФСР о КФХ). Крестьянским (фермерским) хозяйством признавался самостоятельный хозяйствующий субъект *с правами юридического лица*, который мог быть представлен отдельным гражданином, трудоспособными членами семьи (семьей) или группой граждан, совместно ведущих хозяйство в целях осуществления производства, переработки и реализации сельскохозяйственной продукции (п. 1, 3 ст. 1). Отличительной особенностью такого юридического лица являлось то, что хозяйство не являлось собственником закрепленного за ним имущества, последнее принадлежало его членам на правах общей долевой собственности, однако при единогласном решении членов хозяйства имущество могло находиться также в общей совместной собственности (п. 1 ст. 15). Не обладая имущественной самостоятельностью, хозяйство тем не менее признавалось самостоятельным субъектом ответственности: за нарушение договорных обязательств, кредитно-расчетной и налоговой дисциплины, требований к качеству продукции, иных правил осуществления хозяйственной деятельности хозяйство несло полную имущественную ответственность, предусмотренную действующим законодательством (ст. 24). Проявлением самостоятельной имущественной ответственности можно было также считать допустимость прекращения хозяйства в связи с его банкротством (подп. «е» ч. 1 ст. 32). Представляется, что крестьянское (фермерское) хозяйство того периода следует рассматривать в качестве самостоятельной организационно-правовой формы юридического лица. В литературе, правда, высказывались определенные сомнения по поводу отнесения такого объединения к юридическому лицу. Обзор соответствующих мнений приводит Н.Н. Мельников².

Закон РСФСР о КФХ утратил силу 17 июня 2003 г. в связи со вступлением в силу нового Федерального закона от 11 июля 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»³ (далее по тексту – Федеральный закон о КФХ). Однако исключительная норма Федерального закона о КФХ предусматривала положение, согласно которому те крестьянские (фермерские) хозяйства, которые были созданы как юридические лица в соответствии с ранее действовавшим Законом РСФСР о КФХ, получили право сохранить статус юридического лица до 1 января 2010 г. Затем этот срок был продлен еще на три года (до 1 января 2013 г.), а в последующем – до 1 января 2021 г. (п. 3 ст. 23).

¹ О крестьянском (фермерском) хозяйстве : Закон РСФСР от 22 нояб. 1990 г. № 348-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 26, ст. 324 (утратил силу).

² Мельников Н.Н. Понятие крестьянского (фермерского) хозяйства // Журнал российского права. 2007. № 3. С. 35–36.

³ О крестьянском (фермерском) хозяйстве : Федеральный закон от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 24, ст. 2249.

С принятием части первой Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) правовое положение крестьянского (фермерского) хозяйства было изменено. В частности, было признано, что крестьянское (фермерское) хозяйство осуществляет свою деятельность *без образования юридического лица*, а глава крестьянского (фермерского) хозяйства признается индивидуальным предпринимателем (п. 2 ст. 23 ГК РФ). Такое же правило закрепил и принятый позднее Федеральный закон о КФХ: фермерское хозяйство осуществляет предпринимательскую деятельность без образования юридического лица (п. 3 ст. 1).

Под общее правило о том, что крестьянское (фермерское) хозяйство юридическим лицом не является, а его глава признается индивидуальным предпринимателем, было подведено последующее правовое регулирование. Так, Постановлением Правительства РФ от 16 октября 2003 г. № 630² было предусмотрено, что государственная регистрация крестьянских (фермерских) хозяйств осуществляется в порядке, установленном для государственной регистрации физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей (п. 2). Кроме того, нормы о банкротстве крестьянского (фермерского) хозяйства расположены в главе X Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»³ (далее – Закон о банкротстве), посвященной банкротству граждан, а не юридических лиц.

В 2012 г. Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴ правовое положение крестьянского (фермерского) хозяйства вновь было изменено. Граждане получили право заниматься производственной или иной хозяйственной деятельностью в области сельского хозяйства в нескольких формах:

- *без образования юридического лица* на основе соглашения о создании крестьянского (фермерского) хозяйства (договорная форма объединения);
- путем создания *юридического лица* (в организационно-правовой форме коммерческой организации – крестьянское (фермерское) хозяйство).

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

² О Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей, Правилах хранения в единых государственных реестрах юридических лиц и индивидуальных предпринимателей документов (сведений) и передачи их на постоянное хранение в государственные архивы, а также о внесении изменений и дополнений в Постановления Правительства Российской Федерации от 19 июня 2002 г. № 438 и 439 : постановление Правительства РФ от 16 окт. 2003 г. № 630 // Собрание законодательства РФ. 2003. № 43, ст. 4238 (утратил силу).

³ О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43, ст. 4190.

⁴ О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 30 дек. 2012 г. № 302-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7627.

В первом случае главой крестьянского (фермерского) хозяйства *может быть* гражданин, зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя (п. 5 ст. 23 ГК РФ). По поводу толкования этой нормы в литературе указывается на неоднозначный смысл содержащегося в ней правового предписания¹. Необязательность государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя главы крестьянского (фермерского) хозяйства может пониматься двояко: с одной стороны, можно признать, что деятельность хозяйства может носить предпринимательский и непредпринимательский характер, с другой, можно прийти к выводу об исключительно непредпринимательском характере деятельности хозяйства.

Кроме того, Федеральный закон о КФХ (п. 2 ст. 1) предусматривает возможность создания фермерского хозяйства одним гражданином. В этом случае такое хозяйство выступает в гражданском обороте как индивидуальный предприниматель, который является главой хозяйства и действует *единолично*.

Таким образом, в современном российском законодательстве понятие «крестьянское (фермерское) хозяйство» является многозначным и используется для обозначения трех правовых форм осуществления сельскохозяйственной деятельности²:

1) *договорная форма объединения* – крестьянские (фермерские) хозяйства без образования юридического лица, созданные на основе соглашения о создании крестьянского (фермерского) хозяйства:

- а) глава хозяйства не является индивидуальным предпринимателем;
- б) глава хозяйства является индивидуальным предпринимателем;

2) *индивидуальный предприниматель*, являющийся главой крестьянского (фермерского) хозяйства и действующий *единолично*;

3) *юридическое лицо*:

а) организованное в соответствии с Законом РСФСР о КФХ и не обладающее правом собственности на свое имущество (до 1 января 2021 г.);

б) созданное в соответствии с ГК РФ как организационно-правовая форма коммерческих организаций, обладающее правом собственности на свое имущество.

Применение законодательства о банкротстве в отношении крестьянских (фермерских) хозяйств. Различие по вопросу определения правовой личности крестьянского (фермерского) хозяйства обуславливают дифференцированный порядок правового регулирования их банкротства.

Первая и вторая из рассмотренных форм крестьянских (фермерских) хозяйств могут быть признаны банкротами по правилам, которые преду-

¹ Зинченко С.А. Об очередных попытках законодателя разрешить проблемы правового статуса крестьянского (фермерского) хозяйства // Юрист. 2016. № 7. С. 33.

² Илюшина М.Н. Реформа ГК России: правовой статус крестьянского (фермерского) хозяйства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 7. С. 37.

смотрены в § 3 главы X Закона о банкротстве, при этом в субсидиарном порядке подлежат применению положения глав I–VIII Закона о банкротстве. Иными словами, в случае банкротства крестьянского (фермерского) хозяйства, не имеющего статуса юридического лица, сначала применяются специальные нормы о банкротстве этих субъектов, затем – общие положения Закона о банкротстве, а также правила о банкротстве юридических лиц. Именно в таком смысле следует понимать разъяснение, приведенное в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан»¹: «Банкротство крестьянских (фермерских) хозяйств осуществляется по общим правилам Закона о банкротстве с особенностями, установленными параграфом 3 главы X указанного Закона».

Кроме того, когда заявление о признании банкротом подается в арбитражный суд в отношении гражданина, являющегося одновременно индивидуальным предпринимателем и главой крестьянского (фермерского) хозяйства, положения Закона о банкротстве, касающиеся банкротства граждан, не применяются (п. 2 ст. 213.1 Закона о банкротстве). Полагаем, что в данном случае исключено даже субсидиарное применение соответствующих норм, допустимым является только аналогия закона.

Порядок банкротства крестьянских (фермерских) хозяйств – юридических лиц должен определяться прежде всего нормами о банкротстве сельскохозяйственных организаций (§ 3 главы IX), потом считаем обоснованным субсидиарное применение § 3 главы X о банкротстве крестьянских (фермерских) хозяйств, а лишь затем – глав I–VIII Закона о банкротстве, содержащих общие нормы о банкротстве юридических лиц.

Представляется, что крестьянское (фермерское) хозяйство (как юридическое лицо) отвечает признакам *сельскохозяйственной организации*, предусмотренным в ст. 177 Закона о банкротстве. Крестьянское (фермерское) хозяйство как юридическое лицо представляет собой добровольное объединение граждан на основе членства для совместной производственной или иной хозяйственной деятельности в области сельского хозяйства, основанной на их личном участии и объединении членами крестьянского (фермерского) хозяйства имущественных вкладов (абз. 2 п. 1 ст. 86.1 ГК РФ). Гражданин может быть членом только одного хозяйства, созданного в качестве юридического лица (п. 3 ст. 86.1 ГК РФ). Как следует из легальной дефиниции, такое юридическое лицо обладает *специальной* правоспособностью – создается для совместной производственной или иной хозяйственной деятельности в области сельского хозяйства. Специальный

¹ О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 окт. 2015 г. № 45 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12.

характер правоспособности хозяйства, думается, предопределяет, что доля выручки от реализации сельскохозяйственной продукции в общей сумме доходов является значительной. По крайней мере, уж точно не меньше 50 %, что требуется для признания юридического лица сельскохозяйственной организацией.

Крестьянское (фермерское) хозяйство (любой формы) может быть признано также *сельскохозяйственным товаропроизводителем* при условии соблюдения следующих показателей: (1) необходимо осуществлять производство сельскохозяйственной продукции (в соответствии с перечнем, утверждаемым Правительством РФ), ее первичную и последующую (промышленную) переработку и реализацию; (2) доля дохода от реализации этой продукции должна составлять не менее чем 70 % за календарный год в общем доходе от реализации товаров (работ, услуг). Признание крестьянского (фермерского) хозяйства сельскохозяйственным товаропроизводителем обуславливает возможность использования механизма *реструктуризации долгов* до применения процедур банкротства в целях улучшения его финансового состояния. Данная досудебная мера восстановления платежеспособности регламентирована Федеральным законом от 9 июля 2002 г. № 83-ФЗ «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей»¹.

Банкротство крестьянского (фермерского) хозяйства без образования юридического лица. Особенностью банкротства крестьянских (фермерских) хозяйств без образования юридического лица после 1 октября 2015 г. является применение процедур банкротства, которые предусмотрены для должников – юридических лиц: наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство, мировое соглашение. Несмотря даже на то обстоятельство, что соответствующие нормы о банкротстве таких хозяйств расположены в главе X Закона о банкротстве, которая посвящена банкротству гражданина.

Спорным остается вопрос о том, кто выступает в качестве должника в деле о банкротстве – крестьянское (фермерское) хозяйство или его глава? Закон о банкротстве называет в качестве должника как само крестьянское (фермерское) хозяйство (ст. 217, 219, 221–223), так и его главу, имеющего статус индивидуального предпринимателя (ст. 218). В арбитражной практике банкротом зачастую признают главу хозяйства как индивидуального предпринимателя. В доктрине было высказано суждение о том, что крестьянское (фермерское) хозяйство должно рассматриваться в каче-

¹ О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей : федер. закон от 9 июля 2002 г. № 83-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28, ст. 2787.

стве должника¹. С последним выводом нельзя не согласиться, проанализировав соответствующие нормы Закона о банкротстве.

В конкурсную массу хозяйства включается: (1) имущество, находящееся в общей собственности членов хозяйства; (2) имущество, приобретенное для хозяйства на общие средства его членов; (3) имущественные права, принадлежащие хозяйству и имеющие денежную оценку (п. 1 ст. 221 Закона о банкротстве). При этом в конкурсную массу не включается: (1) имущество, принадлежащее главе крестьянского (фермерского) хозяйства и членам крестьянского (фермерского) хозяйства на праве собственности; (2) иное имущество, в отношении которого доказано, что оно приобретено на доходы, не являющиеся общими средствами крестьянского (фермерского) хозяйства (п. 3 ст. 222 Закона о банкротстве). Таким образом, конкурентоспособностью обладает не глава хозяйства, а само крестьянское (фермерское) хозяйство, которое наделено отдельными элементами правосубъектности.

Возникает резонный вопрос: каким образом конкурсный управляющий должен сформировать конкурсную массу крестьянского (фермерского) хозяйства без образования юридического лица в тех случаях, когда хозяйство представлено в одном лице – в лице его главы? Например, в силу запретов, наложенных Гражданским процессуальным кодексом РФ² (абз. 2 п. 1 ст. 446), единственно пригодное для проживания жилое помещение, которое принадлежит на праве собственности индивидуальному предпринимателю и в котором он зарегистрирован, не может являться предметом продажи. Однако, как быть, если жилье и находящийся под им земельный участок были приобретены на средства, вырученные должником от деятельности крестьянского (фермерского) хозяйства? Либо наоборот, имущество, приобретенное на личные средства гражданина, вдруг попадает в конкурсную массу крестьянского (фермерского) хозяйства и выставляется на торги?

Думается, что предпринимательская деятельность, осуществляемая индивидуальным предпринимателем, должна признаваться деятельностью самого хозяйства. Кроме того, следует учитывать следующую презумпцию: все заключаемые индивидуальным предпринимателем сделки презюмируются связанными с его предпринимательской деятельностью в рамках крестьянского (фермерского) хозяйства. Поэтому доходы и имущество, полученные от этих сделок, считаются приобретенными для хозяйства, по крайней мере, если не доказано иное. Следовательно, при формировании конкурсной массы в каждом отдельном случае факт приобретения имущества для личных целей требует самостоятельного доказыва-

¹ Шишмарева Т.П. Особенности несостоятельности крестьянского (фермерского) хозяйства // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2013. № 3. С. 88–89.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46, ст. 4532.

ния самим индивидуальным предпринимателем. Это косвенно следует из п. 3 ст. 221 Закона о банкротстве, в котором имеется условие о доказывании. В противном случае глава хозяйства может злоупотребить правом, зарегистрировав все имущество на себя как приобретенное для личных целей, на свои личные средства. И тем самым «обезопасить» его от реализации в ходе конкурсного производства, применяя п. 3 ст. 222 Закона о банкротстве.

На практике обозначенная проблема решается следующим образом: должник самостоятельно обращается в арбитражный суд с ходатайством об исключении имущества из конкурсной массы и доказывает, что это имущество было приобретено им на его личные средства. В противном случае, имущество будет реализовано конкурсным управляющим, поскольку в соответствии с п. 1 ст. 131 Закона о банкротстве все имущество должника, имеющееся на дату открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства, составляет конкурсную массу.

Проблемным также остается вопрос об использовании счетов должника – крестьянского (фермерского) хозяйства. В соответствии с положениями ст. 133 Закона о банкротстве конкурсный управляющий обязан использовать только один счет должника в банке или иной кредитной организации (основной счет должника). Другие известные на момент открытия конкурсного производства, а также обнаруженные в ходе конкурсного производства счета должника в кредитных организациях подлежат закрытию. Остатки денежных средств должника с указанных счетов должны быть перечислены на основной счет должника. Но как разделить личные денежные средства гражданина и те, что связаны с осуществлением предпринимательской деятельности в рамках крестьянского (фермерского) хозяйства? В практике возникла ситуация, когда конкурсным управляющим был заблокирован счет главы крестьянского (фермерского) хозяйства, но, как позже выяснилось, на этот счет помимо доходов хозяйства перечислялась пенсия гражданина, то есть сугубо его личный доход. Остается непонятным, каким образом нужно разделять такие доходы и остатки на счетах подобного рода должников, а самое главное, по каким основаниям, установленным законом, эти денежные средства должны быть возвращены в конкурсную массу должника. Полагаем, что этот вопрос можно решить только путем активного участия должника в процедуре банкротства и своевременного информирования конкурсного управляющего обо всех фактах своей деятельности. Хотя зачастую должники любыми способами пытаются сокрыть или умолчать о наличии того или иного юридически значимого обстоятельства (наличия денежных средств, открытых счетов и т.д.).

Таким образом, специфичность крестьянского (фермерского) хозяйства как субъекта банкротства способствует появлению огромного числа вопросов, которые еще следует решить законодателю и правопримени-

тельной практике. Содержание статуса и деятельности такого должника не всегда возможно уместить в форму, которая предполагается в процедурах банкротства для юридических лиц. В данный момент правовое и действенное проведение процедур банкротства в отношении крестьянского (фермерского) хозяйства возможно только при соблюдении принципов взаимного и неотъемлемого участия сторон дела о банкротстве, а также открытости и своевременности предоставления информации. Любые возникающие вопросы и проблемы в подобных процедурах должны решаться участниками совместно, а при необходимости с привлечением компетентных органов государства и суда.

§ 4. Правовое регулирование отношений, связанных с трансграничной несостоятельностью

Постановка проблемы. Уровень исследования вопросов правового регулирования трансграничной несостоятельности в отечественной правовой доктрине является недостаточным, о чем свидетельствует незначительное количество монографических работ, а также немногочисленные научные публикации в юридической литературе по данной теме. Данное обстоятельство характерно не только для отечественной науки, в которой проблема трансграничной несостоятельности до начала столетия вообще не была предметом рассмотрения, но также и для зарубежной. Хотя, безусловно, зарубежные исследователи продвинулись в изучении данного явления на много дальше, чем их российские коллеги, хотя бы уже потому, что иностранным правовым порядкам известны различного рода регуляторы трансграничной несостоятельности. Содержательно недостаточный уровень разработки рассматриваемого вопроса проявляется также в том, что не до конца выясненным остается вопрос о содержании основных (смыслообразующих) категорий учения о трансграничной несостоятельности – доктрина «основного», «единого», «параллельного» и «вторичного производства», трансграничные группы компаний, *lex concursus*, центр основных интересов и др. Но, прежде всего, следует указать на неопределенность содержания самого понятия «*трансграничная несостоятельность*» как в российском законодательстве, так и в правовой доктрине.

Легальный подход. Термин «трансграничная несостоятельность» используется в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» (абз. 8 п. 3 ст. 29) (далее по тексту – Закон о банкротстве), однако отсутствует легальная его дефиниция. Более того, употребление рассматриваемого термина сделано не в контексте своего основного значения, а применительно к вопросу определения компетенции федерального органа исполнительной власти, уполномоченного Правительством Российской Федерации на осуществление функций по контролю (надзору) за деятельно-

стью саморегулируемых организаций арбитражных управляющих (таким в настоящее время является Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии). В частности, указанный орган по контролю (надзору) в соответствии с Законом о банкротстве должен оказывать поддержку саморегулируемым организациям арбитражных управляющих и арбитражным управляющим в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве и связанных с вопросами трансграничной несостоятельности. В 2008 г. в ст. 29 Закона о банкротстве были внесены изменения и термин «трансграничная несостоятельность» был уточнен путем указания на синонимичное выражение – «несостоятельность (банкротство), осложненное иностранным элементом».

Термин «трансграничная несостоятельность» также упоминается в других российских правовых актах различного характера. Однако легального определения данного термина в них также не приводится. Общий контекст употребления рассматриваемого термина сводится к провозглашению задачи разработки правового регулирования трансграничной несостоятельности.

Так, Правительство Российской Федерации и Банк России (2009–2010 гг.) в качестве одного из мероприятий по повышению устойчивости национальной финансовой системы предусматривали совершенствование законодательства в части распространения моратория на взыскание долгов и национального режима рассмотрения дела о банкротстве на зарубежные активы российских компаний (трансграничное банкротство)¹.

Правительство Российской Федерации и Банк России в 2005 г. сделали заявление² о том, что требует принятия безотлагательных мер проблема обеспечения процедуры трансграничной несостоятельности банков, которая может быть решена путем заключения межгосударственных соглашений, определяющих порядок ликвидации коммерческих и некоммерческих представительств российских банков за рубежом и иностранных банков в России. Симптоматично, что подобного рода задачи провозглашались еще в 2001 г.³

¹ Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год : утв. Правительством РФ. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс» ; План по реализации основных направлений антикризисных действий и политики модернизации российской экономики Правительства РФ на 2010 год : утв. Правительством РФ 2 марта 2010 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».

² О Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2008 года : заявление Правительства РФ № 983п-П13, Банка России № 01-01/1617 от 5 апреля 2005 г. // Вестник Банка России. 2005. № 19.

³ О Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации : заявление Правительства РФ, Банка России от 30 декабря 2001 г. // Вестник Банка России. 2002. № 5.

Министерство экономического развития Российской Федерации констатировало, что в условиях преодоления последствий мирового финансового кризиса возникает необходимость дальнейшего совершенствования нормативных правовых актов в сфере законодательства о несостоятельности (банкротстве) в период с 2013 по 2015 г. в части введения норм о трансграничном банкротстве¹.

В рамках выполнения Российской Федерацией принятых на высшем уровне обязательств по реализации решений «Группы двадцати» Правительство Российской Федерации и Банк России (2011 г.) в совместном заявлении² провозгласили задачу обеспечить реализацию одобренных международным сообществом предложений Совета по финансовой стабильности и Базельского комитета по банковскому надзору, в том числе по такому направлению как «трансграничные аспекты финансового оздоровления и банкротства системно значимых кредитных организаций».

Правительство Российской Федерации предпринимает только первые шаги в разработке легальной дефиниции рассматриваемого понятия и механизма правового регулирования соответствующей области общественных отношений. Подтверждением данного обстоятельства является включение Правительством Российской Федерации (2014 г.) в План мероприятий («дорожную карту») «Совершенствование процедур несостоятельности (банкротства)»³ подготовку доклада (заметим, не проекта закона), касающегося выработки «предложений по законодательному закреплению регулирования трансграничной несостоятельности или случаев и особенностей осуществления процедур банкротства с иностранным элементом». Ожидаемым результатом, согласно «дорожной карте», должен явиться анализ необходимости дополнительного определения правового статуса иностранных участников процедур банкротства и порядка сотрудничества судов.

Таким образом, обзор действующих российских нормативных правовых актов позволяет констатировать факт отсутствия в отечественной системе законодательства развернутого механизма правового регулирования трансграничной несостоятельности. Термин «трансграничная несостоятельность» хоть и получил «прописку» в действующем законодательстве, но отсутствует легальное определение соответствующего понятия, а

¹ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2013 год и плановый период 2014–2015 годов : разработан Минэкономразвития России // Администратор образования. 2012. № 20.

² О Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года : заявление Правительства РФ № 1472п-П13, Банка России № 01-001/1280 от 5 апреля 2011 г. // Вестник Банка России. 2011. № 21.

³ План мероприятий («дорожной карты») «Совершенствование процедур несостоятельности (банкротства)» : утв. распоряжением Правительства РФ от 24 июля 2014 г. № 1385-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4440.

употребление термина в нормативных правовых актах имеет смежный с данным явлением контекст.

Доктринальный подход. Термин «трансграничная несостоятельность» («cross-border insolvency») заимствован из иностранного правопорядка, хотя и не является в зарубежной доктрине общепринятым при обозначении рассматриваемого явления. В частности, используются такие термины, как «многонациональное банкротство» («multinational bankruptcy»), «международная несостоятельность» («international insolvency»), «глобальная несостоятельность» («global insolvency»), «транснациональное банкротство» («transnational bankruptcy») и т.п. Кроме того, в российской науке конкурсного права не до конца выясненным остается вопрос о соотношении понятий «несостоятельность» и «банкротство»¹.

Обобщение специальной литературы позволяет сделать вывод о том, что в отечественной науке выработано несколько подходов к определению данного понятия: 1) «концепция правоотношений» (Е.В. Мохова, А.А. Рягузов); 2) «концепция правовых норм» (Л.Ю. Собина, С.С. Трушников).

В рамках первой концепции трансграничную несостоятельность А.А. Рягузов предлагает рассматривать в широком и узком смысле. В *узком смысле* – это собственно правоотношение несостоятельности, осложненное иностранным элементом (в том числе, когда имущество должника находится за границей, кредитор является иностранным лицом, в отношении должника возбуждено производство по делу о банкротстве в иностранном государстве, процедура банкротства или ее отдельные элементы подчинены иностранному праву). В *широком смысле* трансграничная несостоятельность включает в себя также тесно связанные с несостоятельностью осложненные иностранным элементом правоотношения, которые не обязательно возникают при несостоятельности, но появление которых возможно лишь в связи с ней (например, требования о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, ответственных за доведение должника до банкротства), а также иные самостоятельные правоотношения, возникающие для достижения целей процедуры (например, отношения по поводу возврата имущества должника в состав конкурсной массы, взыскание задолженности с третьих лиц)². Сходную в концептуальном плане точку зрения высказывает Е.В. Мохова³.

Вторая концепция исходит из понимания трансграничной несостоятельности как совокупности правовых норм, образующих правовой ин-

¹ Пахаруков А.А. Правовое регулирование конкурсного производства юридических лиц: Вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Иркутск, 2003. С. 77–81.

² Рягузов А.А. Правовое регулирование трансграничной несостоятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2008. С. 7, 12–13.

³ Мохова Е.В. Доктрина основного производства при трансграничной несостоятельности юридических лиц : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2009. С. 10–11.

ститут международного частного права¹, состоящий из совокупности норм, регулирующих отношения, возникающие в связи с несостоятельностью должника, находящегося в ином правовом порядке, нежели его активы и (или) кредиторы².

Представляется, что определение данного понятия должно строиться на основе иных методологических подходов, чем категории «правоотношение» или «правовые нормы».

Во-первых, исходным пунктом анализа следует признать бесспорный факт того, что «несостоятельность» и «трансграничная несостоятельность» соотносятся между собой как род и вид. Поэтому природа видового понятия (трансграничная несостоятельность) не может определяться иначе, чем сущность общего (родового) понятия (несостоятельность). Легальное определение несостоятельности (банкротства) содержится в Законе о банкротстве (ст. 2). В доктрине конкурсного права исходя из его анализа правовая природа несостоятельности определяется как юридический (фактический) состав, который порождает для должника комплекс имущественно организационных ограничений, направленных на удовлетворение требований кредиторов. Подобным образом следует определять и трансграничную несостоятельность. Таким образом в рамках настоящей статьи обосновывается необходимость разработки *«концепции юридического (фактического) состава»*.

Обоснованность отстаиваемого подхода подтверждает определение трансграничной несостоятельности, предложенное Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ). Согласно этому определению, под трансграничной несостоятельностью понимается ситуация, при которой должник имеет активы в нескольких государствах или когда некоторые из кредиторов должника находятся не в том государстве, в котором ведется производство по делу о несостоятельности.

Во-вторых, трансграничная несостоятельность как локализованный в пространстве и времени фрагмент объективной реальности отражается в специфической идеальной системе – законодательстве, поэтому методологически верным является дифференцированный подход к анализу экономической сущности (как социально-экономического *содержания*) и правовой природы (как правовой *формы*) данного явления, что помимо познавательных целей имеет известное практическое значение.

¹ Калинина Н.В. Проблемы регулирования трансграничной несостоятельности в международном частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2010. С. 10, 15.

² Собина Л.Ю. Признание иностранных банкротств в международном частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2011. С. 7, 11.

Учебно-методические материалы

Основные термины

Градообразующая организация – юридические лица, численность работников которых составляет не менее двадцати пяти процентов численности работающего населения соответствующего населенного пункта.

Сельскохозяйственная организация – юридические лица, основными видами деятельности которых являются производство или производство и переработка сельскохозяйственной продукции, выручка от реализации которой составляет не менее чем пятьдесят процентов общей суммы выручки.

Стратегические предприятия и организации – (1) федеральные государственные унитарные предприятия и открытые акционерные общества, акции которых находятся в федеральной собственности и которые осуществляют производство продукции (работ, услуг), имеющей стратегическое значение для обеспечения обороноспособности и безопасности государства, защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан Российской Федерации, а также иные организации в случаях, предусмотренных федеральным законом; (2) организации оборонно-промышленного комплекса – производственные, научно-производственные, научно-исследовательские, проектно-конструкторские, испытательные и другие организации, осуществляющие работы по обеспечению выполнения государственного оборонного заказа.

Финансовая организация – профессиональный участник рынка ценных бумаг, клиринговая организация, управляющая компания инвестиционного фонда, паевого инвестиционного фонда и негосударственного пенсионного фонда, специализированный депозитарий инвестиционного фонда, паевого инвестиционного фонда и негосударственного пенсионного фонда, акционерный инвестиционный фонд, кредитная организация, страховая организация, негосударственный пенсионный фонд, организатор торговли, кредитный потребительский кооператив, микрофинансовая организация.

Субъект естественной монополии – хозяйствующий субъект, занятый производством (реализацией) товаров в условиях естественной монополии.

Застройщик – физическое или юридическое лицо, обеспечивающее на принадлежащем ему земельном участке или на земельном участке иного правообладателя (которому при осуществлении бюджетных инвестиций в объекты капитального строительства государственной (муниципальной) собственности органы государственной власти (государственные органы), Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос»,

органы управления государственными внебюджетными фондами или органы местного самоуправления передали в случаях, установленных бюджетным законодательством Российской Федерации, на основании соглашений свои полномочия государственного (муниципального) заказчика или которому в соответствии со статьей 13.3 Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ «О публично-правовой компании по защите прав граждан – участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» передали на основании соглашений свои функции застройщика) строительство, реконструкцию, капитальный ремонт, снос объектов капитального строительства, а также выполнение инженерных изысканий, подготовку проектной документации для их строительства, реконструкции, капитального ремонта. Застройщик вправе передать свои функции, предусмотренные законодательством о градостроительной деятельности, техническому заказчику.

Контрольные вопросы

1. Каков статус градообразующей организации?
2. Каков порядок введения внешнего управления градообразующей организации?
3. Каковы основания и порядок продления финансового оздоровления или внешнего управления в отношении градообразующей организации?
4. Что представляет собой поручительство в деле о банкротстве градообразующей организации?
5. Каким требованиям должно соответствовать поручительство?
6. Каковы особенности продажи предприятия градообразующей организации в рамках внешнего управления или конкурсного производства?
7. Как определяет Закон о банкротстве сельскохозяйственную организацию?
8. Каковы особенности продажи имущества и имущественных прав должника – сельскохозяйственной организации?
9. Каковы особенности осуществления наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления сельскохозяйственной организации?
10. Что является основанием для признания кредитной организации банкротом?
11. Какие меры по предупреждению банкротства могут применяться в отношении кредитных организаций? В чем их суть?
12. Каковы особенности правового статуса арбитражного управляющего при осуществлении процедур банкротства в отношении кредитной организации?
13. В чем заключается специфика конкурсного производства в отношении кредитной организации?

14. Какова роль Банка России в процессе несостоятельности (банкротства) кредитной организации?
15. Какие организации признаются финансовыми?
16. В чем состоят особенности осуществления процедур банкротства в отношении страховых организаций?

Литература для углубленного изучения

1. *Белых В.С.* Банкротство граждан (Критерии. Статус. Процедуры) : учеб.-практ. пособие / В.С. Белых, В.М. Богданов, В.А. Запорощенко ; под общ. ред. В.С. Белых. – М. : Проспект, 2016. – 128 с. – (Урал. шк. предпринимательского права).
2. *Карелина С.А.* Банкротство застройщика: теория и практика правоприменения / С.А. Карелина, И.В. Фролов. – М. : Юстицинформ, 2018. – 240 с.
3. *Карелина С.А.* Банкротство страховых организаций / С.А. Карелина, И.В. Фролов. – М. : Юстицинформ, 2018. – 128 с.
4. *Кузнецов А.П.* Банкротство застройщика: теория и практика защиты участников строительства / А.П. Кузнецов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2017. – 112 с.
5. *Собина Л.Ю.* Признание иностранных банкротств в международном частном праве / Л.Ю. Собина. – М. : Статут, 2012. – 238 с.
6. *Карелина С.А.* Институт банкротства граждан по законодательству РФ (лекция в рамках учебного курса магистерской программы «Правовое регулирование несостоятельности (банкротства)») / С.А. Карелина, И.В. Фролов // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2017. – № 4. – С. 2–20.
7. *Карелина С.А.* К вопросу о пределах вмешательства государства в процесс несостоятельности (банкротства) (на примере банковского сектора) / С.А. Карелина // Вестник арбитражной практики. – 2018. – № 2. – С. 3–9.
8. *Коляда М.В.* Правовые проблемы трансграничной несостоятельности и негативные проявления «банкротного туризма» / М.В. Коляда, Э.Ю. Миронов, С.В. Одинцов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2018. – № 8. – С. 50–57.
9. *Ломакина П.А.* Общие обязательства супругов в деле о банкротстве одного из них / П.А. Ломакина // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 5. – С. 90–119.
10. *Морхат П.М.* «Банкротный туризм» в российской судебной практике: право гражданина или нарушение интересов кредиторов / П.М. Морхат // Российский судья. – 2019. – № 6. – С. 13–17.
11. *Плешанова О.П.* Публично-правовая ответственность vs банкротство гражданина / О.П. Плешанова // Закон. – 2018. – № 10. – С. 61–72.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Актуальность изучения курса. Появление в учебном плане высшего учебного заведения отдельного специального курса «Конкурсное право» обусловлено прежде всего соображениями учебно-методического характера. Кроме того, значительное внимание к изучению соответствующей проблематики предопределено происходящими изменениями в содержании социально-экономических отношений России.

Во-первых, неотъемлемым атрибутом рыночной системы хозяйствования является институт несостоятельности (банкротства). Поэтому познание механизма правового регулирования конкурсных отношений – насущная необходимость современного юриста, специализирующегося в сфере хозяйственной деятельности, необходимая составляющая современного юридического образования.

Во-вторых, практика применения конкурсного законодательства в российских условиях выявила ряд негативных явлений: процедуры банкротства некоторое время назад применялись в качестве инструмента криминального «передела собственности», метода недобросовестной конкуренции. Кроме того, особенности экономической политики государства, несовершенство законодательства о несостоятельности сформировало внешнюю среду, благоприятную для развития процессов массовой несостоятельности, что актуализирует изучение конкурсного права в правоприменительном аспекте.

Предмет изучения курса. Предметом изучения в данном специальном курсе являются нормы права, регулирующие общественные отношения, возникающие в связи с (1) признанием должника несостоятельным (банкротом), (2) осуществлением мер по предупреждению несостоятельности (банкротства), (3) проведением процедур, применяемых в деле о банкротстве, а также (4) иные отношения, возникающие при неспособности должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов.

Кроме того, в область предметного изучения входят также конкурсное законодательство, научные концепции и взгляды по вопросам конкурсного права. В рамках курса исследуются их соотношение и взаимодействие. Значительное внимание уделяется рассмотрению правовой природы и содержания соответствующих социальных связей, сопоставляются и анализируются различные теоретические суждения и взгляды по актуальным вопросам правоприменения.

В ходе изучения конкурсного права студенты рассматривают уже известный им в основных статических чертах нормативный материал по вопросам несостоятельности (банкротства). Однако анализируют его с точки зрения функционального взаимодействия норм и институтов различных отраслей права (публично-правовых и частноправовых), регули-

рующих конкурсные отношения. Думается, поэтому преподавание курса должно способствовать систематизации полученных ранее знаний, активизации познавательной самостоятельности студентов, развитию у них интереса к научному творчеству.

Логика построения курса. Построение системы курса базируется на следующих исходных теоретических предпосылках.

Во-первых, правовой институт несостоятельности (банкротства) является комплексным институтом, включающий нормы материального (гражданское, предпринимательское, трудовое, административное право) и процессуального права (арбитражный и гражданский процесс, исполнительное производство). Поэтому в процессе изучения курса потребуются постоянное обращение к соответствующим темам и разделам смежных дисциплин.

Во-вторых, конкурсное законодательство имеет определенную специфику, заключающуюся в том, что Закон о банкротстве по структуре и содержанию максимально приближен к высшей форме систематизации – кодификации, поскольку в нем отчетливо выделяются традиционные для кодексов общая и особенная части. Однако при составлении программы содержание курса не следует специально дифференцировать на общую и особенную части в виду ограниченности учебных часов и теоретической не разработанности данного вопроса.

Название курса «Конкурсное право» может вызвать определенного рода возражения, поскольку данный термин не получил в юридической литературе однозначного толкования. Так, до революции при неспособности должника полностью удовлетворить требования всех кредиторов имеющееся у него имущество наиболее равномерным и справедливым образом распределялось между его кредиторами, которые как бы «конкурировали» друг с другом, в том числе в рамках определенных групп (очереди). Порядок такого распределения получил название *конкурс* или *конкурсное производство*. Составляющие его правила являлись сутью института несостоятельности (банкротства), а отсюда и появился термин – конкурсное право. В тот период была издана научная и учебная литература по данной проблематике, на юридических факультетах преподавался специальный курс с одноименным названием.

В советский период данный институт не получил должного развития и изучался исключительно в рамках гражданского права буржуазных стран, а термин «конкурсное право» получил совершенно иной смысл. Им обозначался гражданско-правовой институт, регулирующий общественные отношения, складывающиеся в связи с объявлением конкурса, представлением работ, с их оценкой и выплатой предусмотренного вознаграждения. Таким образом, сущность конкурса представляла собой организационно-правовую форму соревнования и отбора лучших работ, выполнен-

ных в соответствии с условиями конкурса. В определенном смысле, кстати, данные правоотношения не потеряли своей актуальности и в настоящее время.

Употребляя термин «конкурсное право», составители данной программы исходили из незыблемости отечественной интеллектуальной традиции трактовать понятие «конкурс» отнюдь не как «форму соревнования», а в смысле совокупности правоотношений, возникающих в связи с несостоятельностью (банкротством) должника. При этом следует отметить, что в настоящее время институт несостоятельности не исчерпывается набором ликвидационных процедур (конкурсное производство, упрощенные процедуры), поскольку все больше находят применение реабилитационные процедуры (мировое соглашение, внешнее управление, досудебная санация). Следовательно, термин «конкурсное право» можно рассматривать в широком и в узком смыслах. В широком – для условного обозначения института несостоятельности в целом, в узком – для указания на одну из процедур банкротства – конкурсное производство (своего рода дань традиции).

Методические рекомендации студентам по изучению курса. Изучать дисциплину рекомендуется в соответствии с той последовательностью, которая обозначена в ее содержании. Для успешного освоения курса обучающиеся должны иметь первоначальные знания в области теории государства и права, гражданского права.

На лекциях преподаватель озвучивает тему, знакомит с перечнем литературы по теме, обосновывает место и роль этой темы в данной дисциплине, раскрывает ее практическое значение. В ходе лекций студенту необходимо вести конспект, фиксируя основные понятия и проблемные вопросы.

Семинарские (практические) занятия по своему содержанию связаны с тематикой лекционных занятий. Начинать подготовку к занятию целесообразно с конспекта лекций. Задание на семинарское (практическое) занятие сообщается обучающимся до его проведения. На семинарском занятии преподаватель организует обсуждение этой темы, выступая в качестве организатора, консультанта и эксперта учебно-познавательной деятельности обучающегося.

Изучение дисциплины включает самостоятельную работу обучающегося. Основными видами самостоятельной работы студентов с участием преподавателей являются:

- текущие консультации;
- коллоквиум как форма контроля освоения теоретического содержания дисциплин: (в часы консультаций, предусмотренные учебным планом);
- прием и разбор домашних заданий (в часы семинарских занятий);

– выполнение курсовой работы в рамках дисциплины (руководство, консультирование и защита курсовой работы в часы, предусмотренные учебным планом).

Основными видами самостоятельной работы студентов без участия преподавателей являются:

– формирование и усвоение содержания конспекта лекций на базе рекомендованной лектором учебной литературы, включая информационные образовательные ресурсы (электронные учебники, электронные библиотеки и др.);

– самостоятельное изучение отдельных тем или вопросов по учебникам или учебным пособиям;

– написание рефератов, докладов;

– подготовка к семинарским занятиям;

– выполнение домашних заданий.

Информационная база составления программы курса. Содержание программы курса должно полностью соответствовать требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция. Кроме того, программа должна разрабатываться на базе действующего конкурсного законодательства, динамично изменяющегося в последнее время, с учетом судебной и арбитражной практики, а также практики деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Содержание курса должно соответствовать также уровню образовательной подготовки, предъявляемому к кандидатам в арбитражные управляющие, в части, касающейся правовых аспектов несостоятельности. Методологической основой построения курса могут являться соответствующие программы подготовки арбитражных управляющих, утвержденные Минэкономразвития России и Центральным банком РФ¹.

¹ Об утверждении Единой программы подготовки арбитражных управляющих : приказ Минэкономразвития РФ от 10 дек. 2009 г. № 517 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 12 ; О программах подготовки арбитражных управляющих в делах о банкротстве отдельных видов финансовых организаций (вместе с «Программой подготовки арбитражных управляющих в делах о банкротстве страховых организаций», «Программой подготовки арбитражных управляющих в делах о банкротстве негосударственных пенсионных фондов», «Программой подготовки арбитражных управляющих в делах о банкротстве профессиональных участников рынка ценных бумаг и управляющих компаний инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов», «Программой подготовки арбитражных управляющих в делах о банкротстве кредитных потребительских кооперативов», «Программой подготовки арбитражных управляющих в делах о банкротстве клиринговых организаций», «Программой подготовки арбитражных управляющих в делах о банкротстве организаторов торговли», «Программой подготовки арбитражных управляющих в делах о банкротстве микрофинансовых организаций») : указание Банка России от 25 сент. 2015 г. № 3808-У // Вестник Банка России. 2015. № 107.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Международные правовые акты

1. Модельный закон о несостоятельности (банкротстве) : принят в г. Санкт-Петербурге 6 декабря 1997 г. Постановлением 10-15 на 10-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 1998. – № 16. – С. 255–338.

2. Модельный закон о банкротстве банков : принят в г. Санкт-Петербурге 8 июня 1997 г. Постановлением 9-6 на 9-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 1997. – № 14. – С. 101–119.

3. Конвенция № 95 Международной организации труда «Относительно защиты заработной платы» : заключена в г. Женеве 1 июля 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М., 1967. – Вып. XXII. – С. 412–420.

4. Конвенция № 173 Международной организации труда «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя» : заключена в г. Женеве 23 июня 1992 г. // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 34. – Ст. 4428.

5. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности : принят в г. Вене 30 мая 1997 г. на 30-й сессии ЮНСИТРАЛ // Доклад Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли о работе ее тридцатой сессии 12–30 мая 1997 года. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятьдесят вторая сессия. Дополнение № 17 (A/52/17). – Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 1997. С. 71–81.

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1, ч. 1. – Ст. 1.

3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

4. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

5. Об исполнительном производстве: федер. закон от 2 окт. 2007 г. № 229-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

6. Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 27. – Ст. 3945.

7. О публично-правовой компании по защите прав граждан – участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 31, ч. 1. – Ст. 4767.

8. Об утверждении Перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ: указ Президента РФ от 4 авг. 2004 г. № 1009 // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 32. – Ст. 3313.

9. Об утверждении Правил принятия решения публично-правовой компанией «Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства» о финансировании или о нецелесообразности финансирования мероприятий, предусмотренных пунктом 2 части 1 статьи 12, частью 2 статьи 13.1 Федерального закона «О публично-правовой компании по защите прав граждан – участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 12 сент. 2019 г. № 1192 // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 38. – Ст. 5306.

10. О мерах по реализации статей 135 и 189.94 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) (вместе с «Правилами капитализации повременных платежей по требованиям граждан, перед которыми должник несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, установленных на дату принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства (для должника – кредитной организации на день отзыва у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций) и подлежащих выплате гражданам до достижения ими возраста 70 лет, но не менее чем за 10 лет», «Правилами исполнения Российской Федерацией обязательств должника (кредитной организации) перед гражданином по выплате капитализированных повременных платежей в случае перехода таких обязательств к Российской Федерации»): постановление Правительства РФ от

9 июля 2019 г. № 872 // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 28. – Ст. 3795.

11. О порядке осуществления расчетов в целях погашения учредителями (участниками) должника, собственником имущества должника – унитарного предприятия и (или) третьим лицом требований к должнику об уплате обязательных платежей в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве (вместе с «Правилами осуществления расчетов в целях погашения учредителями (участниками) должника, собственником имущества должника – унитарного предприятия и (или) третьим лицом требований к должнику об уплате обязательных платежей в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве»): постановление Правительства РФ от 20 окт. 2010 г. № 851 // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 43. – Ст. 5519.

12. Об утверждении порядка ведения государственного реестра саморегулируемых организаций (вместе с «Правилами ведения государственного реестра саморегулируемых организаций»): постановление Правительства РФ от 29 сент. 2008 г. № 724 // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 40. – Ст. 4543.

13. Об организации проведения учета и анализа финансового состояния стратегических предприятий и организаций и их платежеспособности: постановление Правительства РФ от 21 дек. 2005 г. № 792 // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 52, ч. 3. – Ст. 5754.

14. О стратегических предприятиях и стратегических акционерных обществах, в отношении которых применяются специальные правила банкротства: постановление Правительства РФ от 17 нояб. 2005 г. № 684 // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 47. – Ст. 4938.

15. Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства: постановление Правительства РФ от 27 дек. 2004 г. № 855 // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 52, ч. 2. – Ст. 5519.

16. Об Общих правилах подготовки, организации и проведения арбитражным управляющим собраний кредиторов и заседаний комитетов кредиторов: постановление Правительства РФ от 6 фев. 2004 г. № 56 // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 7. – Ст. 526.

17. Об утверждении Общих правил ведения арбитражным управляющим реестра требований кредиторов: постановление Правительства РФ от 9 июля 2004 г. № 345 // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 29. – Ст. 3052.

18. Об обеспечении интересов Российской Федерации как кредитора в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве (вместе с «Положением о порядке предъявления требований по обязательствам перед Российской Федерацией в деле о банкротстве и в процедурах,

применяемых в деле о банкротстве») : постановление Правительства РФ от 29 мая 2004 г. № 257 // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 23. – Ст. 2310.

19. Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа : постановление Правительства РФ от 25 июня 2003 г. № 367 // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 26. – Ст. 2664.

20. Об утверждении Положения о проведении проверки деятельности саморегулируемой организации арбитражных управляющих регулирующим органом : постановление Правительства РФ от 25 июня 2003 г. № 365 // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 26. – Ст. 2662.

21. Об утверждении Общих правил подготовки отчетов (заключений) арбитражного управляющего : постановление Правительства РФ от 22 мая 2003 г. № 299 // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 21. – Ст. 2015.

22. Об утверждении Правил проведения и сдачи теоретического экзамена по единой программе подготовки арбитражных управляющих : постановление Правительства РФ от 28 мая 2003 г. № 308 // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 22. – Ст. 2169.

23. Об утверждении Методики проведения анализа финансового состояния заинтересованного лица в целях установления угрозы возникновения признаков его несостоятельности (банкротства) в случае одновременной уплаты этим лицом налога и о признании утратившим силу приказа Минэкономразвития России от 18 апреля 2011 г. № 175 : приказ Минэкономразвития России от 26 июня 2019 г. № 382 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 23.07.2019.

24. Об исключении ситуации конфликта интересов при рассмотрении в арбитражном суде относительно обособленного спора в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) : заключение Комиссии Совета судей РФ по этике от 5 дек. 2018 г. № 16-КЭ. Документ опубликован не был.

25. Об утверждении Порядка ведения сводного государственного реестра арбитражных управляющих : приказ Минэкономразвития России от 18 апреля 2016 г. № 238 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2016. – № 33.

26. Об утверждении форм документов, представляемых гражданином при обращении в суд с заявлением о признании его банкротом : приказ Минэкономразвития России от 5 авг. 2015 г. № 530 // Российская газета. – 2015. – 4 сент.

27. Об утверждении Федерального стандарта деятельности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих «Правила проведения саморегулируемой организацией арбитражных управляющих проверок профессиональной деятельности членов саморегулируемой организа-

ции в части соблюдения требований Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», других федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, федеральных стандартов, стандартов и правил профессиональной деятельности : приказ Минэкономразвития России от 3 июля 2015 г. № 432 // Российская газета. – 2015. – 10 июля.

28. Об утверждении Федерального стандарта деятельности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих «Требования к аккредитации саморегулируемыми организациями арбитражных управляющих операторов электронных площадок, обеспечивающих проведение торгов в электронной форме при продаже имущества (предприятия) должника в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве : приказ Минэкономразвития России от 26 дек. 2013 г. № 785 // Вестник Росреестра. – 2014. – № 1.

29. Об утверждении Федерального стандарта деятельности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих «Правила проведения стажировки в качестве помощника арбитражного управляющего : приказ Минэкономразвития России от 18 дек. 2012 г. № 799 // Российская газета. – 2012. – 31 дек.

30. Об утверждении Федерального стандарта профессиональной деятельности арбитражных управляющих «Правила ведения Реестра требований о передаче жилых помещений : приказ Минэкономразвития РФ от 20 фев. 2012 г. № 72 // Российская газета. – 2012. – 14 марта.

31. О порядке ведения единого государственного реестра саморегулируемых организаций арбитражных управляющих (вместе с «Порядком размещения сведений, содержащихся в едином государственном реестре саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, на официальном сайте Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии в сети «Интернет») : приказ Минэкономразвития России от 8 июля 2010 г. № 284 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2010. – № 44.

32. Методические рекомендации по исполнению исполнительных документов при введении в отношении должника процедур банкротства : утв. Федеральной службой судебных приставов 30 июня 2010 г. № 02-1 // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. – 2010. – № 9.

33. Об утверждении Единой программы подготовки арбитражных управляющих : приказ Минэкономразвития РФ от 10 дек. 2009 г. № 517 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2010. – № 12.

34. Об утверждении Методических рекомендаций по проведению финансово-экономической экспертизы, назначенной в ходе предварительного следствия, судебного разбирательства уголовных дел, возбужденных

по признакам преступления, предусмотренного статьей 196 Уголовного кодекса Российской Федерации, и Методических рекомендаций для специалистов, привлекаемых к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, при проверке следователем сообщения о преступлении, предусмотренном статьей 196 Уголовного кодекса Российской Федерации : приказ Минэкономразвития РФ от 5 февраля 2009 г. № 35. Документ опубликован не был.

35. Об утверждении Методических рекомендаций по заполнению типовой формы реестра требований кредиторов : приказ Минэкономразвития РФ от 1 сент. 2004 г. № 234. Документ опубликован не был.

36. Об утверждении типовых форм бюллетеня для голосования и журнала регистрации участников собрания кредиторов : приказ Минэкономразвития РФ от 1 сент. 2004 г. № 235 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2004. – № 38.

37. О Порядке голосования органа, уполномоченного представлять в делах о банкротстве и в процедурах банкротства требования об уплате обязательных платежей и требования Российской Федерации по денежным обязательствам при участии в собраниях кредиторов : приказ Минэкономразвития России от 3 авг. 2004 г. № 219 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2004. – № 38.

Судебная практика

1. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 дек. 2018 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 8.

2. О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 дек. 2018 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 2.

3. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 дек. 2017 г. № 53 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 3.

4. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 дек. 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 9.

5. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан :

постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 окт. 2015 г. № 45 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 12.

6. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.

7. О некоторых вопросах, связанных с ведением кредитными организациями банковских счетов лиц, находящихся в процедурах банкротства : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 июня 2014 г. № 36 // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 8.

8. О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 дек. 2013 г. № 97 // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 3.

9. Об уплате налога на добавленную стоимость при реализации имущества должника, признанного банкротом : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 янв. 2013 г. № 11 // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 3.

10. О начислении и уплате процентов по требованиям кредиторов при банкротстве : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 дек. 2013 г. № 88 // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 2.

11. О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 8.

12. О некоторых вопросах, связанных с применением главы III. 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 дек. 2010 г. № 63 // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 3.

13. О порядке погашения расходов по делу о банкротстве : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 дек. 2009 г. № 91 // Вестник ВАС РФ. – 2010. – № 2.

14. О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Об исполнительном производстве» в случае возбуждения дела о банкротстве : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 59 // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 9.

15. О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя : постановление Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 58 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2009. – № 9.

16. О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 63 // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 9.

17. О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)»: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 апреля 2009 г. № 32 // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 7.

18. О некоторых вопросах практики применения положений законодательства о банкротстве отсутствующих должников и прекращении действующих юридических лиц: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 декабря 2006 г. № 67 // Вестник ВАС РФ. – 2007. – № 2.

19. О некоторых вопросах установления в деле о банкротстве требований о выплате капитализированных платежей: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 ноября 2006 г. № 57 // Вестник ВАС РФ. – 2007. – № 1.

20. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с отстранением конкурсных управляющих: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 мая 2012 г. № 150 // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 8.

21. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве): Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 декабря 2005 г. № 97 // Вестник ВАС РФ. – 2006. – № 3.

Основная литература

1. Несостоятельность (банкротство): учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, А.З. Бобылева [и др.]; под ред. С.А. Карелиной; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак. – М.: Статут, 2019. – Т. 1. – 925 с.

2. Несостоятельность (банкротство): учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, А.З. Бобылева [и др.]; под ред. С.А. Карелиной; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак. – М.: Статут, 2019. – Т. 2. – 848 с.

3. Банкротство хозяйствующих субъектов: учеб. для бакалавров / И.В. Ершова, Е.Е. Енькова, Я.О. Алимова [и др.]; отв. ред. И.В. Ершова, Е.Е. Енькова; Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Проспект, 2016. – 336 с. – (Сер. учебников МГЮА для бакалавров).

Дополнительная литература

1. Иванова С.П. Несостоятельность (банкротство) юридических и физических лиц: учеб. пособие / С.П. Иванова, Д.Н. Земляков, А.Л. Баранников; Рос. экон. ун-т им. Г.В. Плеханова. – М.: Юстиция, 2018. – 200 с. – (Серебряная сер.). (Бакалавриат).

2. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный) / А.М. Баринов, А.Ю. Бушев, О.А. Городов [и др.]; под ред. В.Ф. Попондопуло. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2017. – 1200 с.

3. Кораев К.Б. Неплатежеспособность: Новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства) / К.Б. Кораев. – М. : Проспект, 2017. – 320 с.

4. Кравцов А.Ю. Актуальные вопросы несостоятельности (банкротства) : учеб. пособие / А.Ю. Кравцов, А.В. Яровой ; Акад. Ген. прокуратуры РФ. Иркутский юрид. ин-т (филиал). – Иркутск : Иркут. юрид. ин-т (филиал) Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2016. – 119 с.

5. Кузнецов С.А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства) / С.А. Кузнецов. – М. : Инфотропик Медиа, 2015. – 304 с.

6. Пирогова Е.С. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) : учеб. для бакалавриата и магистратуры / Е.С. Пирогова, А.Я. Курбатов ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Юрайт, 2014. – 291 с. – (Бакалавр и магистр. Академический курс).

7. Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование : науч.-практ. пособие / В.Ф. Попондопуло. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2016. – 432 с.

8. Правовое регулирование несостоятельности в России и Франции : сб. ст. / НИУ ВШЭ и университет Ниццы – Софии Антиполис. – М. : Юстицинформ, 2016. – 140 с.

9. Правовое регулирование экономических отношений. Несостоятельность (банкротство) / под ред. Е.П. Губина, С.А. Карелиной. – М. : Статут, 2018. – 256 с.

10. Суворов Е.Д. Банкротство в практике Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: энциклопедия правовых позиций за 2014–2018 гг. / Е.Д. Суворов. – М. : Статут, 2019. – Вып. 2. – 447 с.

11. Телюкина М.В. Конкурсное право. Практикум : учеб.-метод. пособие = Competition law. Practicum : teaching manual / М.В. Телюкина. – М. : Юстицинформ, 2016. – 224 с. – (Сер. Образование).

12. Шишмарева Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии / Т.П. Шишмарева. – М. : Статут, 2015. – 332 с.

13. Шишмарева Т.П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения : учеб. пособие для экзамена по Единой программе подготовки арбитражных управляющих / Т.П. Шишмарева. – М. : Статут, 2015. – 416 с.

14. Юлова Е.С. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) : учеб. и практикум для бакалавриата и магистратуры /

Е.С. Юлова ; Фин. ун-т при Правительстве РФ. – М. : Юрайт, 2017. – 413 с. – (Бакалавр и магистр. Академический курс).

Информационные ресурсы

URL: <http://pravo.gov.ru> – Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации».

URL: <http://fedresurs.ru> – Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц.

URL: <http://bankrot.fedresurs.ru> – Единый федеральный реестр сведений о банкротстве.

URL: <http://www.vsrp.ru> – Верховный Суд Российской Федерации.

URL: <http://economy.gov.ru> – Министерство экономического развития РФ (Минэкономразвитие России).

URL: <http://rosreestr.ru> – Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр).

URL: <http://nalog.ru> – Федеральная налоговая служба (ФНС).

URL: <http://law.edu.ru> – федеральный образовательный правовой портал «Юридическая Россия».

URL: <http://elibrary.ru> – научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU».

URL: <http://naukaprava.ru> – электронная библиотека «Наука права».

URL: <http://www.iprbookshop.ru> – электронно-библиотечная система IPRbooks.

URL: <http://www.consultant.ru> – официальный сайт компании «Консультант Плюс».

URL: <http://www.garant.ru> – информационно-правовой портал «Гарант».

URL: <http://zakon.ru> – первая социальная сеть для юристов «Zakon.ru».

URL: <http://pravo.ru> – справочно-правовая система «Право.ru».

Учебное издание

Семеусов Валерий Александрович
Пахаруков Александр Анатольевич

**Правовое регулирование отношений
несостоятельности (банкротства)**

Учебное пособие

Издается в авторской редакции

ИД № 06318 от 26.11.01.
Подписано в пользование 11.11.19.

Издательство Байкальского государственного университета.
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

<http://bgu.ru>.